

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Ministry of Education and Science of the Russian Federation

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
Perm State University (Russian Federation)

ПЕРМСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
КРАЕВАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
A. M. Gorky Universal Library

УНИВЕРСИТЕТ ЛУИСВИЛЛА
University of Louisville (USA)

**БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ,
ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА:
ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Первого международного симпозиума
(г. Пермь, 11–12 октября 2016 г.)

**SECURITY OF INDIVIDUAL,
STATE AND SOCIETY:
CHALLENGES AND PERSPECTIVES**

Proceedings of the First International Symposium
(Perm, October 11–12, 2016)

Пермь 2017
Perm 2017

УДК 159.9: 351.746: 316.47

ББК 88.52 + 60.524

Б40

Безопасность личности, государства и общества: вызовы и перспективы:
Б40 материалы Первого международного симпозиума (г. Пермь, 11–12 окт. 2016 г.)
/ отв. ред. М. Лосавио, П. С. Пастухов, С. В. Полякова, Н. В. Сыропятова;
Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2017. – 159 с.

ISBN 978-5-7944-2878-0

В сборнике публикуются материалы первого международного симпозиума «Безопасность личности, государства и общества: вызовы и перспективы», состоявшегося на базе Пермского государственного национального исследовательского университета 11–12 октября 2016 г. В рамках симпозиума рассматривались проблемы безопасности в сфере судопроизводства, предпринимательского права и безопасности личности и организаций, информационных технологий и информационной безопасности, безопасности детей и групп риска, безопасности в здравоохранении и экологии. Участниками симпозиума стали представители России, США, Испании, Китая, Кореи и Индии.

Издание предназначено для научных и практических работников, студентов и преподавателей.

Печатается по решению оргкомитета симпозиума

Оргкомитет: кафедра предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, кафедра уголовного процесса и криминалистики ПГНИУ, кафедра английского языка и межкультурной коммуникации ПГНИУ

Ответственные редакторы: М. Лосавио, П. С. Пастухов, С. В. Полякова, Н. В. Сыропятова

Security of Individual, State and Society: Challenges and Perspectives: Proceedings of the First International Symposium (Perm, Russia, October 11–12, 2016) / Executive editors: M. Losavio, P. S. Pastukhov, S. V. Polyakova, N. V. Syropiatova; Perm State University. – Perm, 2017. – 159 p.

ISBN 978-5-7944-2878-0

The book comprises the proceedings of the International Symposium “Security of Individual, State and Society: Challenges and Perspectives” (Perm, Perm State University, October 11–12, 2016). In the framework of the international scientific event the scholars discussed the issues related to the Tracks: Security and the System of Justice, Business Law and Security of Individual and Entities, ICT and Information Security, Security of Children and At-Risk Populations Health and Environmental Security. The representatives from Russia, USA, Spain, China, Korea and India took part in the symposium.

The publication is intended for researchers and practitioners, students and professors.

Published by the decision of the organizing committee

Main organizers: Department of Business Law, Civil and Arbitration Process of Perm State University, Department of Criminal Procedure and Criminalistics of Perm State University, Department of English Language and Intercultural Communication of Perm State University

Executive editors: Michael Losavio, Pavel Pastukhov, Svetlana Polyakova, Natalia Syropiatova

ISBN 978-5-7944-2878-0

© ПГНИУ, 2017

© Perm State University, 2017

Содержание

Вступительное слово	6
SECURITY AND THE SYSTEM OF JUSTICE	
БЕЗОПАСНОСТЬ В СФЕРЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА	9
<i>Борисевич Г. Я.</i> Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства – предмет заботы российских законодателя, Правительства, ученых, практических работников ...	9
<i>Добровлянина О. В.</i> Уголовно-процессуальное регулирование гарантий безопасности заявителя о преступлении	19
<i>Афанасьева С. И.</i> Актуальные проблемы применения домашнего ареста в контексте соблюдения конституционных прав личности в России	25
<i>Долгинов С. Д.</i> Обеспечение безопасности свидетеля, потерпевшего на предварительном следствии и в суде: проблемы организационного и правового обеспечения	37
<i>Кабиров Р. Д.</i> Обеспечение безопасности граждан на первоначальном этапе расследования дорожно-транспортных происшествий	49
<i>Якубина Ю. П.</i> К вопросу о безопасности потерпевшего в судебном заседании, связанном с решением вопросов при исполнении приговора	62
<i>Мальцева Т. В.</i> Материальные аспекты обеспечения безопасности потерпевшего при возмещении вреда	66
<i>Эккерт В. Ю., Эккерт А. В.</i> Некоторые современные криминологические и криминалистические аспекты преступлений в сфере информационных технологий	70
<i>Пастухов П. С.</i> Использование информационных технологий для борьбы с фальсифицированной алкогольной продукцией и обеспечение права на жизнь	78
<i>Шмыков В. И.</i> Психология безопасности в концепции жизнедеятельности	85
<i>Пастухова Л. А.</i> Правовые аспекты обеспечения экологической безопасности в кинологических городках	96
<i>Шмыков Д. В.</i> Обеспечение безопасности детей от воздействия порнографии	100
<i>Самарина О. А.</i> Обеспечение личной безопасности детей в странах Африки	108

BUSINESS LAW AND SECURITY OF INDIVIDUAL
AND ENTITIES

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ

ЛИЧНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИЙ 111

Mingaleva Zh., Mirskikh I. Prevention of information security threats
in economic sphere in Russia 111

Mingaleva Zh., Mirskikh I. The role of information security systems
in protection of industrial innovations 112

Mingaleva Zh. Peculiar properties of cybercrime in lending in Russia ... 113

Frolovich E. Providing Security of Cases in Arbitration Courts 114

Чукулаев Р. В. Права предпринимателей как фактор экономической
безопасности государства 115

Голубцов В. Г., Сыропятова Н. В., Сятчихин А. В. Договорная
ответственность за разглашение банковской тайны 119

Афанасьев А. Б. Проблемы защиты прав вкладчиков, заключивших
договор банковского вклада на нетиповых условиях 125

A. Afanasiev A. Protection of the rights of depositors concluded bank
deposit agreement on the non-standard conditions 127

Rudenko M., Rudnev M. Modeling of efficient deliberate bankruptcy
diagnostics system as an element of national security 128

Rudenko M., Dolganova Y. Model of the region economic security
management 129

Воронина А., Руденко М. Н. Экологические аспекты
национальной безопасности 131

Бондаренко Н. Л., Кузнецова О. А. Обеспечение безопасности
частной жизни в цифровую эпоху 132

Латыпов Д. Н. Некоторые процессуальные аспекты применения
способов защиты гражданских прав 135

Федяев Д. А. Новеллы об обязательном претензионном порядке
в арбитражном процессе с позиции экономической безопасности
добросовестных участников спора 138

Чернядьева Н. А. Институциональный механизм противодействия
терроризму системы ООН 143

ICT AND INFORMATION SECURITY

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ 148

Deborah W. Keeling, Michael Losavio Public Security & Digital
Forensics in the United States 148

M. Losavio, A. Elmaghraby Security for the Global Information World 148

<i>John T. Cross</i> Reforming the patent system for security-related inventions	149
<i>Monika Sharma</i> A National Security Threat: Cybercrime	153
<i>Nikolay Akatyev, Joshua James</i> Legislative Requirements for Cyber Peacekeeping	154
<i>Sungmi Park, Joshua James</i> Possession of Child Pornography in Cache	155
<i>Yuting Wang</i> SINO-US cyber security issues and china's corresponding legislative measures	155
<i>Isabel de la Torre-Díez, Begoña Garcia-Zapirain, Miguel López-Coronado</i> Analysys of Security in Big Data Related to Healthcare	157
<i>Brent Skaggs, Shane Kimble, Michael Losavio, Jennifer Middleton, Theresa Hayden</i> Human Trafficking Beyond Borders: Challenges for Public Security in the Transitional Digital World	158

Уважаемые читатели!

В Пермском государственном национальном исследовательском университете впервые был проведен Международный Симпозиум: «Безопасность личности, государства и общества: вызовы и перспективы» совместно с Университетом г. Луисвилла (штат Кентуки, США). Конференция проходила в рамках празднования столетия образования Пермского государственного университета.

Заявленная тема посвящена актуальным вопросам – обеспечению безопасности в самом широком аспекте, затрагивающая личность, общество и государство. Актуальность мероприятий по обеспечению общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания обуславливается наличием различного рода угроз (природного, техногенного, биолого-социального, экологического и другого характера) для всей среды обитания населения (жилых, общественных и административных зданий, объектов промышленного и сельскохозяйственного производства, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, технических сооружений и систем коммунального хозяйства (водо-, газо-, тепло-, электроснабжения и др.), систем водоотведения, природных ресурсов и др.).

Практика показывает и статистика подтверждает, что за последнее время возросло количество природных и техногенных угроз, которые приводят к возникновению чрезвычайных ситуаций, а также к нарушению жизнедеятельности населения. Такие угрозы и опасные ситуации, спровоцированные хозяйственной деятельностью человека, несут угрозу вредного физического, химического и механического воздействия на население и среду обитания. Например, число жертв нарушений транспортной безопасности, аварий, катастроф каждый год достигает десятков тысяч.

В современном мире возникают угрозы нового типа. Прежде всего, экологические, информационные, конфликтные угрозы. Особые виды угроз возникают в уголовном судопроизводстве, которые выражаются в посткриминальном воздействии на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства.

С каждым днем возрастает количество угроз информационного характера. Такой тип угроз может коснуться каждого, т.к. может быть связан со взломом обычного аккаунта любого гражданина; далее направлен на взлом серверов организаций и ведомственных сетей; превратиться в информационную войну.

Экономические угрозы несут в себе потенциальную угрозу причинения значительного ущерба личности, организации, государству. Статисти-

ка подтверждает, что ежегодно возрастает объем хищений со счетов организаций (физических лиц) и банковских карт.

На сегодняшний день большое количество угроз существует в рамках осуществления предпринимательской деятельности. В связи с этим повышается актуальность исследования юридических и экономических аспектов обеспечения безопасности в данной сфере. Нормальное функционирование и развитие предпринимательства возможно лишь при определенных условиях, одним из которых является безопасность предпринимательской деятельности. Субъекты должны находиться в состоянии защищенности как от внешних, так и от внутренних угроз.

Общей характерной особенностью угроз на современном этапе является их взаимосвязанный характер, выражающийся в том, что одно возникающее бедствие (или реализация угрозы) может вызывать целую цепочку других катастрофических процессов (эффект домино), что определяет необходимость комплексного подхода к обеспечению безопасности среды обитания, общественной безопасности, безопасности личности, государства и общества.

Вновь возникающим угрозам необходимо противопоставить современные средства и технологии, направленные на предотвращение потенциального ущерба. Наш Симпозиум предполагает выработку более совершенного правового регулирования, отвечающего современным вызовам. Среди мер, необходимых для нейтрализации угроз, предполагается, в том числе, создание единой информационной среды, обеспечивающей эффективное и незамедлительное взаимодействие всех сил и служб, ответственных за обеспечение общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания. Необходимо создавать и оснащать центры управления в кризисных и чрезвычайных ситуациях для ликвидации последствий стихийных бедствий. Нашей конференцией мы вносим свой посильный вклад в анализ современных угроз и вызовов, в создание благоприятной среды проживания, выработку правовых средств и методов в обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Оргкомитет ПГНИУ:

**Пастухов Павел Сыроевич
Полякова Светлана Валентиновна
Сыропятова Наталья Владимировна**

On behalf of the University of Louisville we thank the faculty and staff of Perm State University for organizing and hosting this timely international symposium on the security issues facing us. Living safe and secure lives, it is easy to forget how much effort is required across many disciplines to provide that safety and security. This conference brought together scholars from the Russian Federation, the United States of America, the People's Republic of China, the Republic of India, the Kingdom of Spain and the Republic of Korea to examine security from many different facets. This scholarship will inform and advance the pursuit of safe and happy lives for all of us despite the ever-evolving threats that seek to undermine that pursuit. And by bringing us together to discuss these issues, we are better able to work together and address those threats to peace and security.

Deborah Keeling

Professor and Associate Dean

Michael Losavio

Assistant Professor

University of Louisville, USA

SECURITY AND THE SYSTEM OF JUSTICE
БЕЗОПАСНОСТЬ В СФЕРЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА – ПРЕДМЕТ ЗАБОТЫ
РОССИЙСКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЯ, ПРАВИТЕЛЬСТВА, УЧЕНЫХ,
ПРАКТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Г. Я. Борисевич

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь*

Долгие десятилетия в Российском государстве проблемы посткриминального воздействия на свидетелей, потерпевших, других участников уголовного судопроизводства решения не находили. Умалчивали об этом уголовно-процессуальные кодексы (УПК) 1922, 1923, 1960 г.г. Постепенно эти проблемы приобретали масштабное значение, осмысливались. Страх расправы со стороны преступников, его микроокружения, возможность мести влекли отказ свидетелей и потерпевших от дачи ими показаний, либо их изменение. Все это отрицательно сказывалось на установлении обстоятельств уголовных дел. Отсутствие в законодательстве СССР, России системы мер безопасности не способствовало укреплению законности. Даже когда была принята Конституция 1993 года, уголовно-процессуальное законодательство (УПК 1960 г.) отставало от норм, закрепленных в ней.

Постепенно в государстве начала формироваться правовая база применения мер безопасности. Одним из важных шагов России в ходе осуществления Концепции судебной реформы, начавшейся 24.10.1991 г., было принятие Федерального закона от 20.04.1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

В связи со вступлением в 1996 г. в Совет Европы и ратификации в 1998 г. Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Россия присоединилась к Европейской системе защиты прав чело-

века, в связи с чем приняла на себя обязательства привести собственное национальное законодательство в соответствие с европейскими международными нормами, а также признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека. Эти обстоятельства существенно отразились на содержании принятого в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Неоспоримым достоинством УПК РФ 2001 г. явилось закрепление в нем части третьей статьи 11: «при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными действиями, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель применяют в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные статьями 166 ч. 9, 186 ч. 2, 193 ч. 8, 241 п. 4 ч. 2 и 278 ч. 5 настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

20.08.2004 г. был принят Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 1119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

В отношении защищаемого лица могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности: 1) личная охрана, охрана жилища и имущества; 2) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; 3) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; 4) переселение на другое место жительства; 5) замена документов; 6) изменение внешности; 7) изменение места работы (службы) или учебы; 8) временное помещение в безопасное место и другие меры безопасности, предусмотренные Федеральными законами от 20.04.1995 г. № 45 – ФЗ, и от 20.08.2004 г. № 1119-ФЗ.

Меры безопасности могут применяться к судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов; участникам уголовного судопроизводства: подозреваемому, обвиняемому, их законным представителям, защитникам, свидетелю, потерпевшему, эксперту, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, специалисту, переводчику, понятым; их близким родственникам, родственникам, близким лицам.

Субъектами применения мер безопасности являются **суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель** (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Органами, осуществляющими **исполнение мер государственной защиты** являются: Министерство внутренних дел (МВД); Федеральная служба безопасности (ФСБ); Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН); Министерство обороны; Федеральная таможенная служба (ФТС); Министерство здравоохранения и социального развития; Федеральное медико-биологическое агентство. Министерство внутренних дел РФ **координирует** деятельность перечисленных органов.

В целях эффективного применения федеральных законов о мерах безопасности Правительство России приняло несколько нормативных актов. Большое значение имело принятие Правительством ряда постановлений: от 27.10.2006 г. № 630 «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; от 11.11.2006 г. № 664 «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты»; от 3 марта 2007 г. № 134 «Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; от 2.10.2009 г. № 792 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009-2013 годы».

В рамках данной программы действовала вся система государственной защиты. Постановлением Правительства № 898 от 05.09.2014 утверждена реализуемая в настоящее время в России Государственная программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014-2018 годы».

Нельзя не упомянуть и о том, что в соответствии с Федеральным законом от 5.04.2010 г. № 45 «О внесении изменения в ст. 10 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» **Правительство Россиинаделено полномочиями по определению порядка предоставления защищаемым лицам жилья для их переселения.** 21.09.2012 г. во исполнение поручения Правительства РФ от 23.04.2010 г. № СИ-П4-2641 издано постановление Прави-

тельства РФ № 953, утверждающее «Правила применения меры безопасности в виде переселения защищаемого лица на другое место жительства в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

В России также принят ряд ведомственных актов.

Так, **Приказом МВД России** от 21 марта 2007 г. № 281 утвержден **Административный регламент МВД России** по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством РФ государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких.

Деятельность органов внутренних дел по приему рассматриваемых сообщений об угрозе безопасности регламентируется Инструкцией о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях (утверждена Приказом МВД России от 04.05.2010 г. № 333).

За последние 15-20 лет преступность в России возросла, растет число лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу¹. Виды посткриминального воздействия на судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, участников уголовного судопроизводства становятся все более жестокими, спланированными, изоциренными. Поэтому проблема государственной защиты упомянутых выше лиц в нашем государстве не утрачивает своей актуальности. Законодатель в России, можно сказать, постоянно совершенствует нормы, регулирующие применение мер государственной защиты. Так, Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 432-ФЗ сразу в несколько статей УПК РФ внесены изменения.

В ст. 227 введена новая часть 3-1. «В случае, если с уголовным делом поступило постановление о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства, судья принимает меры, исключющие возможность ознакомления с указанным постановлением иных участников уголовного судопроизводства».

В статью 281 УПК, посвященную оглашению показаний потерпевшего и свидетеля, введена часть 6». «Оглашение показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве

¹ Куликов В. Частная тюрьма – не роскошь. Интервью с президентом Федеральной палаты адвокатов Ю. Пилипенко // Российская газета, 2016, 12.07., С. 6.

предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио-видеозаписи, киносъемки допросов осуществляются **в отсутствие несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля без проведения допроса**. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд выносит мотивированное решение о необходимости допросить несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля повторно».

В ст. 303 введена часть 4 «Если в ходе судебного разбирательства данные о личности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства не раскрывались, суд в приговоре ссылается на псевдонимы этих лиц (с указанием этого факта)».

В ст. 313 введена часть 2-1 «В случае осуществления в отношении осужденного государственной защиты суд выносит определение или постановление об отмене мер безопасности либо о дальнейшем применении указанных мер».

Далее. Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 251-ФЗ в статью 241 УПК внесена часть 6-1 «Подсудимый участвует в судебном заседании непосредственно. В исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 205-206, 208, ч. 4 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ст.ст. 275,276,279 и 281 Уголовного кодекса РФ, по ходатайству любой из сторон принять решение **об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видеоконференц-связи**». В подобных ситуациях подсудимому может быть предоставлено последнее слово, с использованием систем видеоконференц-связи (ст. 293 УПК).

Федеральным законом от 30.12.2015 г. № 440-ФЗ также внесены изменения в некоторые статьи УПК. Так, изменена редакция части 1-1 ст. 144 «.... Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. **При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью девятой статьи 166 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении**».

Внесено важное уточнение в часть 9 ст. 166 «При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц, следовательно вправе

в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия начальника органа дознания выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается, приобщается к уголовному делу и **хранится при нем в условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных участников уголовного судопроизводства.....** Хранение постановления в условиях секретности – это важная гарантия обеспечения безопасности участника процесса.

Таким образом, следует сделать обоснованный вывод о том, что в российском государстве существует **весьма солидная правовая база оказания помощи** участникам уголовного судопроизводства, их близким родственникам, родственникам и близким лицам в виде мер государственной защиты от посткриминального воздействия. Поскольку коррупция, организованная преступность принимают широкие масштабы, самые многообразные формы проявления, правовая основа анализируемого института усилиями законодателя совершенствуется в настоящее время и будет впредь развиваться.

Насколько реально исполняются, соблюдаются перечисленные законы – за этим в России следит прокуратура. Так, например, Генеральной прокуратурой РФ была проведена проверка исполнения законодательства РФ о государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства в органах предварительного расследования за 2006 г. – первое полугодие 2008 г. **в 28 субъектах нашего государства**¹.

Вместе с тем, следует признать, что в реализации института обеспечения безопасности в России существует ряд проблем как теоретического, так и практического значения. Законодательство и практика его применения требуют совершенствования. Разработка этих проблем является предметом исследований, проводимых учеными и практическими работниками.

¹ См.: Тимошенко А. Тайна данных о личности участников уголовного судопроизводства // Законность, 2011, № 7, С. 53.

В юридическом сообществе обсуждается вопрос об основаниях применения мер государственной защиты.

Согласно части третьей статьи 11 УПК РФ меры безопасности принимаются в отношении защищаемых лиц **при наличии достаточных данных** о том, что им угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. То есть, основаниями применения мер безопасности являются данные (сведения, информация) **о наличии реальной угрозы** совершения в отношении защищаемых лиц опасных противоправных деяний в связи с участием их в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты. Сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, уже в ходе осуществления защиты обязаны изучить круг угрозоносителей и изолировать охраняемое лицо от возможных контактов с ними. Важно любыми возможными средствами не допустить возникновения опасности для охраняемого лица. Уже в ходе проведения этих мероприятий удастся понять реальность угроз и оценить эффективность и целесообразность предпринимаемых усилий¹. А. Тимошенко справедливо замечает, что реальная опасность для защищаемых может возникнуть гораздо ранее момента поступления первых угроз. Она может предполагаться априори, в силу самой специфики совершенного преступления (например, если речь идет о привлечении к уголовной ответственности представителей организованной преступной группы, банды, на «счету» которой десятки человеческих жизней)².

Исследуя данный вопрос А. Тимошенко ссылается на практику Европейского Суда, признающего, что основанием для засекречивания данных о личности отдельных участников уголовного судопроизводства может быть не только факт поступления угрозы в отношении защищаемого лица, но и сама обстановка совершения преступления, иные обстоятельства, установленные по уголовному делу, прямо указывающие на необходимость сокрытия сведений о нем³. Нам представляется, что в правоприменительной практике России должен быть обеспечен единый подход к по-

¹ Рамазанов И. Защита свидетеля должна быть обдуманной всеми участниками уголовного судопроизводства. Интервью с начальником Управления по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите МВД России, генерал-майором полиции А.В. Лебедевым // Уголовный процесс, 2012, № 7, С. 35.

² Тимошенко А. Указ. соч., С. 55.

³ Там же. С. 56.

ниманию и реализации данного вопроса, что, безусловно, необходимо отразить и в законодательстве.

Ученые в России отмечают, что взаимодействие следователей и сотрудников подразделений государственной защиты в обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства должно быть улучшено¹. В. Саморока и М. Бекетов выработали обоснованные рекомендации относительно того, что следователю необходимо максимально полно информировать сотрудников подразделения государственной защиты о личных данных и местонахождения защищаемого лица; перечня документов прилагаемых к постановлению о применении мер безопасности; форм активного взаимодействия следователя, в производстве которого находится уголовное дело или заявление (сообщение) об угрозах, и подразделения государственной защиты. Реализация в правоприменительной практике данных рекомендаций должна принести положительные результаты.

Среди всех, предусмотренных законодательством, мер безопасности, наиболее распространенными в правоприменительной практике России являются: временное помещение защищаемых лиц в безопасное место; обеспечение конфиденциальности сведений о лице; личная охрана². Стало быть, существует проблема с применением других, предусмотренных законом, мер государственной защиты.

К сожалению, в российских правоохранительных органах и судах существует отсутствие, либо недостаточное количество специальных помещений обеспечения допроса лица в условиях, исключающих его визуальное наблюдение и аппаратуры для изменения голоса³.

В юридической литературе не замалчивается проблема, суть которой заключается в том, что недобросовестные должностные лица злоупотребляют процессуальным усмотрением, т.е. безосновательно засекречивают данные о личности свидетелей и потерпевших. На практике имеют место случаи, когда при отсутствии каких-либо угроз безопасности в адрес потерпевшего, свидетеля присваиваются псевдонимы, что противоречит нормам закона. В связи с этим допрос потерпевшего либо свидетеля в условиях неочевидности позволяет подсудимым и защите высказать определенные сомнения в допустимости таких показаний. Пользуясь аноним-

¹ Саморока В., Бекетов М. Взаимодействие следователей и сотрудников подразделений государственной защиты в обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства // Уголовное право, 2012, № 2, С. 102-106.

² Рамазанов И. Указ. Соч., С. 33.

³ Крюкова Н. И. Проблемы обеспечения защиты свидетелей // Российская юстиция, 2012, № 2, С. 43.

ностью, допрашиваемое лицо из-за личных неприязненных отношений может оговорить подсудимого¹.

В российском юридическом сообществе признана необходимость наличия психологических знаний и навыков работы у сотрудников подразделений государственной защиты либо привлечение профессиональных психологов для работы с защищаемыми лицами. Однако эта необходимость в должной мере еще не обеспечена, хотя соответствующая работа в этом направлении в России ведется. Специалисты правильно отмечают, что в реальной действительности существуют трудности в установлении контакта с защищаемым лицом, в формировании у него понимания важности участия в судебном процессе, доверия к мерам, принимаемым сотрудниками уполномоченных органов для обеспечения его безопасности. У защищаемого лица возникают сложности с изменением привычного образа жизни, ограничением в действиях, в выполнении обязанностей, реализации своих гражданских прав. При этом ситуация осложняется тем, что значительное количество защищаемых лиц уже имеют социально-личностные и психические расстройства, а некоторые из них ведут асоциальный образ жизни или являются выходцами из преступной среды².

Досадно, но часто защищаемые лица не выполняют обязанностей, предусмотренных законом (не информируют подразделение государственной защиты о каждом случае угрозы или противоправных действиях в отношении его; разглашают сведения о применяемых мерах госзащиты без разрешения подразделения государственной защиты; не сообщают о своем круге общения, маршрутах передвижения и т.д.). Такое поведение защищаемых лиц значительно осложняет работу государственных подразделений. А между тем, меры безопасности применяются на основе письменного заявления защищаемого лица или с его согласия, выражаемого в письменной форме, а в отношении несовершеннолетних – на основании письменного заявления его родителей или лиц, их заменяющих, а также уполномоченных представителей органов опеки и попечительства (в случае отсутствия родителей или лиц, их заменяющих) или с их согласия, выраженного в письменной форме.

¹ Тимошенко А. Указ. Соч., С. 54.; Желтобрюхов С.П. Государственная защита потерпевших, свидетелей // Российская юстиция, 2012, № 3. С. 54; Уруков В.Н. К вопросу о доказательственной силе показаний анонимных свидетелей (с учетом прецедентов Европейского Суда) // Российская юстиция, 2009. № 2.

² Иванов И. С. Психологический подход к безопасности защищаемых лиц // Российский следователь, 2012, №19, С. 41.

Ранее нами уже отмечалось, что исполнением мер государственной защиты занимаются подразделения нескольких правоохранительных органов и других органов государственной власти, что, к сожалению, приводит к ведомственному (одностороннему) подходу решения сложной комплексной работы. В юридической литературе своевременно обращено внимание на это обстоятельство. Учеными отмечается, что вопросы осуществления государственной защиты затрагивают сферы деятельности многих федеральных органов исполнительной власти, поэтому реализация закона в полной мере возможна только при условии консолидации их усилий по решению комплекса проблем обеспечения безопасности защищаемых лиц¹. В связи с этим, Н.И. Крюкова предлагает создать единую службу, курирующую вопросы защиты по всей правоохранительной системе². Данное решение должно быть осмыслено, проанализированы положительные и отрицательные моменты существующего настоящего положения. Консолидация усилий подразделений ряда силовых ведомств, безусловно, важна. К этому надо стремиться. В то же время раздробленность системы органов государственной защиты способствует оперативному реагированию на поступающие угрозы. Это обстоятельство также нельзя не учитывать.

Перечень существующих проблем, к сожалению, не является исчерпанным. Вместе с тем следует сделать вывод о том, что **институт обеспечения безопасности** судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, участников уголовного судопроизводства, их близких родственников, родственников, близких лиц в Российской Федерации **доказал свою жизнеспособность и весьма успешно используется судами и правоохранительными органами.**

Ученые и практические работники целенаправленно изучают законодательство и правоприменительную практику ряда стран (США, Великобритании, Франции, Испании, Италии, Германии и др. государств). Это способствует совершенствованию национального законодательства и практики его применения.

¹ *Томилова Н. С.* Принципы государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: автореф. дисс.: канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.

² *Крюкова Н. И.* Проблемы обеспечения защиты свидетелей // Российская юстиция, 2012, № 2. С. 43.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГАРАНТИЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЗАЯВИТЕЛЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

О. В. Добровлянина

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь*

Безопасность – положение, при котором не угрожает опасность кому-нибудь, чему-нибудь¹.

А. Ю. Епихин дает общее определение безопасности. Это состояние, которое является целью и должно быть результатом защиты от любого противоправного посягательства. Защита означает все то, что защищает, обороняет объект от реального посягательства, а результатом этого является состояние защищенности².

Данному институту в настоящее время уделяется немало внимания. Проблема безопасности актуальна из-за неблагоприятных тенденций, связанных с международным терроризмом, с ростом преступности в стране, с беспокойством граждан за собственную безопасность. Не менее важен и вопрос о безопасности участников уголовного судопроизводства, влияющий на эффективность решения задач уголовного процесса, борьбы с преступностью в целом.

В научных работах, исследующих этот аспект, утверждается, что до начала девяностых годов прошлого века в создании правового института по вопросам обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства не было необходимости. Противоправные воздействия, направленные на участников уголовного судопроизводства, не носили массового характера и могли контролироваться государством³.

© Добровлянина О. В., 2017

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27 изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. С. 47.

² См.: Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 47.

³ См., напр., Бутенко Т.П. Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Амурского государственного университета. – 2010. – Вып. 48 : Сер. Гуманитар. науки. – С. 85.

Однако сегодня данный вопрос активно обсуждается на страницах юридической литературы и на практике. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, принятый в 2001 году¹, закрепил этот институт как принципиальное положение в 11 статье. Обеспечение безопасности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также других лиц означает принятие мер, направленных на охрану (защиту) прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

В статье 11 УПК РФ перечислен круг лиц, в отношении которых могут применяться меры безопасности. Это потерпевший, свидетель или иные участники уголовного судопроизводства, а также их близкие родственники, родственники или близкие лица. Кроме того, установлено, что в отношении указанных лиц меры безопасности принимают в пределах своей компетенции суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель. Это возможно, если имеются достаточные данные об угрозах убийством, применением насилия в отношении данных лиц, об уничтожении или повреждении их имущества, или об иных противоправных деяниях.

Исходя из содержания этого положения, все меры безопасности можно разделить на собственно уголовно-процессуальные и иные, «предусмотренные законодательством Российской Федерации». Первые установлены частью 9 статьи 166, частью 2 статьи 186, частью 8 статьи 193, пунктом 4 частью 2 статьи 241 и частью 5 статьи 278 УПК РФ. Последние предусмотрены Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»², Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»³, а также различными ведомственными нормативно-правовыми актами⁴.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. Принят ГД ФС РФ 22.11.2001. (в ред. от 06.07.2016 № 375-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; Российская газета. 2016. 11 июля. / Далее – УПК РФ.

² О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 03 июля 2016 г. № 305-ФЗ) // Российская газета. 2004. 25 августа; 2016. 12 июля.

³ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06 июля 2016 г. № 374-ФЗ) // Российская газета. 1995. 18 августа; 2016. 8 июля.

⁴ Постановление Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 630 (в ред. от 14 июля 2015 г.) «Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении

Если анализировать перечень лиц, на которых распространяется действие данного принципа уголовного процесса, с позиции качества законодательной техники, то целесообразно отметить следующее. Законодатель указывает на конкретных участников судопроизводства, явно подчеркивая особое значение правил о безопасности для них, оставляя перечень открытым. Законодатель не применяет обобщенный термин «участники уголовного судопроизводства». Так, сначала перечислены потерпевший, свидетель, а далее используется формулировка – «или иным участникам уголовного судопроизводства». Последние в данном случае – это не только ряд участников, способствующих надлежащему ходу уголовного процесса, предусмотренных главой 8 УПК РФ, то есть переводчики, эксперты и другие. Очевидно, речь идет обо всех лицах, принимающих участие в уголовном судопроизводстве¹, не указанных конкретно в части 3 статьи 11 УПК РФ. Это и гражданский истец, и частный обвинитель, и подозреваемый и т.д.

Получается, меры безопасности могут быть применены на всех стадиях уголовного процесса к любым его участникам, нуждающимся в этом. К таковым относятся и участники стадии возбуждения уголовного дела, в том числе заявитель² о преступлении. Это участник проверки сообщения о преступлении. Однако при более тщательном изучении вопроса можно сделать вывод о том, что безопасность заявителя обеспечивается не всеми уголовно-процессуальными мерами безопасности. Так, на первоначальной стадии процесса не проводятся допросы, предъявление для опознания,

потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»; *Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 664 (в ред. от 14 июля 2015 г.) «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты»*; постановление Правительства РФ от 14 июля 2015 г. № 705 «О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице»; постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 - 2018 годы».

¹ *Лица*, принимающие участие в уголовном процессе, согласно пункту 58 статьи 5 УПК РФ, – это и есть участники уголовного судопроизводства.

² Из положений статей 141, 144 УПК РФ следует, что заявитель – это лицо, лично сообщившее о преступлении правоохранительным органам. Впоследствии заявитель может приобрести уголовно-процессуальный статус потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого. О том, что в отношении заявителя могут быть применены меры безопасности, прямо указано в части 2 статьи 2 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

контроль и запись переговоров. Но именно в рамках этих следственных действий и посредством особенностей их проведения гарантируется защита участников уголовного судопроизводства (часть 3 статьи 11 УПК РФ).

Из перечисленных в части 3 статьи 11 УПК РФ мер на рассматриваемой стадии уголовного процесса более всех уместна и может быть эффективной мера, позволяющая сохранить в тайне данные о личности заявителя о преступлении. Тем самым возможна его защита от противоправного на него воздействия со стороны кого бы то ни было. Это гарантия безопасности от негативных последствий из-за обращения в правоохранительные органы.

Вместе с тем возникает вопрос о механизме реализации этой меры применительно к заявителю – участнику проверки сообщения о преступлении. Казалось бы, принцип, регулируемый частью 3 статьи 11 УПК РФ, существовал с момента принятия уголовно-процессуального закона, но на практике тем не менее возникали проблемы применения к заявителям о преступлениях рассматриваемой уголовно-процессуальной меры безопасности. Почему? Потому что первоначально о такой возможности не было прямого указания в специальных нормах УПК РФ, посвященных участию заявителя на стадии возбуждения уголовного дела.

В связи с этим Федеральным законом от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ¹ введена часть 1.1 статьи 144 УПК РФ. Из её содержания следует, что при необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном частью 9 статьи 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении. Но технику составления (формулирования) положения части 1.1 статьи 144 УПК РФ назвать безупречной нельзя.

Речь идет об «участниках досудебного производства». Эта категория предполагает и участников стадии предварительного расследования, потому что досудебное производство включает две стадии уголовного процесса: возбуждения уголовного дела и предварительного расследования (разделы VII и VIII УПК РФ соответственно). Между тем статья 144 УПК РФ регулирует вопросы, относящиеся только к стадии возбуждения уголовного дела. Следовательно, термин «участники досудебного производства» целесообразно заменить на «участники стадии возбуждения уголовного дела» или «участники проверки сообщения о преступлении». Это

¹ *О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ// Российская газета. 2013. 06 марта.*

устранит какие-либо сомнения, является или нет участником досудебного производства заявитель о преступлении.

Норма части 1.1 статьи 144 УПК РФ содержит отсылку к части 9 статьи 166 УПК РФ – к специальному нормативному положению, содержащему правило о возможности сокрытия личных данных участников процесса. Однако изначально там было установлено (и ничего не изменилось до сих пор), что это правило подлежит применению при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц. Все перечисленные участники уголовного судопроизводства не являются участниками стадии возбуждения уголовного дела, так как не обладают уголовно-процессуальным статусом потерпевшего (часть 1 статьи 42 УПК РФ) или свидетеля (часть 1 статьи 56 УПК РФ).

Таким образом, прямого указания о том, что правило распространяется и на участников проверки сообщения о преступлении, в том числе и на заявителя, в части 9 статьи 166 УПК РФ нет.

Между тем, лица, обращающиеся в правоохранительные органы с сообщениями о преступлениях, могут быть объектами всевозможных угроз и иных противоправных действий со стороны лиц, заинтересованных остаться безнаказанными. Поэтому необходимо прямое указание закона о возможности применения этой меры безопасности к участникам проверки сообщения о преступлении, и в частности, к заявителю о преступлении.

Законодателю следует закрепить в части 9 статьи 166 УПК РФ процессуальный порядок применения этой меры безопасности и на стадии возбуждения уголовного дела. При этом важно учесть специфику первоначальной стадии уголовного процесса, а именно: особенности оформления приема заявления о преступлении (статья 141 УПК РФ), получения объяснений в ходе опроса, а не показаний, получаемых в ходе допроса. Для этого целесообразно включить участников стадии возбуждения уголовного дела, в том числе заявителя о преступлении, в перечень указанных в части 9 статьи 166 УПК РФ лиц. А кроме словосочетания «протокол следственного действия», используемого в рассматриваемой части статьи многократно, добавить «протокол принятия устного сообщения о преступлении, иные процессуальные документы» в соответствующих падежах. При этом в данной ситуации вряд ли уместно принимать во внимание, что статья 166 УПК РФ в целом посвящена правилам оформления протоколов следственных действий. Именно в части 9 указанной статьи

речь идет о мере безопасности для участников уголовного процесса¹, и прежде всего это положение закона требует усовершенствования.

Таким образом, и правило о возможности применения к заявителю меры безопасности, предусмотренное частью 1.1 статьи 144 УПК РФ, и правило о механизме сокрытия личных данных участника уголовного судопроизводства, предусмотренное частью 9 статьи 166 УПК РФ, нуждается в коррекции с точки зрения законодательной техники.

В целом же правовое регулирование государственных гарантий безопасности заявителя о преступлении оставляет желать лучшего.

Так, из содержания уголовно-процессуального закона не вполне понятно, как будет работать механизм сокрытия данных о личности заявителя о преступлении в случае, если сообщение о противоправных действиях принимает не дознаватель или следователь, а, иное должностное лицо, например, сотрудник дежурной части отдела полиции.

Не ясен также вопрос, распространяется ли практика применения меры безопасности – сохранение в тайне данных о личности, к заявителю по уголовным делам частного обвинения? Чем руководствоваться при этом мировым судьям, применяя или отказывая в применении этой меры? Думается, что данное правило должно быть закреплено в статье 318 УПК РФ на тот случай, когда судья, получив соответствующее заявление, должен будет решить этот вопрос.

Кроме того, в части 3 статьи 11 УПК РФ закреплено, что меры безопасности могут быть применены в рамках расследования и рассмотрения конкретного уголовного дела к близким родственникам, родственникам или близким лицам участников уголовного судопроизводства, то есть к лицам, не приобретающим какой-либо уголовно-процессуальный статус. Возникает вопрос, какие именно меры могут быть применены? Очевидно, это «иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации», а не указанные в УПК РФ. Поэтому в УПК РФ не установлен механизм реализации этого института. Следовательно, формулировка части 3 статьи 11 УПК РФ нуждается в коррекции.

И наконец, в свете борьбы государства с коррупционными проявлениями, весьма актуальным становится вопрос о безопасности заявителей о

¹ К сожалению, отдельной регламентации по данному институту нет. По этому поводу можно лишь предположить, что первоначально законодатель рассчитывал сохранять в тайне данные о личности некоторых участников уголовного судопроизводства только при осуществлении с их участием следственных действий, в частности, допроса. Поэтому рассматриваемую меру безопасности нередко называют «допросом под псевдонимом». Таким образом, законодатель изначально ограничивал сферу применения меры.

коррупции¹. Целесообразно согласиться с рядом авторов, что в национальном законодательстве учтены не все принципы Конвенции и Россией принимаются недостаточные меры по реализации мер безопасности для защиты заявителей о коррупции от неблагоприятных для них последствий². Принимая во внимание передовой международный опыт по данному вопросу, эти недостатки можно устранить как на законодательном, так и на практическом уровне.

Таким образом, целесообразно заключить, что России важно создать эффективную и достаточную систему уголовно-процессуальных мер безопасности для участников уголовного судопроизводства. В правовом регулировании механизма обеспечения безопасности заявителя о преступлении необходимы изменения.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В КОНТЕКСТЕ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В РОССИИ

С. И. Афанасьева

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь*

Действующее законодательство Российской Федерации в рамках общемировых и европейских стандартов гарантированности соблюдения прав личности допускает их ограничение только в исключительных случаях при условии соблюдения оснований и надлежащей процедуры такого ограничения. Применение мер уголовно-процессуального принуждения, в том числе мер пресечения, весьма существенно ограничивает важнейшие

© Афанасьева С. И., 2017

¹ *Российская* Федерация является государством-участником Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, принятой в Нью-Йорке 31 октября 2003 г. и ратифицированной Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ (ст. 32–33). – Далее Конвенция. / Большинство принципов Конвенции в российском законодательстве учтено.

² *Правовая* защита лиц, сообщающих о фактах коррупции: научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, С.А. Кубанцев и др.; отв. ред. А.М. Цирин, Е.И. Спектор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2016. С. 113.

конституционные права личности – право на охрану достоинства личности, право на свободу и личную неприкосновенность, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства – ст. ст. 21, 22, 27 Конституции РФ¹.

Поэтому законодатель предусматривает *альтернативность* при избрании мер пресечения (ст. 98 УПК РФ²) в уголовном судопроизводстве. Правоприменитель, с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела, должен избрать такую меру пресечения, которая создает оптимальные условия для доказывания по уголовным делам, но максимально широко обеспечивает соблюдение прав обвиняемого (подозреваемого).

В практике правоохранительных органов России весьма часто применяется заключение под стражу в качестве меры пресечения. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2015 году судами Российской Федерации было рассмотрено 154 260 ходатайств органов предварительного расследования о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, удовлетворено – 140 457³. В первом полугодии 2016 года – рассмотрено 70 293, удовлетворено – 63 556⁴.

Анализируя данные судебной практики Пермского края, о применении заключения под стражу в качестве меры пресечения, можно отметить аналогичную тенденцию. Так, в 2011 году судами Пермского края рассмотрено 5 235 ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них удовлетворено 4 428 (84,6 %); в 2012 году – 5 151, удовлетворено – 4 240 (82,3%), в 2013 году – 4 496, удовлетворено – 3 756 (83,5%)⁵, в 2014 году –

¹ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ 22.11.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона РФ от 02.03.2016 г. № 40-ФЗ) // Российская газета. 2001. 22 декабря.

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2015 г. // <http://www.vsrif.ru/> (дата обращения: 14.08.2016 г.).

⁴ Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за I полугодие 2016 года // <http://www.vsrif.ru/> (дата обращения: 14.08.2016 г.).

⁵ Справка по результатам обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в том числе в отношении несовершеннолетних за 2013 год // URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

3 809, удовлетворено – 3 197 (83,9 %), в 2015 году – 3 543, удовлетворено – 3 004 (84,8%)¹.

Кроме того, в ходе судебного разбирательства в порядке ст. 255 УПК РФ районными судами, мировыми судьями Пермского края мера пресечения в виде заключения под стражу избиралась в 2011 году в отношении 768 лиц, в 2012 году – 654 лиц, в 2013 году – 618 лиц², в 2014 году – 522 лиц, в 2015 году – 519 лиц³.

Особо следует сказать об избрании заключения под стражу в отношении несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых). Так, в 2011 году судами Пермского края рассмотрено 217 ходатайств органов предварительного расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из них удовлетворено 148 (68,2%); в 2012 году – 129, удовлетворено – 86 (66,7%), в 2013 году – 119, удовлетворено – 92 (77,3%)⁴, в 2014 году – 74, удовлетворено – 56 (75,7%), в 2015 году – 58, удовлетворено – 40 (69%)⁵.

При этом в Европейский Суд по правам человека нередко поступают жалобы от российских граждан, заключенных под стражу, на нарушения ст. ст. 3, 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁶. В частности, обжалуется бесчеловечное и унижающее достоин-

¹ *Справка* о результатах обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в том числе в отношении несовершеннолетних, за 2015 год //URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

² *Справка* по результатам обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в том числе в отношении несовершеннолетних за 2013 год //URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

³ *Справка* о результатах обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в том числе в отношении несовершеннолетних, за 2015 год //URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

⁴ *Справка* по результатам обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в том числе в отношении несовершеннолетних за 2013 год //URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

⁵ *Справка* о результатах обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в том числе в отношении несовершеннолетних, за 2015 год // URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

⁶ *Конвенция* о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.), с изм. от 13.05.2004 г. (вместе с «Протоколом [N 1]» (подписан в г. Париже 20.03.1952 г.), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963 г.), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984 г.)) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

ство обращение путем лишения пищи, сна, незаконное и необоснованное заключение под стражу, незаконное продление сроков содержания лиц под стражей, вызванное неэффективностью проводимого расследования по уголовному делу¹. В юридической литературе приводятся данные о том, что в отношении России уже было вынесено более 110 постановлений по таким жалобам, около 700 дел находятся на рассмотрении в Европейском Суде².

В УПК РФ 2001 г. был введен домашний арест в уголовный процесс как альтернатива заключению под стражу (ст. 107 УПК РФ). Наиболее полное изложение процессуального порядка применения данной меры пресечения было законодательно закреплено лишь после принятия Федерального закона РФ от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ, в котором была предусмотрена новая редакция ст. 107 УПК РФ. Суть данной меры пресечения заключается в непосредственном ограничении права на свободу и личную неприкосновенность обвиняемого (подозреваемого), находящегося под защитой ст. ст. 21, 22, 27 Конституции РФ. По этой причине домашний арест избирается и применяется только судом в состязательной процедуре и на конкретный, специально установленный срок. В отличие от заключения под стражу, домашний арест не предусматривает изоляцию человека от привычных условий повседневного существования.

Домашний арест может быть избран в качестве меры пресечения, если невозможно применение залога или иной, более мягкой меры пресечения. Принимая решение о домашнем аресте, суд вправе в зависимости от тяжести предъявленного обвинения, фактических обстоятельств дела и данных о личности обвиняемого (подозреваемого), подвергнуть его всем ограничениям и (или) запретам, перечисленным в ч.7 ст. 107 УПК РФ, либо некоторым из них.

Как показывает практика, домашний арест не имеет должного внимания у правоприменителя, в отличие от исключительной меры пресечения (заключения под стражу). Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, домашний арест в целом по России в 2011 г. применялся в 1 346 случаях, в 2012 г. – 2 714, в 2013 г. – 3 086³. В 2015 году су-

¹ *Постановление ЕСПЧ по делу «Евгений Гусев (YevgeniyGusev) против Российской Федерации» (жалоба № 28020/05 от 15.12.2013 г.) // Российская хроника Европейского Суда. 2014. № 4.*

² *Зяблина М.В. Современные проблемы обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на свободу и личную неприкосновенность // Российская юстиция. 2016. № 6. С. 33.*

³ *Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360> (дата обращения: 13.05.2016 г.).*

дами Российской Федерации было рассмотрено 5 294 ходатайств органов предварительного расследования о применении меры пресечения в виде домашнего ареста, удовлетворено – 4 676¹. В первом полугодии 2016 года рассмотрено – 3 280, удовлетворено – 2 901².

Судами Пермского края в 2011 году мера пресечения в виде домашнего ареста была избрана в отношении 9 лиц, в 2012 году – 15 лиц³, в 2013 году – 49 лиц, в 2014 году – 79 лиц, в 2015 году – 219⁴.

Таким образом, число обвиняемых (подозреваемых), взятых под домашний арест, постепенно увеличивается. Однако число лиц, в отношении которых избрана самая суровая мера пресечения, по-прежнему остается значительным, а домашний арест еще не является распространенной мерой пресечения.

Многие видные российские ученые, работники правоохранительных структур и представители юридической общественности отмечают, что для повышения эффективности применения домашнего ареста в качестве меры пресечения необходима, прежде всего, более детальная правовая регламентация избрания и применения данной меры. В первую очередь, на законодательном уровне следует четко разграничить основания и условия применения домашнего ареста и заключения под стражу, указав, при каких обстоятельствах применение меры пресечения в виде заключения под стражу нецелесообразно и в отношении лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, будет эффективнее применить домашний арест. При этом необходимо учитывать правовую позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 22.03.2005 г. № 4-П: нормы об избрании мер пресечения «не предполагают возможность принятия судом решения по указанному вопросу без исследования представленных сторонами обвинения и защиты доказа-

¹ *Отчет* о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел за 12 месяцев 2015 г. // <http://www.vsrif.ru/> (дата обращения: 14.08.2016 г.).

² *Основные* статистические показатели судов общей юрисдикции за I полугодие 2016 года // <http://www.vsrif.ru/> (дата обращения: 14.08.2016 г.).

³ *Справка* по результатам обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в том числе в отношении несовершеннолетних за 2013 год // URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

⁴ *Справка* о результатах обобщения практики применения судами Пермского края мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в том числе в отношении несовершеннолетних, за 2015 год // URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

тельств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований для применения данной меры пресечения»¹.

На практике имеют место случаи, когда к обвиняемому (подозреваемому) применяется заключение под стражу, но при этом имеются основания для избрания более мягкой меры пресечения, в частности – домашнего ареста. Так, апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 25.06.2013 г. было изменено постановление судьи Свердловского районного суда г. Перми об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого и принято решение о применении в отношении данного лица домашнего ареста. Суд апелляционной инстанции мотивировал это тем, что суд первой инстанции не дал должной оценки, как того требуют положения ст. 99 УПК РФ, совокупности сведений о личности подозреваемого. Судебная коллегия пришла к выводу о возможности применения к обвиняемому более мягкой меры пресечения, и посчитала необходимым меру пресечения в виде заключения под стражу изменить на домашний арест².

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда было изменено постановление судьи Ленинского районного суда г. Перми о применении в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, меры пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест. Суд апелляционной инстанции не нашел доводы районного суда о том, что обвиняемый представляет исключительную общественную опасность и его необходимо содержать под стражей, обоснованными. Доказательств того, что обвиняемый может оказать давление на других участников судопроизводства и воспрепятствовать предварительному расследованию, в материалах уголовного дела нет. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции меру пресечения в отношении обвиняемого изменил с заключения под стражу на домашний арест³.

¹ *Постановление* Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» от 22.03.2005 г. № 4-П // Рос. газета. 2005. 1 апреля.

² *Апелляционное определение* Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 25.06.2013 г. № 22-5052 // URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

³ *Апелляционное постановление* Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 24.01.2014 г. № 22-903 // URL: oblsud.perm.sudrf.ru (дата обращения: 14.08.2016 г.).

Таким образом, суды, принимающие решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, являющейся наиболее строгой в уголовном процессе, не всегда достаточно полно и всесторонне изучают материалы уголовного дела. Это в свою очередь ставит под сомнение обоснованность принятого ими решения и, как правило, влечет изменение вышестоящим судом вынесенного ими постановления.

При избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения существенное значение имеет определение круга лиц, к которым может приоритетно применяться домашний арест. В литературе высказаны предложения об отнесении к нему инвалидов, несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих несовершеннолетних детей¹. При этом круг этих лиц должен определяться с учетом категории преступления, в совершении которого они обвиняются (подозреваются), наличия или отсутствия судимости, возмещения ущерба, признания вины обвиняемым (подозреваемым) и других обстоятельств.

Весьма существенным для избрания домашнего ареста является установление места нахождения обвиняемого (подозреваемого) при его применении, поскольку именно оно будет фактически очерчивать границы его свободы. На это обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 19.12.2013 г. № 41². Таким местом является жилое помещение, в котором обвиняемый (подозреваемый) проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях.

На практике возможны ситуации, когда обвиняемый (подозреваемый) не может представить в судебном заседании документы, подтверждающие его право собственности или аренды жилого помещения. Думается, что в этом случае суд может использовать в качестве основания для принятия решения о домашнем аресте и иные доказательства. Закон не содержит прямого указания на такую возможность. Но согласно п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста следует привлекать к участию в судебном заседании собственника жилья, если он проживает в том помещении, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого во время домашнего ареста. Показания собственника могут ис-

¹ *Ткачева Н.В.* Теория и практика применения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу: дисс... канд. юрид. наук. Челябинск: Южно-Уральский гос. ун-т, 2003. 248 с.

² *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» от 19.12.2013 г. № (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 г. № 23) // Российская газета. 2013. 27 декабря.

пользоваться в качестве иного доказательства, подтверждающего законность проживания гражданина в жилом помещении.

Перечень «иных» законных оснований остается открытым. В частности, к таким основаниям можно отнести место пребывания иностранного гражданина или лица без гражданства в жилом помещении, не являющемся местом жительства, а также ином помещении, учреждении или организации, в которых иностранный гражданин или лицо без гражданства находится и (или) по адресу которых иностранный гражданин или лицо без гражданства подлежит постановке на учет по месту пребывания¹.

При избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения необходимо учитывать права членов семьи обвиняемого (подозреваемого), совместно с ним проживающих в жилом помещении.

Безусловно, значительным достижением законодателя стало указание на то, что домашний арест может применяться только при условии, что помещение является жилым, т.е. отвечает необходимым санитарным или техническим требованиям, которые позволяют обеспечить жизнедеятельность человека в течение продолжительного времени.

С учетом состояния здоровья обвиняемого (подозреваемого) местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение². В качестве лечебного учреждения надо понимать медицинскую организацию государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения, осуществляющую лечение гражданина³. Согласно ч. 11 ст. 107 УПК РФ в случае госпитализации лица, взятого под домашний арест, местом исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста считается территория соответствующего учреждения здравоохранения. Получается, что местом нахождения лица, взятого под домашний арест, в подобных случаях будет вся территория учреждения здравоохранения? Очевидно, что в этой части положение данной статьи требует

¹ П. 4 ч. 1 ст. 2 Федерального закона РФ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ (в ред. Федерального закона РФ от 28.11.2015 г. № 358-ФЗ) // Российская газета. 2006. 20 июля.

² *Постановление* Правительства РФ «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» (вместе с «Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений») от 14.12.2011 г. № 3 (в ред. Постановления Правительства РФ от 04.09.2012 г. // Российская газета. 2011. 11 янв.

³ Ст. 5, 26 Федерального закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (в ред. Федерального закона РФ от 03.07.2016 г. № 286-ФЗ // Российская газета. 2011. 23 нояб.

детализации, поскольку в необходимой степени не позволяет изолировать обвиняемого (подозреваемого) от общества.

Стоит отметить, что на практике возникает еще одна проблема, связанная с местом нахождения обвиняемого (подозреваемого) при избрании домашнего ареста. В условиях свободной миграции населения часто возникают ситуации, когда преступления совершаются лицами из другого муниципального образования, субъекта Российской Федерации или другого государства. В этом случае почти всегда органы предварительного расследования ходатайствуют об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, хотя фактически остается возможность для применения домашнего ареста. Логика правоприменителя в указанном случае понятна: если обвиняемый (подозреваемый) уедет в другой регион, то он может скрыться от уголовного преследования. В этой связи для расширения возможности применения домашнего ареста в качестве меры пресечения государственным и муниципальным органам и службам следует выделять из жилищного фонда и предоставлять в распоряжение правоохранительных органов определенное количество жилых помещений, отвечающих установленным санитарным и техническим требованиям. В таком случае у органов предварительного расследования будет возможность ходатайствовать перед судом об избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) домашнего ареста, что позволит соблюдать конституционные права личности и способствовать гуманизации уголовного судопроизводства.

При избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) домашнего ареста в качестве меры пресечения возникает насущный вопрос: в чем заключается его изоляция от общества? Закон не дает определения термину «изоляция», но указывает на то, что она может быть полной или частичной. Думается, что под «изоляцией» следует понимать такое ограничение свободы, которое в необходимой степени способствует расследованию преступления и не позволяет подозреваемому или обвиняемому противодействовать производству расследования по уголовному делу. Конечно, в современный период развития информационных технологий полная изоляция обвиняемого (подозреваемого) от общества является невозможной по следующим причинам.

Во-первых, современное развитие мобильной телефонной связи и «Интернета» дает возможность обвиняемому (подозреваемому) свободно общаться через указанные технические средства с другими лицами, что порой трудно проконтролировать сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций. Во-вторых, судебное постановление об избрании домашнего

ареста в качестве меры пресечения не дает оснований для контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также для получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В-третьих, следует также учитывать, что поскольку эта мера пресечения связана с проживанием обвиняемого (подозреваемого) в жилом помещении, должна сохраняться неприкосновенность его жилища, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Согласно Токийским правилам в процессе применения не связанных с тюремным заключением мер уважается право правонарушителя на личную жизнь, а также право на личную жизнь семьи правонарушителя¹.

В решении об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста суд должен указать не только вид, но и пределы налагаемых на лицо ограничений и (или) запретов (п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41). Так, принимая решение о запрете обвиняемому (подозреваемому), в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, выходить за пределы жилого помещения, в котором он проживает, суд должен конкретизировать возможные случаи правомерного выхода обвиняемого за пределы указанного жилого помещения. Но, к сожалению, суд не всегда соблюдает это правило. Так, избрав Д., обвиняемому в совершении преступления средней тяжести, меру пресечения в виде домашнего ареста и возложив на обвиняемого запрет выходить за пределы жилого помещения, в котором он проживает, за исключением случаев, предусмотренных ч. 8 ст. 107 УПК РФ, судья не конкретизировал эти возможные случаи правомерного выхода обвиняемого за пределы указанного жилого помещения. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции изменил обжалуемое постановление, конкретизировал случаи, когда обвиняемый вправе выходить за пределы жилого помещения, в котором он проживает: обращение в неотложных случаях в медицинские учреждения, правоохранительные органы и аварийно-спасательные службы².

Запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами, суд должен указать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц. Однако не всегда на практике эта обязанность добросовест-

¹ *Минимальные* стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 14.12.1990 г. № 45/110 (п. 3.11) // СПС «КонсультантПлюс». 14.12.1990 г. № 45/110 (дата обращения 14.08.2016 г.).

² *Апелляционное* постановление Пермского краевого суда от 06.12.2013 г. № 22-9668 // URL: <http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php> (дата обращения 14.08.2016 г.).

но выполняется судом, принимающим решение об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения¹.

Проанализировав практику Пермского краевого суда за 2011-2016 гг., можно сделать вывод о том, что суды при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения налагают на обвиняемого (подозреваемого) следующие запреты и ограничения: запрет на общение без разрешения органов предварительного следствия с определенными лицами; запрет покидать жилище без разрешения следователя, за исключением случаев, указанных в законе; общаться с лицами, имеющими отношение к уголовному делу; вести переговоры с использованием всех средств связи по обстоятельствам, касающимся производства по уголовному делу; отправлять и получать посылки, бандероли, письма, телеграммы².

При ограничении выхода за пределы жилого помещения, где подозреваемый или обвиняемый проживает, суду следует перечислить случаи, в которых лицу разрешено покидать пределы жилого помещения (например, для прогулки, для посещения учебного заведения), и указать время, в течение которого лицу разрешается находиться вне места исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста. Кроме того, суд также должен указать случаи, в которых лицу запрещено покидать пределы жилого помещения (например, в ночное или иное время, при проведении массовых мероприятий или некоторых из них).

При запрете на пользование средствами связи или ограничении в их использовании суду следует разъяснить подозреваемому, обвиняемому его право на использование телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации. Также в соответствии с ч. 8 ст. 107 УПК РФ обвиняемому предоставляется право для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем и необходимость информировать контролирующий орган о каждом таком случае.

Думается, что в ситуациях крайней необходимости обвиняемый (подозреваемый) вправе не соблюдать ограничения и запреты для спасения жизни, здоровья, имущества своего и близких лиц, находящихся с ним в одном жилом помещении. Кроме того, очевидно, что подозреваемый, об-

¹ Апелляционное постановление Судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 24.01.2014 г. № 22-903 // <http://oblsud.perm.sudrf.ru> (дата обращения 14.08.2016 г.).

² Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 02.06.2014 г. № 22-4319 // URL: <http://oblsud.perm.sudrf.ru/modules.php> (дата обращения 14.08.2016 г.).

виняемый не может быть изолирован от защитника, законного представителя. На общение с ними, в том числе посредством телефонной и иной связи, действие домашнего ареста не распространяется. Но о каждом таком звонке обвиняемый (подозреваемый) должен информировать контролирующий орган.

При ограничении обвиняемого (подозреваемого) в использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» суду следует указать случаи, в которых лицу разрешено использование этой сети (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением – если подозреваемый или обвиняемый является учащимся этого заведения).

На наш взгляд, нельзя пренебрежительно относиться к указанным в ст. 107 УПК РФ ограничениям и запретам. Если не контролировать их соблюдение обвиняемым (подозреваемым), он может оказать влияние на ход предварительного следствия. Например, через всемирную сеть «Интернет» обвиняемый (подозреваемый) может угрожать свидетелям или потерпевшим по уголовному делу, тем самым вынуждать их от дачи показаний.

В качестве органа, обязанного контролировать обвиняемого (подозреваемого), в ч. 10 ст. 107 УПК РФ указан федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных – Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН), которая обязана предоставлять технические средства и разъяснять подследственному правила их эксплуатации¹.

Между тем, как отмечается в юридической литературе, реальное обеспечение правоохранительных органов соответствующими аудиовизуальными, электронными и иными техническими средствами надзора и контроля отстает от бурного и не всегда последовательного развития нормотворчества². Также, бывают случаи, когда обвиняемый (подозреваемый) для преодоления предусмотренных ст. 107 УПК РФ ограничений и запре-

¹ Постановление Правительства РФ «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» (вместе с «Правилами применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений») от 18.02.2013 г. № 134 // Российская газета. 2013. 22 февраля.

² Александров А.С. Домашний арест: критика предложений МЮ РФ по изменению ст. 107 УПК РФ // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. М., Юнити-Дана. 2011. С. 227.

тов умышленно повреждает технические устройства. Так, Пермский районный суд, рассмотрев гражданское дело по иску Федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому краю» к Поповой о возмещении материального ущерба, постановил взыскать с последней ущерб в размере сто девятнадцать тысяч семьсот восемьдесят рублей за неумышленное повреждение мобильного контрольного устройства. В решение указано, что Попова не приняла должных мер к сохранению устройства во время пожара¹.

Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть, что затронутые проблемные аспекты избрания и применения домашнего ареста как альтернативной заключению под стражу меры пресечения, должны привлечь внимание, прежде всего, законодателя и нацелить его на усовершенствование действующего законодательства, что будет способствовать уменьшению числа ошибок, допускаемых уполномоченными органами при избрании наиболее строгих мер пресечения в уголовном судопроизводстве, обеспечению соблюдения конституционных прав личности в России.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ, ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ И В СУДЕ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО И ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

С. Д. Долгинов

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь*

Значительное количество преступлений совершаются в условиях неочевидности, с дальнейшим противодействием расследованию со стороны лиц, совершивших противоправное деяние, что существенно снижает возможности органов предварительного расследования получить доказательства обвинения. Поэтому показания потерпевших и свидетелей,

© Долгинов С. Д., 2017

¹ Данные с сайта РосПравосудия. URL: <https://rospravosudie.com/court-permskij-rajonnyj-sud-permskij-kraj-s/act-487078669/> (дата обращения 21.05.2016 г.).

являющихся непосредственными очевидцами преступления, имеют важнейшее значение для установления истины по делу. Все чаще субъектами государственной защиты становятся несовершеннолетние, дети, подвергшиеся сексуальному насилию, педофилии. Однако не каждый очевидец преступления желает дать показания, поскольку опасается за собственные жизнь и здоровье, а также своих близких родственников.

В Государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» отмечается, что в России ежегодно около 10 млн. человек выступают в качестве потерпевших и свидетелей в ходе расследования и рассмотрения уголовных дел об особо тяжких преступлениях, из них каждый пятый подвергается угрозам. При этом, по разным подсчетам, от 5 до 10 тысяч из них нуждаются в срочной защите¹. Поэтому очень важное значение имеет государственная защита потерпевших и свидетелей, которая представляет из себя предусмотренные Федеральным законом Российской Федерации «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»² меры безопасности, направленные на защиту их жизни, здоровья и (или) имущества, а также меры социальной поддержки указанных лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве.

Программы, обеспечивающие защиту, моральную и материальную помощь потерпевшим и свидетелям, функционируют во многих странах. Принятию Федерального закона в России предшествовало становление и развитие правовой концепции, обосновывающей необходимость института безопасности личности в уголовном процессе Российского государства. Данная концепция основывалась на правовом опыте зарубежных стран, т.к. в отечественной правовой системе этот институт был новшеством.

Согласно Закону основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с уча-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. N 586 "Об утверждении Государственной программы "Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014 - 2018 годы" // СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 3965.

² Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 3 февраля 2014 г., с изм. от 4 июня 2014 г.) // СЗ РФ. 2004. № 34. 23 августа. Ст. 3534.

ствием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты. Следовательно, в результате проверки заявления (сообщения) о наличии угрозы должны быть установлены следующие обстоятельства:

1) реальность угрозы;

2) направленность угрозы на причинение вреда в связи с участием лица в уголовном судопроизводстве.

Реальность угрозы посягательства на жизнь, здоровье и (или) имущество участника уголовного судопроизводства должна подтверждаться не только заявлением, поступившим от этого лица, и его показаниями, но и другими материалами, собранными в ходе проверки¹.

Как отмечает Л.В. Брусницын, помимо прямо запрещенных УК РФ способов противоправного воздействия применяются и такие, ответственность за которые не предусмотрена уголовным законом, но они также могут достигать своей цели: молчаливое преследование потерпевших, свидетелей на улице; фразы по телефону "нам известно, где ты живешь", "подумай о детях"; послание преследуемым фотографий трупов и т.д. В этих случаях формальные основания для применения мер безопасности отсутствуют, так как отсутствует такой признак угрозы, как конкретность. Однако это не должно означать, что участник уголовного судопроизводства остается без защиты. В таких случаях следователь должен в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, дать поручение органу дознания произвести оперативно-розыскные мероприятия с целью установления лица, оказывающего подобное давление на участника уголовного судопроизводства².

Примером отсутствия такой конкретности может быть следующий случай.

В ходе мониторинга средств массовой информации сотрудниками Центра, была изучена статья в одной из краевых газет. Статья была опубликована в связи с обращением частного предпринимателя «Л» по факту обнаружения у своего дома предметов с атрибутикой ритуальных услуг. В ходе работы была организована встреча с гражданином «Л» и членами его семьи.

¹ Подробнее см., например: *Саморока М., Бекетов М.* Принятие следователем решения о применении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. № 1, 2011. С. 72-77.

² *Брусницын Л.В.* Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: Научно-практическое пособие. М., 2004. С. 11.

При встрече гражданин «Л» сообщил ряд фактов преступных посягательств, совершенных в отношении него и членов его семьи, в том числе о подбросе к его дому предметов с атрибутикой ритуальных услуг.

После получения такой информации, в целях недопущения необратимых последствий сотрудниками ОРЧ ОГЗ были приняты меры по обеспечению безопасности гражданина «Л» и членов его семьи. В соответствии с требованиями Федерального закона защищаемым лицам были избраны следующие меры безопасности: личная (физическая) охрана; оснащение жилища защищаемых лиц средствами тревожной сигнализации с подключением к ПЦО.

В процессе осуществления мер безопасности и расследования уголовного дела, сотрудниками ЦОГЗ были установлены все члены преступной группы, причастные к совершению данных преступлений, которые в последствии осуждены к различным срокам лишения свободы.

Сотрудники подразделений государственной защиты могут оказать помощь следователю в установлении реальности угроз (в том числе путем производства оперативно-розыскных мероприятий) с тем, чтобы решение о применении мер безопасности было обоснованным, а средства, которые будут расходоваться на обеспечение безопасности, не были потрачены впустую.

О принятом решении выносится мотивированное постановление (определение), которое направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, для исполнения, а также лицу, в отношении которого вынесено указанное постановление (определение).

Процесс государственной защиты участвующих в уголовном деле лиц может быть как постоянным, то есть на всем протяжении производства по уголовному делу, так иметь и временный характер – закончиться на определенной стадии судопроизводства. Особенности осуществления мер государственной защиты и обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, на различных этапах движения уголовного дела имеют, естественно, свои особенности.

В целях обеспечения безопасности органами государственной власти применяются как процессуальные, так и непроцессуальные меры защиты в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Процессуальные меры закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации (ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278 УПК), непроцессуальные меры защиты регламентированы указанным выше Федеральным за-

коном, а также Постановлениями Правительства¹. Однако процедура их применения недостаточно полно и точно закреплена в законе. На практике до сих пор возникают спорные вопросы, которые зачастую разрешаются не в пользу защищаемых лиц. Одной из причин является проблема утечки информации о применяемых мерах безопасности в отношении защищаемых лиц. Тем самым создаются реальная угроза для жизни и здоровья защищаемых лиц, а также препятствие для осуществления нормальной деятельности органов предварительного расследования и суда.

Наглядным примером сказанного является такая новелла отечественного уголовного процесса, как **участие в нем граждан под псевдонимом**. В период с 2009 по 2013 годы, в рамках реализации Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 гг.», указанная мера безопасности применялась в отношении 4 705 защищаемых лиц (20,8% от общего количества всех примененных мер безопасности), явилась основной мерой в обеспечении конфиденциальности сведений о защищаемом лице².

К сожалению, отмечает И.В. Ревина, при нормативном регулировании применения данной меры безопасности допущен ряд пробелов.

Во-первых, использование псевдонима оказалось невозможным на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку согласно ч.ч. 2, 3 ст. 141 УПК письменное заявление гражданина о преступлении должно быть подписано заявителем, а устное заносится в протокол, который должен содержать данные о заявителе и документах, удостоверяющих его личность. Естественно, не может использоваться псевдоним и в объяснениях граждан в ходе этой стадии. Но ведь нередко посткриминальное воздей-

¹ *Постановление* Правительства РФ от 27 окт. 2006 г. № 630 (в ред. от 16 февр. 2013 г.) "Об утверждении Правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства"; *Постановление* Правительства РФ от 11 нояб. 2006 г. № 664 (в ред. от 25 марта 2013 г.) "Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты"; *Постановление* Правительства РФ от 3 марта 2007 г. № 134 (в ред. от 19 нояб. 2008 г.) "Об утверждении Правил защиты сведений об осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства"//СПС КонсультантПлюс.

² См.: *Информационно-аналитические материалы* Всероссийского семинара-совещания с руководителями подразделений государственной защиты территориальных органов МВД России "Вопросы совершенствования деятельности по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите". М.: Домодедово, 2013. С. 1.

ствие осуществляется именно с целью не допустить начала уголовного преследования (возбуждения дела).

Во-вторых, оптимальным вариантом использования в качестве псевдонима являются не вымышленные имена, как это широко используется в повседневной судебной-следственной практике, а порядковые номера, скажем, свидетель № 1, свидетель № 2 или же буквы алфавита, как это принято в ряде европейских стран и самом Европейском суде по правам человека. Это, в свою очередь, позволит исключить вероятность совпадений с настоящими биографическими данными субъектов, не имеющих отношения к производству по делу¹.

Наиболее часто решение о защите потерпевшего либо свидетеля принимается на стадии предварительного следствия, чему непосредственно посвящена ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в соответствии с которой при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц, следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, **указывается псевдоним участника следственного действия** и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу.

Однако такая степень защиты подобной информации вызывает определенные сомнения. Полагаем, в УПК следует предусмотреть, что постановления такого рода должны храниться в материалах уголовного дела по правилам секретного делопроизводства.

Более того, в соответствии с указанными правилами должен быть определен и процессуальный порядок вызова данного участника для производства следственных и судебных действий, который действующим законом не урегулирован вовсе.

Принять меры безопасности в отношении участников процесса, которые помогли ранее или еще продолжают оказывать содействие расследо-

¹ Ревина И. В. Безопасность лиц, содействующих правосудию.: проблемы обеспечения // Российский следователь. № 19, 2013. С. 35.

ванию, по мнению А.А. Дмитриевой, должно являться обязанностью лица, ведущего производство по уголовному делу. Содержание ч. 3 ст. 11 УПК РФ, закрепляющей пять уголовно-процессуальных мер безопасности, к сожалению, не обязывает лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, принимать такие защитные меры. Формулировка "...принимают в пределах своей компетенции..." меры безопасности не обязывает должностных лиц уголовного процесса к вынесению конкретных решений о применении мер государственной защиты и обеспечения безопасности защищаемых лиц¹.

В этой связи представляется важным момент разъяснения участнику процесса о его праве на применение пяти мер безопасности, прямо перечисленных в ч. 3 ст. 11 УПК. Это непосредственно связано с возможностью реализации предоставленных законом прав участника процесса – защищаемого лица, содействующего правосудию.

Информирование участника уголовного процесса происходит не во время и не по окончании, а непосредственно перед началом следственного действия, с тем чтобы у лица сформировалась наиболее полная картина о его правах и оно имело бы возможность своевременно сообщить о случаях противоправного воздействия либо об угрозе такого воздействия².

Существует точка зрения о том, что защита потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству, должна включать в себя комплекс мер, таких как: а) меры организационного характера (личная охрана, охрана жилища и имущества, выдача оружия и средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности, переселение на другое место жительства и др.); б) усиление уголовно-правовой защиты; в) меры уголовно-процессуального характера, предполагающие неразглашение сведений о личности участников процесса в ходе дознания, предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовного дела. При некотором различии, мнения этих авторов имеют существенное сходство, выражающееся в том, что разработка вышеуказанных и дополнительных мер уголовно-процессуального характера, направленных на обеспечение безопасности лиц, и их внедрение в уголовно-процессуальное законодательство является одним из приоритетных

¹ Дмитриева А.А. Проблемы обеспечения безопасности защищаемых лиц при окончании производства предварительного расследования // Российский следователь. № 19, 2015. С. 18.

² Фадеева М.П. О государственной защите лиц, содействующих уголовному судопроизводству при производстве допроса // Адвокат. 2006. № 9. С. 24.

направлений в сфере обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству.

На практике комплекс указанных мер не всегда обеспечивает достаточную степень защищенности свидетелей и потерпевших. Проанализировав перечень прав, регламентированных ст.ст. 56, 42 УПК РФ ряд авторов обращают внимание, что законодатель не рассмотрел проблему обеспечения безопасности лиц в таком спектре, как многообразии жизненных ситуаций, урегулировать которые имеющимся в законодательстве комплексом мер безопасности достаточно сложно¹.

Существуют такие ситуации, когда свидетель может и не знать своевременно о тех обстоятельствах уголовного судопроизводства, которые могут создать угрозу его безопасности. Например, ст. 110 УПК РФ, регламентирующая отмену или изменение меры пресечения, не содержит предписаний, которые обязывали следователя (судью) при отмене или изменении меры пресечения сообщать об этом лицу, в отношении которого применены меры безопасности, в частности свидетелю. Поэтому полагаем, что содержание данной статьи может быть дополнено положением об уведомлении участников уголовного судопроизводства, находящихся под государственной защитой, об отмене или изменении меры пресечения.

Проблема сохранения в тайне данных о личности свидетеля, потерпевшего имеет место и по завершении следствия. Так, согласно требованиям ст. 217 УПК следователь обязан предъявить обвиняемому и защитнику прошитые и пронумерованные материалы уголовного дела, за исключением постановления, в котором содержатся данные о личности засекреченного лица. Получив право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела, обвиняемый, изучая показания свидетеля о тех либо иных обстоятельствах исследуемого события, анализируя материалы дела в совокупности, в первую очередь по содержанию самих показаний может догадаться – кто свидетельствует против него.

Это может быть вызвано наличием в протоколе допроса, например, свидетеля, указания его псевдонима либо постановления о сохранении в тайне подлинных данных. В этой ситуации следователь фактически лишается возможности гарантировать лицу, обладающему информацией, полное сохранение в тайне данных о его личности.

¹ Воробей Д.А. Проблемы процессуальной безопасности свидетеля // Российский следователь. № 14, 2011. С. 15.

Полагаем, что следует согласиться с С. Губиным, предлагающим внести изменения в ст. 217 УПК, делегировав следователю право в решении вопроса об ограничении возможности обвиняемому и его защитнику ознакомления с материалами предварительного следствия исходя из таких критериев, как интересы следствия, обеспечение безопасности свидетелей и потерпевших. После принятия решения следователь должен вынести постановление, которое может быть обжаловано в существующем порядке руководителю следственного органа, прокурору либо в суд¹.

В последние годы ученые и практики нередко обращали внимание на то, что режим конфиденциальности сведений о мерах безопасности и защищаемых лицах недостаточен. В основном по этим причинам в декабре 2013 года произошло усиление защищенности сведений в области обеспечения безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты до степени государственной тайны². Тенденция законодателя в сторону усиления защищенности путем включения отдельных сведений в области обеспечения безопасности лиц в перечень сведений, составляющих государственную тайну, на наш взгляд, может оцениваться двояко. С одной стороны, такие меры безусловно будут способствовать обеспечению конфиденциальности сведений о защищаемых лицах. Но с другой стороны, излишняя засекреченность не позволит в должной степени проводить научную информационно-аналитическую работу, что затруднит выявлять проблемные вопросы и находить пути их решения.

Отдельные проблемы может вызвать обеспечение безопасности защищаемого лица **при вынесении постановления о приостановлении производства по уголовному делу**. Поскольку процессуальная деятельность в данном случае не проводится (приостанавливается), предполагается, что и уголовно-процессуальные меры безопасности также применяться не могут. Вместе с тем, на наш взгляд, меры государственной защиты, установленные в Федеральном законе № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», могут быть применены или продолжены. Например, в отношении защищаемого лица может быть продолжено его нахождение в безопасном месте до окончания угрозы его безопасности.

¹ Губин С. Защита свидетелей и потерпевших. Законность. 2010. №6. С. 38.

² См.: Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. N 377-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. 2013. N 51. Ст. 6697.

Такой вариант обеспечения безопасности следует рассматривать и в случае прекращения уголовного дела¹. Основания для прекращения производства по делу различны. Оказание воздействия в подобной ситуации может носить характер мести за оказанное содействие. Кроме того, не исключено, что постановление о прекращении дела может быть впоследствии отменено надзирающим прокурором.

Ю.П. Боруленков пишет, что окончание производства по уголовному делу, его прекращение вызывают целый ряд правовых последствий, в том числе принятие такого решения непосредственно связано с возникновением обязанности лица, ведущего дело к решению о принятии мер безопасности участников процесса².

Не менее важное значение имеет исследование проблем обеспечения безопасности защищаемого лица при **передаче дела в суд**. Следователь может дать гарантию о сохранении тайны данных о личности лишь до судебного следствия. В дальнейшем судья позицией либо обещаниями следствия никоим образом законом не связан. На практике это служит достаточно весомым аргументом в отказе лица дать свидетельские показания, в связи с которыми существует реальная угроза его жизни и здоровью, а также членам его семьи. Как следствие – существенные потери в доказательственной базе.

В случае применения мер защиты они должны иметь свое продолжение в судебных стадиях и применяться иными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, подчеркивает А.А. Дмитриева³.

Безусловно обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей судом значительно труднее в сравнении с предварительным следствием. Тем не менее, от решения этого вопроса во многом зависит дальнейшее установление объективной истины.

Согласно ч. 6 ст. 278 УПК в случае заявления сторонами "обоснованного" ходатайства о раскрытии личности того, кто скрыт псевдонимом, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения дела обстоятельств суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями. При этом возможность такого раскрытия не поставлена

¹ Дмитриева А.А. Проблемы обеспечения безопасности защищаемых лиц при окончании производства предварительного расследования // Российский следователь. № 19, 2015. С. 19.

² Боруленков Ю.П. Предмет доказывания как категория // Уголовное судопроизводство. № 4, 2013. С.18 - 25.

³ Подробнее см., например: Дмитриева А.А. Указ. соч.

в зависимость ни от согласия защищаемого на это, ни от устранения угрозы посткриминального воздействия. Не всеми поддерживается позиция Л.В. Брусницина считающего, что очевидна необходимость переработки ч. 6 ст. 278 УПК – указание в ней на то, что, признав ходатайство обоснованным, но не получив согласия защищаемого лица на раскрытие сведений о нем, суд должен отказать в удовлетворении ходатайства, а отказав в этом - исключить показания указанного лица из исследуемой совокупности доказательств, поскольку неудовлетворение **обоснованного** ходатайства исключает возможность оценки показаний, данных под псевдонимом, как достоверных и обуславливает их недопустимость в дальнейшем процессе доказывания¹. С таким предложением, считает И.В. Матвиенко, вряд ли согласятся практические работники. В случае если показания дает единственный и незаменимый свидетель, то исключение его показаний из перечня доказательств может привести к оправдательному приговору. В ситуации раскрытия судом в порядке ч. 5 ст. 278 УПК РФ подлинных данных о личности защищаемого лица, выводить такого ценного свидетеля из уголовного дела нельзя. Мы разделяем данную позицию.

Одними только уголовно-процессуальными мерами тайна информации не может быть обеспечена. Предотвращению оказания воздействия на лиц, оказывающих содействие осуществлению правосудия, по мнению И.В. Ревинной², может служить, во-первых, новелла в ст. 278 УПК, предусматривающая возможность использования **видеозаписи показаний защищаемых граждан** и воспроизведения ее на стадии судебного разбирательства без вызова в суд самих защищаемых или видеотрансляции для допросов в суде лиц, находящихся под защитой, вне зала судебного заседания либо допроса в суде должностных лиц правоохранительных органов, которым в ходе их служебной деятельности от потерпевших и свидетелей, находящихся под защитой, стали известны обстоятельства совершенного преступления; во-вторых, дополнение в ст. 11 УПК, устанавливающее, что меры безопасности в отношении защищаемого лица продолжают действовать вплоть до момента реального устранения угрозы для данного лица. Данное предложение основывается на позиции Верховного Суда Российской Федерации, который указал на недопущение отмены мер безопасности только на основании вступления приговора суда в законную силу³

¹ *Брусницин Л.В.* К вопросу о надзоре за исполнением законодательства в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса // *Законность.* № 9, 2012. С. 9.

² *Ревина И.В.* Указ. раб. С. 36.

³ *Определение Верховного Суда РФ от 30 марта 2009 г. № 12-О09-8.*

Большинство проблем, характерных для регионов России, очевидно, присущи и службе обеспечивающей государственную защиту в Пермском крае. Но следует отметить, что в последние годы количество свидетелей и потерпевших, в отношении которых применялись меры безопасности, значительно увеличилось. По данным ГУ МВД России по Пермскому краю сравнительный анализ показывает: в период с 2008-2010 годы обеспечивалась безопасность 24 свидетелей и 23 потерпевших (16 человек в год), а в период с 2013 по 2015 г. их количество увеличилось до 170 (34 человека в год). В отношении указанных лиц применялось 400 мер безопасности, из них: «личная охрана, охрана жилища и имущества» составляет 41%, «выдача специальных средств, средств связи и оповещения об опасности» – 11%, «обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице» – 27%, «временное помещение в безопасное место» – 18% и «изменение места работы или учебы» – 3%.

При значительном количестве преступлений, которые совершаются в крае и активном противодействии расследованию представляется, что государственная защита требуется гораздо большему числу свидетелей, потерпевших. Их защита положительно скажется на раскрытии, расследовании и предотвращении преступлений.

В современных условиях уже накоплен – определенный опыт осуществления специализированных мероприятий по защите жизни, здоровья потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Но даже при урегулировании большинства выше перечисленных вопросов преждевременно говорить, что все эти меры применяются успешно и работают хорошо.

Таким образом, проведенный анализ практики применения мер государственной защиты личности показывает, что реализация данного средства правовой защиты зачастую затруднена наличием большого количества организационных, технических проблем, законодательных пробелов. Преодолеть указанные препятствия возможно либо путем внедрения в практику государственной защиты современных оперативно-технических средств, издания специальных ведомственных инструкций органов, занимающихся реализацией отдельных мер безопасности и мер социального обеспечения, либо путем внесения дополнений в нормативные документы и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о механизме реализации законодательных положений.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

Р. Д. Кабиров

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь*

Современный уровень автомобилизации населения, качество подготовки водителей, интенсивность дорожного движения, низкий уровень дисциплины участников дорожного движения, качество дорог создают угрозы транспортной безопасности, приводят к огромному количеству дорожно-транспортных происшествий. Только в 2013 году произошло около 200 тысяч дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли 27 тысяч и ранены почти 252 тысячи человек. Количество выявленных нарушений в области дорожного движения в 2014 году превысило 72 миллиона. Ежегодный материальный ущерб от дорожно-транспортных происшествий исчисляется сотнями миллиардов рублей¹. За 2015 год в России в дорожно-транспортных происшествиях погибло 19011, ранено 207985 человек².

Обеспечение транспортной безопасности в силу социальной значимости соответствующей инфраструктуры выступает одной из насущных задач современного общества. Само это понятие трактуется в законодательстве как реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства³.

В последние годы в процессе надзора за соблюдением участниками дорожного движения государством сделаны значительные изменения: постепенно улучшается качество дорог, повышается качество и безопас-

© Кабиров Р. Д., 2017

¹ По данным официального сайта ГИБДД МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gibdd.ru/news/672>.

² <http://www.gibdd.ru/stat/2015/> (дата обращения 10 октября 2016 г.).

³ *Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О транспортной безопасности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.05.2014) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 7. ст. 837.*

ность автомобилей активно используются средства фотовидеофиксации правонарушений в области дорожного движения.

В 2015–2016 гг. в Российской Федерации была продолжена работа, направленная на изменение законодательства в сфере безопасности дорожного движения, с целью минимизации числа случаев нарушений Правил дорожного движения, снижения количества ДТП на дорогах страны. На законодательном уровне были приняты новые поправки, которые преимущественно касались норм административной ответственности за различные нарушения в области безопасности дорожного движения (в части ужесточения санкций), а также, в частности, были внесены некоторые изменения в правила поведения участников дорожно-транспортного происшествия и порядка их оформления.

Помимо вышеуказанного ФЗ "О транспортной безопасности" следует отметить Указ Президента РФ от 31.03.2010 N 403 "О создании комплексной системы обеспечения безопасности населения на транспорте" и принятое в соответствии с ним распоряжение Правительства РФ от 30.07.2010 № 1285-р¹.

Обеспечение безопасности дорожного движения давно стало одним из ведущих направлений политики не только нашего государства, но и всего мирового сообщества, в связи с чем Правительством РФ разработана федеральная целевая программа по повышению безопасности дорожного движения, первый этап которой (2006–2012 гг.) уже прошел, второй этап планируется осуществить в 2013–2020 гг.². Однако, как отмечают исследователи: "в полном объеме реализуемая государством политика, направленная на обеспечение безопасности дорожного движения, не смогла коренным образом изменить криминогенную ситуацию в данной сфере"³.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2010 N 1285-р (ред. от 11.12.2013) "Об утверждении Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте" // Собрание законодательства РФ. 2010. № 32. Ст. 4359.

² Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 100 "О федеральной целевой программе "Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 гг." // Собрание законодательства РФ 27.02.2006. № 9. Ст. 1020; распоряжение Правительства РФ от 27.10.2012 № 1995-р "Об утверждении Концепции федеральной целевой программы "Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 гг." // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.11.2012. № 45. ст. 6282.

³ Ромашихин И.В. Перспективы правового регулирования безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 103.

Уже длительное время действует Административный регламент, утвержденный Приказом МВД РФ от 2 марта 2009 г. № 185¹, касающийся исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Ужесточение санкций за правонарушения в области дорожного движения наблюдается в течение последнего десятилетия и соответствует зарубежной практике, которое в целом дало значительный положительный эффект. В гл. 27 УК РФ "Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта" ужесточена ответственность за ряд преступлений, связанных с нарушением Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортных средств. За их совершение предусмотрены следующие виды наказаний: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, ограничение свободы, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части (для военнослужащих), лишение свободы на определенный срок².

Сложная ситуация на дорогах, интенсивность движения требует выработки мер, направленных на обеспечение безопасности граждан в результате установления обстоятельств совершенного дорожно-транспортного происшествия, безопасного проведения следственных действий. Основные обязанности по поддержанию безопасности дорожного движения и проведению первоначальных организационных, розыскных и следственных действий возложены на сотрудников полиции³.

В частности предусмотрены обязанности осуществлять государственный контроль (надзор) за соблюдением правил, стандартов, технических норм и иных требований нормативных документов в области обеспечения безопасности дорожного движения; регулировать дорожное движение; оформлять документы о дорожно-транспортном происшествии; осуществлять государственный учет основных показателей состояния безопасности дорожного движения; принимать экзамены на право управления автотранспортными средствами, трамваями, троллейбусами и выдавать води-

¹ Административный регламент МВД РФ, утвержденном Приказом МВД РФ от 2 марта 2009 г. № 185.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016)//Собрание законодательства РФ. 1996. ст. 2954.

³ О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2013) //Собрание законодательства РФ. 2011. ст. 900.

тельские удостоверения; регистрировать в порядке, установленном законодательством РФ, автотранспортные средства и прицепы к ним и выдавать в установленных случаях свидетельства о допуске их к перевозке опасных грузов; осуществлять по основаниям и в порядке, которые предусмотрены Правительством РФ, сопровождение транспортных средств; согласовывать маршруты транспортных средств, осуществляющих перевозку крупногабаритных грузов, а в установленных законодательством РФ случаях – тяжеловесных грузов (п. 19 ч. 1 ст. 12 Закона о полиции).

Для эффективного воздействия на обеспечение безопасности участников дорожного движения сотрудникам полиции предоставлены права:

- требовать от граждан и должностных лиц прекращения противоправных действий;

- проверять документы, удостоверяющие личность граждан, если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом;

- проверять у граждан разрешения (лицензии) и иные документы на совершение определенных действий или на осуществление определенного вида деятельности, контроль (надзор) за которыми возложен на полицию в соответствии с законодательством РФ;

- вызывать в полицию граждан и должностных лиц по находящимся в производстве делам об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений об административных правонарушениях, о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции; получать по таким делам, материалам, заявлениям и сообщениям необходимые объяснения, справки, документы (их копии);

- подвергать приводу в полицию в случаях и порядке, предусмотренных федеральным законом, граждан и должностных лиц, уклоняющихся без уважительных причин от явки по вызову;

- в связи с находящимися в производстве делами об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений об административных правонарушениях, о происшествиях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, запрашивать и получать на безвозмездной основе по мотивированному запросу уполномоченных должностных лиц полиции от государственных и муниципальных органов, общественных объединений,

организаций, должностных лиц и граждан сведения, справки, документы (их копии), иную необходимую информацию, в том числе персональные данные граждан, за исключением случаев, когда федеральным законом установлен специальный порядок получения информации;

- запрашивать и получать от медицинских организаций сведения о гражданах, поступивших с ранениями и телесными повреждениями, полученными в результате дорожно-транспортных происшествий, а также о гражданах, имеющих медицинские противопоказания или ограничения к водительской деятельности;

- беспрепятственно по предъявлении служебного удостоверения посещать в связи с находящимися в производстве делами об административных правонарушениях, а также в связи с проверкой зарегистрированных в установленном порядке заявлений и сообщений об административных правонарушениях, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, государственные и муниципальные органы, общественные объединения и организации, знакомиться с необходимыми документами и материалами, в том числе с персональными данными граждан, имеющими отношение к производству по делам об административных правонарушениях, проверке заявлений и сообщений об административных правонарушениях;

- требовать от граждан (групп граждан) покинуть место совершения административного правонарушения, место происшествия, если это необходимо для документирования обстоятельств совершения административного правонарушения, обстоятельств происшествия, для сохранения следов административного правонарушения, происшествия, для обеспечения безопасности граждан;

- в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан не допускать их на отдельные участки местности и объекты либо обязывать оставаться на соответствующих участках местности и объектах или покинуть их;

- обращаться к группам граждан, нахождение которых в общественных местах не связано с проводимыми на законных основаниях публичными и массовыми мероприятиями, с требованием разойтись или перейти в другое место, если возникшее скопление граждан создает угрозу их жизни и здоровью, жизни и здоровью других граждан, объектам собственности, нарушает работу организаций, препятствует движению транспорта и пешеходов;

- составлять протоколы об административных правонарушениях, собирать доказательства, применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применять иные меры,

предусмотренные законодательством об административных правонарушениях;

- доставлять граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации;

- доставлять по письменному заявлению граждан в медицинские организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции находящихся совместно с ними в жилище граждан в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу;

- направлять и (или) доставлять на медицинское освидетельствование в соответствующие медицинские организации граждан для определения наличия в организме алкоголя или наркотических средств, если результат освидетельствования необходим для подтверждения либо опровержения факта совершения административного правонарушения для объективного рассмотрения дела об административном правонарушении, а также проводить освидетельствование указанных граждан на состояние опьянения в порядке, установленном Правительством РФ;

- осуществлять в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных о том, что эти граждане имеют при себе наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, изымать указанные предметы, средства и вещества при отсутствии законных оснований для их ношения или хранения и др.

Многие из перечисленных прав полиции по существу дублируют права, которые предусмотрены в КоАП РФ для лиц, уполномоченных осуществлять производство по делам об административных правонарушениях.

К специальным полномочиям полиции в области обеспечения безопасности дорожного движения согласно п. 20, 21 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции относятся следующие:

- останавливать транспортные средства, если это необходимо для выполнения возложенных на полицию обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения, проверять документы на право пользования и управления ими, документы на транспортные средства и перевозчи-

мые грузы, наличие страхового полиса обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства;

- осуществлять с участием водителей или граждан, сопровождающих грузы, осмотр транспортных средств и грузов при подозрении, что они используются в противоправных целях, с составлением соответствующего акта;

- задерживать транспортные средства, находящиеся в розыске;

- временно ограничивать или запрещать дорожное движение, изменять организацию движения на отдельных участках дорог при проведении публичных и массовых мероприятий и в иных случаях в целях создания необходимых условий для безопасного движения транспортных средств и пешеходов либо если пользование транспортными средствами угрожает безопасности дорожного движения;

- временно ограничивать или запрещать дорожное движение на железнодорожных переездах, не отвечающих правилам их содержания в безопасном для дорожного движения состоянии;

- выдавать в установленном порядке разрешения на установку на транспортных средствах устройств для подачи специальных световых и звуковых сигналов, условных опознавательных знаков (сигналов);

- требовать от государственных и муниципальных органов, общественных объединений и организаций проведения мероприятий, предусмотренных законодательством о безопасности дорожного движения;

- ограничивать или запрещать проведение на дорогах ремонтно-строительных и других работ, осуществляемых с нарушением требований нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения;

- задерживать транспортные средства и отстранять водителей от управления транспортными средствами в случаях и порядке, предусмотренных законодательством РФ;

- запрещать эксплуатацию автотранспортных средств и прицепов к ним, тракторов и других самоходных машин при наличии технических неисправностей, создающих угрозу безопасности дорожного движения, транспортных средств, владельцами которых не выполнена установленная федеральным законом обязанность по страхованию гражданской ответственности, а также транспортных средств, имеющих скрытые, поддельные, измененные номера узлов и агрегатов либо поддельные, измененные государственные регистрационные знаки, а равно имеющих маркировку, не соответствующую данным, указанным в регистрационных документах;

- при осуществлении государственного контроля (надзора) в области обеспечения безопасности дорожного движения проводить проверки деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, выдавать должностным лицам этих организаций и индивидуальным предпринимателям предписания об устранении выявленных нарушений, в том числе нарушений требований нормативных правовых актов в области обеспечения безопасности дорожного движения при строительстве, ремонте, реконструкции и содержании дорог.

Одной из проблем обеспечения безопасности граждан при совершении ДТП является розыск водителя и автомобиля, скрывшегося с места дорожно-транспортного происшествия. Учитывая специфику рассматриваемых преступлений, розыску подлежит лицо, управлявшее транспортным средством (автомобилем), которое оставило пострадавших в опасном состоянии после совершенного ДТП, а также само транспортное средство, если на нем преступник скрылся.

Розыск транспортного средства существенно отличается от поиска иного имущества. Обусловлено это наличием у автомобиля как у объекта розыскной деятельности следователя криминалистически значимых особенностей: видимого и различимого для окружающих государственного регистрационного знака; возможности быстрого удаления на значительные расстояния от места происшествия; самостоятельной замены водителем деталей, несущих на себе следы преступления.

Проблема розыска водителя и автомобиля, скрывшегося с места дорожно-транспортного происшествия является актуальной т.к. за 2015 год составило 19308 случаев¹. При этом число погибших составило 246 человек, а раненых 3716 человек.

На практике розыск водителей начинается с момента получения информации о ДТП и о том, что пострадавшие находятся на месте происшествия в беспомощном состоянии, либо они доставлены попутным транспортом в медицинское учреждение. Согласно п. 1.2 "Инструкции по розыску автотранспортных средств", утвержденной Приказом МВД России от 17 февраля 1994 г. № 58, организация, проведение работы по розыску транспортных средств возлагается на подразделения ГИБДД и уголовного розыска. При поступлении подобного сообщения дежурной части территориального органа МВД РФ надлежит принять первоначальные меры, направленные на установление скрывшегося водителя. Как

¹ <http://www.gibdd.ru/stat/2015/> (дата обращения 10 октября 2016 г.).

правило осуществляется введение плана "Перехват", регламентированного вышеназванной Инструкцией.

Прибыв на место ДТП, изучив обстановку, опросив очевидцев и пострадавших, следователь совместно со специалистом производит осмотр, а сотрудники уголовного розыска, ГИБДД, участковые уполномоченные осуществляют розыскные мероприятия. Опрашиваются водители транспортных средств; граждане, находящиеся на месте дорожно-транспортного происшествия; граждане, работающие неподалеку от места происшествия, которые могли быть очевидцами преступного события. К ним относятся работники дорожной службы, торговли, иных заведений. При недостатке свидетелей необходимы поквартирные, подворовые обходы зданий, расположенных вдоль дороги, где находится место происшествия, и опросы находящихся там лиц¹.

Если пострадавшим оказывается помощь на месте ДТП, то следует выяснить приметы водителя и скрывшегося автомобиля. Целесообразно произвести видео- или аудиозапись полученного объяснения. Это имеет особое значение, когда на месте происшествия не остается очевидцев и сотрудникам следственно-оперативной группы довольно трудно воссоздать на месте картину произошедшего. Впоследствии такая запись может быть использована как одно из обстоятельств, подтверждающих объяснение пострадавшего: в случае его смерти; при невозможности подписать им данное объяснение; изменении показаний и т.п.

Кроме того, по характеру телесных повреждений пострадавшего устанавливается тип транспортного средства. Так, поперечные переломы длинных трубчатых костей нижних конечностей возникают от удара бампером автомобиля. Поэтому, зная высоту расположения бамперов легковых (37–45 см) и грузовых (55–72 см) автомобилей и сравнивая ее с расстоянием от расположения мест переломов до каблуков обуви потерпевшего, можно определить тип скрывшегося автомобиля².

По расположению головного убора пострадавшего также можно установить тип транспортного средства. В частности, нахождение головного убора впереди головы пострадавшего по ходу движения автомобиля является характерным для наезда грузовым автомобилем. При наезде лег-

¹ Жулев В. И., Степанищев А. В. Расследование дорожно-транспортных преступлений: Методические рекомендации. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – с.26.

² Стешиц В.К., Янушко В.И. Расследование и предупреждение дорожно-транспортных происшествий: учебное пособие. Минск: МВШ МВД СССР, 1987. С. 17.

ковым автомобилем головной убор располагается обычно сзади пострадавшего и в противоположном следованию автомобиля направлении¹.

Успеху в розыске автомобиля, а потом его водителя способствует обнаружение следов транспортного средства – колес; выступающих передних частей; отделившихся фрагментов: осколков внешних светосигнальных приборов, лобового стекла, лакокрасочного покрытия, а также горюче-смазочных веществ. Поэтому лицо, выезжающее на место дорожно-транспортного происшествия, должно хорошо знать типичные следы ДТП, их особенности и уметь разбираться в механизме их образования. Только тогда можно обеспечить качественное исследование места происшествия. В противном случае любые, даже самые совершенные тактические рекомендации теряют практический смысл. Поэтому осмотр места происшествия по данным преступления должен производить следователь (дознатель), по возможности тот, кто занимается расследованием дорожно-транспортных преступлений (происшествий). Ему будет значительно легче, чем другим, найти и зафиксировать необходимые для дальнейшего доказывания следы.

Осмотр целесообразно проводить даже в случае отсутствия на месте происшествия потерпевшего или следов ДТП, когда, например, прошло значительное время после его совершения. Благодаря самой обстановке, которая будет зафиксирована в протоколе осмотра, можно впоследствии сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию. Кроме того, как правильно замечено криминалистами, "нельзя знать заранее, что можно обнаружить на месте ДТП. Даже само ориентирование в конкретных условиях дороги дает много ценного для избрания направлений расследования ..."².

Для участия в осмотре целесообразно привлечь специалиста-криминалиста и специалиста-автотехника, которые помогут следователю в применении научно-технических средств, например, когда водитель бросил свое транспортное средство на месте ДТП. Специалист-криминалист, используя специальные средства, может обнаружить и изъять следы рук, а также другие микроследы на транспортном средстве. Привлечение специалиста-автотехника способствует розыску водителей,

¹ Домке Э.Р. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий: учебное пособие. Пенза: ПГУАС, 2005. С. 64.

² Стешиц В.К., Янушко В.И., Ермолович В.Ф., Гурский В.П. Возможности судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных происшествий: учебное пособие. Минск: АМ МВД РФ, 1994. С. 25.

скрывшихся на своих транспортных средствах. Участие его в осмотре позволит получать еще до проведения исследований и экспертиз ориентирующую информацию, необходимую для построения версий и организации розыска преступника, его транспортного средства, когда оно отсутствует на месте ДТП. По особенностям рисунка протекторов колес транспортного средства, их износу, наличию шипов можно получить информацию о направлении движения транспортного средства, предполагаемой его модели и возможных повреждениях. О возможных механических повреждениях транспортного средства можно судить исходя из причиненных пострадавшему травм. При этом еще в середине 70-х годов прошлого столетия отмечалось, что следователь, используя технико-криминалистические средства, может самостоятельно проводить исследование вещественных доказательств, обнаруженных в ходе осмотра, и делать предварительные выводы¹.

В тактике действий следователя наиболее затруднительным и сложным, требующим четкого разрешения, является вопрос о правильном определении границ осмотра, последовательности изучения объектов, а также методов и приемов, которые необходимо использовать. Однако при этом следует помнить, что в результате исследования одних объектов можно выявить механизм ДТП, осмотр других позволит установить причастность конкретного автомобиля к происшествию. Степень их изучения определяется характером самого происшествия и теми обстоятельствами, которые имеются к началу осмотра.

К объектам, подлежащим осмотру, относится прежде всего участок проезжей части, где произошли ДТП и оставление в опасности (перекресток, пешеходный переход, мост и т.п.). На нем фиксируется месторасположение транспортных средств, принимавших участие в ДТП, трупа, а также осколки стекол, фар, обломки деталей автомобиля, частицы краски, смазочные материалы.

Особое внимание уделяется близлежащей к ДТП территории, на которой могут быть обнаружены следы и предметы, имеющие значение для дела. Задачей осмотра является не только восприятие и описание непосредственно наблюдаемых объектов, фиксация последствий дорожного происшествия и оставления в опасности, но и выяснение самой обстанов-

¹ Лавров В.П., Рахматуллин Р.Р., Романов В.И., Шалимов А.Н. Криминалистика: Краткий курс (конспект) лекций. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013. 171 с.

ки происшествия и его механизма. В процессе осмотра следователю необходимо также устанавливать причины оставления в опасности.

Целесообразно производить осмотр не только непосредственного места происшествия, но и местность до него и после в радиусе примерно 100–150 м. В этом случае, во-первых, следователь сможет установить обстоятельства, способствовавшие совершению ДТП (например, место ДТП находится в зоне действия дорожного знака, ограничивающего скоростной режим; или имеются дефекты полотна проезжей части, объезд которых вызвал движение по встречной полосе, и т.д.). Во-вторых, особенно при оставлении преступником пострадавшего на своем транспортном средстве, на таком расстоянии можно найти какие-либо отделившиеся от автомобиля предметы, не опавшие сразу же после ДТП, а также проверить прилегающие к проезжей части дворовые территории, проулки с целью обнаружения в них брошенного автомобиля с характерными для ДТП повреждениями.

На основе результатов осмотра места происшествия появляется возможность построения следственных и оперативно-розыскных версий и организации их проверки путем проведения первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

При определении круга неотложных поручений для оперативных работников следователи не всегда учитывают типичный стереотип поведения многих водителей, скрывшихся с места происшествия, которые в ряде случаев стремятся узнать как можно больше о последствиях происшествия и о шагах, предпринимаемых для розыска виновного. Практика показывает, что скрывшийся водитель может неоднократно возвращаться к месту происшествия, посещать больницу и т.п., стараясь выяснить, какие улики имеются, какие сведения получил сотрудник ГИБДД или следователь. Для обращения в лечебные учреждения используются также родственники и знакомые. Задача следователя состоит в том, чтобы использовать такую тягу преступника. В этой связи следователю при проведении осмотра места происшествия и производстве других следственных действий на месте происшествия следует поручить оперативным работникам проводить наблюдение за лицами, находящимися в данном районе, на предмет выявления их причастности к совершенному преступлению. Преступник также может принимать участие в осмотре под видом понятого, в этом случае он имеет больше возможности узнать об осведомленности следователя.

Если направление, в котором скрылся преступник, неизвестно, то преследование организуется в две противоположные стороны одновременно. В ходе чего следует изучать обочины дороги, на которых могут быть следы съезда автотранспорта с проезжей части, его остановки, так как водитель стремится не только быстро скрыться с места происшествия, но и проверить состояние внешнего вида транспортного средства и уничтожить на нем следы. В этих местах могут быть обнаружены объекты, свидетельствующие об устранении последствий происшествия: осколки, что и при осмотре места происшествия (лобового стекла, поврежденные мелкие детали и т.д.), следы краски и осыпь грязи с коррозией металла, свидетельствующие о попытках выправить поврежденные детали кузова. Кроме того могут быть обнаружены бумага, тряпки, используемые для уничтожения на транспортном средстве следов крови и других объектов, образовавшихся в результате дорожно-транспортного происшествия, а также установлены возможные очевидцы, наблюдавшие действия водителя по уничтожению следов ДТП на автомобиле.

Необходимо проверять прилегающие к проезжей части дворовые территории, проулки с целью обнаружения в них брошенного автомобиля с характерными для ДТП повреждениями. В случае наезда на пешехода образуются вмятины на капоте, облицовке радиатора, разбиваются стекла фар и подфарников. С такими повреждениями автомобили подлежат тщательному осмотру, так как нередко на поверхностях выступающих частей транспортного средства остаются части ткани одежды потерпевшего, его волос и крови. Их следует искать прежде всего на переднем бампере, капоте, крыльях, лобовом стекле, передних стойках кабины. Поиск слабозаметных следов проводится при боковом освещении с помощью лупы¹. Желательно подобный осмотр повторить в дневное время и при хорошем освещении, иначе микроследы контакта пешехода и автомобиля могут быть не обнаружены.

Следует также остановиться на проведении такого мероприятия, как исследование автостоянок, ремонтных мастерских и гаражей на предмет обнаружения скрывшегося автомобиля. Нельзя ограничиваться лишь однократной проверкой той или иной автостоянки или мастерской. Интере-

¹ См.: *Стешиц В.К., Янушко В.И., Ермолович В.Ф., Гурский В.П.* Возможности судебных экспертиз при расследовании дорожно-транспортных происшествий: учебное пособие. Минск: АМ МВД РБ, 1994. С. 30; *Шевцов С.О., Дубонос К.В.* Расследование обстоятельств дорожно-транспортных происшествий: методические рекомендации. Харьков: ФАКТ, 2002. С. 36–38.

сующий следствие автомобиль может первое время "отстаиваться" в гараже, потом ремонтироваться, а впоследствии быть помещенным на стоянку. Поэтому во время первой проверки его можно не обнаружить. Следовательно, неоднократные исследования мест возможного нахождения скрывшегося автомобиля повышают вероятность его обнаружения.

Наибольшее значение в современных условиях имеют информационные технологии, которые включают в себя фотовидеофиксация стационарных видеокамер, видеорегистраторы проезжающих автомобилей, фотографирование на сотовые телефоны очевидцами. Поэтому организация поиска скрывшегося водителя должна быть направлена на получение этой доказательственной информации.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что организация и проведение розыскных мероприятий первоначального этапа расследования дорожно-транспортных преступлений, сопряженных с розыском скрывшегося водителя и автомобиля, оставлением потерпевших в опасности, имеет ряд специфических особенностей, которые необходимо учитывать следователю для того, чтобы получить максимально больше значимой информации от данного этапа расследования, что не всегда учитывается правоприменителем в ходе проведения предварительного расследования.

К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ, СВЯЗАННОМ С РЕШЕНИЕМ ВОПРОСОВ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРИГОВОРА

Ю. П. Якубина

*Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
Орел*

Безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. К основным объектам безопасности относятся права и свободы личности, материальные и духовные ценности общества, конституционный строй государства, суверенитет и территориальная целостность

страны. Субъектами обеспечения безопасности является государство в лице уполномоченных должностных лиц.

Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (ред. от 05.10.2015) определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности личности и иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов.

Согласно ст. 2. ФЗ «О безопасности» одним из основных принципов обеспечения безопасности является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Гарантом государственной защиты лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, выступает принцип охраны прав и свобод человека и гражданина, одним из способов реализации которого является обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса.

Вопросам безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства посвящено значительное число исследований. На различные аспекты защиты прав личности и обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве обращали внимание ведущие ученые (Л. В. Брусницын, О. А. Зайцев, А. Ю. Епихин и др.). Однако вопросы, посвященные защите участников уголовного процесса, актуальны и в настоящее время.

В науке уголовно-процессуального права нуждаются в глубоком научном осмыслении категории «безопасность» и «защита», механизм нормативного закрепления.

В толковых словарях указывается два значения безопасности: 1) положение, при котором не угрожает опасность кому-либо, чему-нибудь¹; 2) отсутствие опасности². Термин «защитить» означает оберегать, охранять, отстаивать, заступаться, не давать в обиду. В специальной литературе высказывается мнение, что безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от каких-либо угроз, исходящих как от внутренних, так и от внешних источников опасности, которое гарантирует защищаемому объекту реализацию его прав и обязанностей.

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 1996. С. 39.

² Даль В.И. Словарь русского языка. М., 1999. С. 25.

Понятие «обеспечение безопасности» в уголовном процессе подразумевает деятельность уполномоченных лиц, направленную на защиту жизненно важных интересов участников уголовного судопроизводства с целью беспрепятственного выполнения ими своих обязанностей, связанных с содействием правосудию.

В последнее время на законодательном уровне и в практической деятельности значительное внимание уделяется процессуальным правам потерпевшего на стадии исполнения приговора. В рамках данной стадии законодатель существенно расширил процессуальные права потерпевшего. Анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что потерпевший вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы. Он может участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи.

При рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы, а также вопроса об отсрочке исполнения приговора – во всех этих случаях в судебном заседании вправе участвовать потерпевший, если в материалах имеется постановление или определение суда о его уведомлении, вынесенное в соответствии с ч.5 ст. 313 УПК РФ.

Если выйти за пределы сугубо процессуального анализа ситуации (природа стадии исполнения приговора и т.д.), понятно, что в некоторых случаях потерпевший остается заинтересованным лицом в ходе исполнения осужденным наказания, испытывая к нему страх, опасаясь его возвращения из мест лишения свободы, прогнозируя возможность мести со стороны осужденного после отбытия наказания и т.п. Такие страхи и опасения в каждом отдельно взятом случае могут быть как обоснованными, так и необоснованными, но в целом они как феномен естественны и имеют право на существование. В самом широком плане речь идет о том, что человеческий конфликт в социальном смысле очень часто оказывается шире уголовно-правового спора в смысле процессуальном – и этого нельзя не учитывать. Поэтому современная уголовная политика пытается интегрировать потерпевшего не только в рассмотрение уголовного дела по существу, но и в решение постприговорных, а иногда даже постпенитенциарных вопросов. Именно в рамках данной уголовной по-

литики российский законодатель принял Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 221-ФЗ, которым предусмотрел в УПК РФ правило, в соответствии с которым потерпевший должен быть извещен¹.

Суд такое участие обязан обеспечить, но вопрос о форме участия потерпевшего в судебном заседании решается судом при наличии ходатайства потерпевшего. Неявка потерпевшего, своевременно извещенного, не является препятствием для проведения судебного заседания. Считаем, что следует согласиться с суждением о том, что в любом случае, независимо от того, участвовал потерпевший в судебном заседании или нет, его отношение к заявленному ходатайству должно быть установлено и отражено соответствующим образом в материалах уголовного дела².

Постановлением Конституционного Суда РФ от 30 марта 2015 г. сохранено за потерпевшим право на уведомление.) В постановлении уточнен механизм самого уведомления. До окончания судебных прений в ходе судебного разбирательства потерпевший вправе ходатайствовать о том, чтобы получать уведомления о прибытии осужденного к месту исполнения наказания, перемещении его из одного исправительного учреждения в другое и т.д., а также о рассмотрении вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и о замене неотбытой части наказания более мягким (п. 21.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). При наличии такого ходатайства и в случае постановления обвинительного приговора суд одновременно выносит постановление об уведомлении потерпевшего с указанием предоставленных последним данных (адрес места жительства, адрес электронной почты, номера телефонов и т.п.). Данное постановление направляется вместе с приговором по месту исполнения наказания. Соответственно суду, приступающему к рассмотрению в порядке исполнения приговора вопросов об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания и о замене неотбытой части наказания более мягким, достаточно произвести уведомление по указанным в постановлении координатам (например, по электронной почте или СМС-сообщением). Ответственность за получение информации лежит уже на самом потерпевшем, который обязан в необходимых случаях сообщать о смене своего телефона, электронного или реального почтового адреса и т.п.³

¹ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки; МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2016 с.

² Муллахметова Н. Причины и правовые последствия неявки потерпевшего в судебное заседание по уголовному делу // Уголовное право. 2014. № 4.

³ Курс уголовного процесса / под Л.В. Головки.

На наш взгляд, с целью обеспечения безопасности, беспрепятственного выполнения потерпевшим своих прав и обязанностей следует согласиться с Л.В. Брусницыным, который предлагает наряду с законодательными новеллами о правах потерпевшего в стадии исполнения приговора предусмотреть правило конфиденциальности запроса мнения потерпевшего, что исключает угрозу виктимизации либо предельно минимизирует ее¹.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА

Т. В. Мальцева

*Пермский институт ФСИН России,
Пермь*

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1), а потерпевшим от преступлений – доступ к правосудию и компенсацию вреда и ущерба (статья 52)². Применительно к уголовному судопроизводству это налагает на органы правосудия обязанность равным образом отстаивать интересы как обвиняемых в совершении преступления, так и потерпевших от преступления³. Помимо вышеуказанных конституционных положений, гарантии защиты потерпевших по возмещению ущерба также установлены в ст. 6 Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в качестве первоочередного назначения уголовного судопроизводства.

Следует понимать, что государство берет на себя обязанность возместить потерпевшему ущерб, причиненный преступлением, в полном объеме.

© Мальцева Т. В., 2017

¹ Брусницын Л.В. О правах потерпевшего в стадии исполнения приговора // Уголовное право. 2013. № 6.

² См.: Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.09.2016).

³ Доклад Уполномоченного по правам человека о проблеме защиты прав потерпевших от преступления // Рос. газета от 04.08.2008. № 4676. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2008/06/04/doklad-dok.html> (дата обращения 10.05.2016).

ме. Но именно каким способом государство берет на себя данные обязательства?

Конституция РФ не раскрывает способ возмещения вреда потерпевшему, а только гарантирует. Возмещения вреда потерпевшему от преступления предусматривается различными законодательными актами: уголовно – процессуальным, уголовным, гражданским кодексами.

На официальном сайте Следственного комитета Российской Федерации с 2012 года обнародован законопроект « О потерпевших от преступлений»¹. До настоящего времени закон не принят. Основная цель законопроекта – **обеспечение государственной поддержки потерпевших от преступлений, а также их близких**. Проект Федерального закона определяет принципы защиты и восстановления их нарушенных прав, свобод и интересов, а также основы государственной политики в области правовой, социальной защиты потерпевших. Статья 7 законопроекта «Условия предоставления государством компенсации потерпевшему», в которой говорится, что «Государство гарантирует предоставление установленных Федеральным законом денежных компенсаций». То есть речь идет о деньгах. В части 1 статье 8 трактуется, что государство будет выплачивать компенсацию потерпевшим путем создания государственных внебюджетных Федеральных фондов помощи потерпевшим. Именно к этому западные страны пришли еще в 80-е годы XX века, исходя из Европейской конвенции о компенсации жертвам насильственных преступлений (European Convention on the Compensation of Victims of Violent Crimes), подписанную в Страсбурге в 1983 году и вступившую в силу 1 февраля 1988 года². Российская Федерация к данной конвенции не присоединилась. В настоящее время в России существует аналогичный фонд, который называется правозащитное движение «Сопrotивление», основанный 8 июля 2005 года и 8 июля 2016 года был преобразован в Фонд поддержки пострадавших от преступлений. Основная цель Фонда – оказывать юридическую и психологическую помощь потерпевшим и свидетелям, но не материальную. Помощь оказывается совершенно безвозмездно. О данном Фонде мало кто знает, так как ни в одном отделе правоохранительного органа России такой информации нет, следовательно, его работа малоэф-

¹ См.: *Проект* Федерального закона «О потерпевших от преступления» - Следственный Комитет Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://sledcom.ru/document/1130/?print=1>(дата обращения: 08.09.2016).

² *Европейская* конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (ets № 116) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 24.11.1983). [Электронный ресурс]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=19573 (дата обращения: 08.09.2016).

фективна. Тем не менее, в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства"¹ говорится, что защита и безопасность потерпевших осуществляется государством, но ни слова о возмещении ущерба, причиненным преступлением, а только в целях защиты жизни, здоровья и имущества, а также мер социальной поддержки.

Далее, 10 января 2014 г. вступил в законную силу Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве"², введена «статья 160.1. Меры по обеспечению гражданского иска». В данной статье определяется, что если «...совершенным преступлением причинен имущественный вред, следовательно, дознаватель обязаны принять меры по установлению имущества подозреваемого, обвиняемого либо лиц, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации несут ответственность за вред, причиненный подозреваемым, обвиняемым, стоимость которого обеспечивает возмещение причиненного имущественного вреда, и по наложению ареста на данное имущество." Из этого следует, что это единственное конкретное упоминание о том, что государство обязано обеспечить безопасность потерпевших по возмещению вреда причиненным преступлением с помощью органов предварительного расследования, а именно на стадии досудебного производства. Для того чтобы потерпевшему возместили компенсацию, не важно, имущественный, моральный или физический, судья, следовательно или дознаватель на основании ст. 44 уголовно-процессуального кодекса РФ в рамках уголовного дела, выносит постановление о признании потерпевшего гражданским истцом после того как потерпевший предъявит требование к возмещению имущественного ущерба в виде искового заявления, составленное в соответствии с требованиями ст. 131 ГПК РФ. Таким образом, если потерпевший не предъявил требование к возмещению вреда в виде иска, то право на компенсацию по своей сущности претендовать не может. Исходя из этого, мы видим, что «канцелярский» подход и определенные недопонимания закона мешает в полной мере потерпевшему реализовать свое право на возмещение вреда.

¹ *Федеральный закон "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" от 20.08.2004 № 119-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.09.2016).*

² *Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве" от 28.12.2013 N 432-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.09.2016).*

Так, Киселев А.А. предлагает «...возмещение вреда потерпевшему со стороны виновного должно быть обеспечено принудительной силой государства, стать частью уголовной ответственности. Поэтому в систему видов наказаний следует включить такой вид наказания, как возмещение вреда, причиненного преступлением, карательное содержание которого заключается в возмещении вреда путем его устранения, предоставления тождественного имущества или денежного эквивалента; в возвращении утраченного имущества; в компенсации за лечение; в публичном извинении перед потерпевшим; в ином заглаживании вреда»¹. Думается, что не стоит выделять возмещения вреда потерпевшему как вид наказания, так как в ст. 44 УК РФ имеется денежное взыскание виде штрафа.

Известный немецкий криминолог Г.Й. Шнайдер считает, что «...каждый преступник обязан сам в порядке возмещения вреда сделать что-то положительное для своей жертвы, что необязательно может выразиться в денежных выплатах. Страхование на случай преступления ведет к деперсонализации и деиндивидуализации жертвы, а тем самым оказывает криминогенное влияние на мотивационный процесс в сознании преступника. Это же может относиться и к государственным компенсациям. К тому же обязательство полного возмещения вреда одним только преступником может просто помешать его ресоциализации. Взыскание с преступника, конечно, может смягчить вред, причиненный жертве, и стать действенным средством социализации для него самого. Возмещение ущерба преступником не должно носить ни полностью добровольный, ни полностью принудительный характер. Преступника нужно подвести к самостоятельному признанию своей вины, что исключает нейтрализацию мотива, то есть предвзятое самооправдание преступления»².

Схожее мнение имеется у И.А. Петина, который считает, что возмещения вреда потерпевшему со стороны виновного лица должно быть, если конечно оно возмещается добровольно, рассматриваться как обстоятельство смягчающее наказание (ст. 61 УК РФ)³. Неплохая попытка стимулирования преступника к возмещению вреда.

Подводя итог, можно сделать вывод, что попытки государства по обеспечению возмещения ущерба потерпевшим, причиненным преступ-

¹ Киселев А.А. Защита права потерпевшего на возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением. // Криминалист. 2013. № 1 (12). С. 48.

² Шнайдер Г.Й. Криминология: Пер. с нем. / Под общ.ред. и с предисл. Л.О. Иванова. М.: Издательская группа «Прогресс» - Универс, 1994. С. 364.

³ См.: Петин И.А. Преступный вред как системообразующий элемент основ права наказания // Российский следователь. 2008. № 4. С. 23.

лением, далеки от совершенства, необходимо в первую очередь изменить общественное сознание, подготовить экономический плацдарм, который в настоящий момент не готов исходя из нестабильности политики нашего государства.

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. Ю. Эккерт

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь*

А. В. Эккерт

*Пермский филиал Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Пермь*

Повсеместное внедрение компьютера и информационных систем в современном обществе привело к тому, что правонарушители начали использовать компьютерную технику и программное обеспечение для совершения преступлений. Это относительно новый и быстро развивающийся вид общественно опасных деяний, в которых неправомерно используется компьютерная информация, либо она сама становится объектом посягательства¹.

Сложность идентификации компьютерного преступника и возможность совершать преступления на большом расстоянии, в том числе, путем доступа к различным охраняемым секретам, делают такой способ совершения преступления чрезвычайно привлекательным. Не секрет, что отдельные граждане до сих пор полагают, что компьютерные преступления это не тот вид противоправного деяния, которому стоит уделять много внимания. Компьютерные преступления, несомненно, менее заметны на фоне той же уличной преступности. Вместе с тем, сам механизм совершения преступления позволяет преступнику, не подвергая себя непосред-

© Эккерт В. Ю., Эккерт А. В., 2017

¹ См.: <http://zakon.kuban.ru/spec/spec~3.htm> (28.07.2016).

ственной опасности в виде изобличения в совершении преступления и задержания на месте преступления, похитить значительные денежные средства, что собственно, и является конечной целью большинства преступных посягательств. Поэтому представляется необходимым говорить именно о высокой общественной опасности этих преступных посягательств.

Рассматривая динамику совершения компьютерных преступлений на территории России нельзя не отметить, что первое преступление в сфере высоких информационных технологий было зарегистрировано в бывшем СССР в 1979 году. Ущерб государству от хищения составил 78584 рубля, что по курсу валюты на время совершения преступления составляет особо крупный размер. Данный факт был занесен в международный реестр правонарушений подобного рода и явился своеобразной отправной точкой в развитии нового вида преступлений в нашей стране. Первые преступления с использованием компьютерной техники непосредственно на территории России появились в 1991 г., когда были похищены 125,5 тыс. долларов США во Внешэкономбанке СССР. Как отмечает руководитель юридической группы компаний «Вымпелком» В.В. Казанцев, в дальнейшие годы в России наблюдался рост числа преступлений и причиненного ущерба в результате их совершения¹.

Так, в период с 1994 по 1996 г. российские компьютерные преступники совершили более 500 попыток проникновения в компьютерные сети только одного Центрального банка РФ и сумели похитить оттуда около 250 млрд. рублей².

По данным ГИЦ МВД России, уже в 1997 г. было зарегистрировано 7 преступлений в сфере компьютерной информации, в том числе возбуждено уголовных дел по ст. 272 УК РФ – 6, по ст. 273 – 1. В 1998 г. зарегистрировано 66 преступлений в сфере компьютерной информации, в том числе по ст. 272 УК РФ – 53, по ст. 273 – 12, по ст. 274 – 1. В 1999 г. зарегистрировано 294 преступления, из них по ст. 272 - 209, по ст. 273 - 85. В 2000 г. зарегистрировано 800 преступлений в сфере компьютерной информации, из них по ст. 272 - 584, по ст. 273 – 172, по ст. 274 – 44.

Обращаясь к современной статистике, необходимо отметить, что за период 6 месяцев 2016 года, по данным ГИЦ МВД России, было зарегистрировано 934 преступления в сфере компьютерной информации.

¹ См.: <http://www.allpravo.ru/library/doc5195p0/instrum5196/item5199.html> (17.07.2016)

² См.: Анин В. Наиболее серьезные нарушения в области информационной безопасности в 1996 году // Конфидент. 1997. № 6. С. 49.

Заслуживает внимания тот факт, что удельный вес преступлений данной категории, выявленных сотрудниками органов внутренних дел, в 2016 году снизился на 48,9% и составил 88,5%. Таким образом, сотрудниками полиции за 6 месяцев 2016 года выявлено 827 преступления. За 6 месяцев 2016 года было раскрыто 492 преступления в сфере компьютерной информации, что на 35,2% ниже, чем за аналогичный период прошлого года¹. Представляется несколько преждевременным в настоящее время делать выводы о причинах такой динамики вследствие малого времени наблюдения, однако, при сохранении такой тенденции в дальнейшем, данные показатели подлежат безусловному изучению.

Говоря о латентности преступлений в сфере компьютерной информации, следует отметить, что в структуре латентной преступности, по механизму ее образования, ряд российских криминалистов выделяют четыре разновидности:

1. Естественная латентность – противоправные деяния, о факте совершения которых не известно никому, за исключением лиц, которые данные деяния совершили.

2. Искусственная латентность – разновидность латентной преступности, составляющей массив преступлений, которые хотя и известны должностным лицам и отдельным гражданам, но перечисленные лица не сообщают о них в соответствующие органы, либо не регистрируют их в установленном законом порядке.

3. «Граничные ситуации» – группа противоправных деяний, информация о которых стала известна правоохранительным органам, однако ошибочно, добросовестно заблуждаясь, или не имея достаточной профессиональной подготовки, следователем была дана неправильная юридическая оценка деяния, в связи с чем оно оказалось укрыто от статистического учета.

4. Преступления, которые стали известны правоохранительным органам, но их представитель из различных соображений не регистрирует их².

Говоря о латентности данного вида преступлений, хотелось бы отметить, что в настоящее время представляется недостаточно изученным вопрос о том, в каких случаях граждане и правоохранительные органы принимают, либо не принимают, меры к регистрации противоправных деяний в книгах учета сообщений о преступлениях и происшествиях и должным

¹ См.: <https://мвд.рф> (12.07.2016)

² См.: Информационное право / под ред. В.А. Копылов, 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002.

ли образом правоохранительными органами проводятся проверочные мероприятия в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ, принимаются ли в таких случаях исчерпывающие меры по обнаружению, фиксации и изъятию электронных следов преступления.

Жертвами преступников, в подавляющем числе случаев, являются учреждения, предприятия и организации, использующие автоматизированные компьютерные системы для обработки бухгалтерских документов, проведения платежей и других операций. При этом чаще всего объектами преступного посягательства становятся банковские платежные системы.

Так, на встрече представителей банковской сферы с Председателем Правительства Российской Федерации Д.А. Медведевым 01.06.2016, посвященной обсуждению ситуации в банковской системе, в том числе вопросам безопасности хранения данных, взаимодействия банков и сотовых операторов, безопасности платежных систем и технологии blockchain, Председатель правления Сбербанка России Г.О. Греф в своем докладе отметил серьезную обеспокоенность вопросом роста преступлений в сфере компьютерной информации. В докладе было отмечено, что объектами преступного посягательства в последнее время все чаще становятся не только платежные средства граждан, но и банковские платежные системы. В частности, компания Group-IB, специализирующаяся в области обнаружения лиц, совершающих правонарушения в сфере компьютерной информации, сообщила, что с августа 2015 года по февраль 2016 года хакеры при помощи вируса Vuhtrap совершили 13 успешных атак на российские банки, в результате чего похитили 1,8 млрд руб. Кроме этого, по сообщению Г.О. Грефа, в 2015 году Сбербанком было отражено 55 кибератак, а в первом квартале 2016 года было зарегистрировано уже 42 кибератаки¹.

Отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении информационных технологий; обеспечении защиты информации на территории Российской Федерации регулируются Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Законом определено, что под информационными технологиями понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации, а также способы осуществления таких процессов и методов. Информационные технологии представляют

¹ См.: <http://www.rbc.ru/finances/01/06/2016/574e5c619a794753677fbd40> (14.07.2016).

собой совокупность аппаратного обеспечения - технических средств управления информационными ресурсами, комплекса программных средств и организационно-методического обеспечения¹.

Рассматривая причины высокой степени криминализации сферы информационных технологий, стоит заметить, что ведущим техническим средством систематизации и обработки информации сегодня продолжают оставаться персональные компьютеры и компьютерные системы. Компьютерные системы достаточно прочно вошли во все сферы нашей жизни и продолжают вытеснять иные привычные способы получения информации. Информационные системы позволяют оптимально использовать возможности поиска различных товаров у производителей, максимально расширить круг потребителей для производителей товаров, быстро и комфортно производить денежные расчеты в любой валюте.

Следствием таких изменений в общественных отношениях стали не только позитивные последствия в виде прогресса в различных сферах деятельности человека. К сожалению, преступность проникла в этот вид деятельности человека и адаптировалась к происходящим процессам.

Ведущие российские ученые-криминалисты отмечают, что современные средства и методы осуществления информационных процессов, происходящие в сети Интернет, создают своего рода особую виртуальную реальность, представляя специфическую картину реальной действительности путем передачи сообщений, изображений, текстов и т.д. При этом насыщение современной жизни компьютерными системами, телекоммуникациями, виртуальной реальностью не только существенно видоизменяет преступность, но и открывает новые возможности борьбы с ней. Эти возможности необходимо интегрировать в отечественную криминалистику. Открытость и глобальность Интернета, представляющего собой всемирную телекоммуникационную сеть, создают огромные потенциальные возможности, которые отечественным криминалистам важно осознать, чтобы активнее использовать в целях раскрытия совершаемых преступлений в сфере информационных технологий².

Глобальность и открытость сети Интернет является своего рода источником собственной уязвимости. Так, на прошедшей в ноябре 2015 года в японской префектуре Окинава конференции на тему усиления мер без-

¹ См.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (21.07.2016).

² См.: Информационные технологии в юриспруденции : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / [С. Я. Казанцев, О. Э. Згадзай, И. С. Дубровин, Н. Х. Сафиуллин]; под ред. С. Я. Казанцева. — М. : Издательский центр «Академия», 2011.

опасности в условиях повышенной угрозы со стороны кибертеррористов, известным программистом и руководителем «Лаборатории Касперского» Е.В. Касперским было отмечено, что инфраструктурные объекты являются полностью беззащитными перед лицом кибертератак. При этом, Е.В. Касперский выразил уверенность в том, что со временем объемы такого рода атак будут только увеличиваться. На этой же конференции перед ее участниками выступил премьер-министр Японии Синдзо Абэ, который акцентировал внимание присутствующих на важности обеспечения мер кибербезопасности, как главном аспекте успешного развития информационных технологий. При этом премьер-министр Японии в своем докладе подчеркнул, что, по сведениям Национального института информационных и коммуникационных технологий, за десять лет с момента сбора статистических данных, хакеры увеличили количество атак на ведомственные сайты и частные компьютеры с 300 млн. раз до почти 26 млрд. случаев. Самым вопиющим из них считается взлом Японского пенсионного фонда и кража информации о 125 млн. японцев¹.

Как отмечает директор «Центра исследования компьютерной преступности», директор Департамента противодействия киберпреступности компании «Cybersafetyunit», независимый эксперт программы ООН «Предупреждение преступности и уголовное правосудие» (ISPAC), член Международной ассоциации по борьбе с киберпреступностью (International Anticybercrime Association) В.А. Голубев, существует своеобразная зависимость - чем больше расширяется Интернет, тем больше сетевых преступлений регистрируется. Электронные хищения денежных средств и конфиденциальной информации, хакерство, распространение порнографии, в том числе детской, мошенничество стали характерной чертой современных информационных процессов, приобрели изощренный характер и широчайшее распространение. С помощью Интернета совершаются преступные вымогательства под угрозой блокирования или уничтожения электронных баз данных, принадлежащих крупным корпорациям и общественным организациям, распространяются порнографические сцены в режиме on-line, ложные сообщения об актах терроризма, компрометирующие материалы в отношении физических и юридических лиц².

При этом информационные системы и компьютерные программы все чаще становятся средством и способом совершения преступлений обще-

¹ См.: <http://iteranet.ru/it-novosti/2015/11/10/kasperskij-vystupil-v-yaponii-s-prizyvom-protivostoyat-kiberterrorizmu/> (22.07.2016)

² См.: [http://sartracc.ru/print.php?print_file=Pub/golubev\(20-03-05\).htm](http://sartracc.ru/print.php?print_file=Pub/golubev(20-03-05).htm) (05.07.2016)

уголовной направленности – это изготовления поддельных денежных купюр и различных документов; разнообразного рода хищений, подделки пластиковых, кредитных и расчетных карт; нарушений авторских и смежных прав, ряда иных преступлений¹.

Одной из основных проблем современной глобальной системы Интернет и большинства содержащейся в этой системе информации представляется неопределенный до сих пор правовой статус, отсутствие каких либо отлаженных механизмов межгосударственного регулирования.

Второй проблемой, но не менее важной, является возможность анонимного использования глобальной сети и неопределенность места нахождения пользователя в конкретный момент времени.

Эти два фактора играют ключевую роль в быстрой криминализации сети Интернет. В доступе сети Интернет можно встретить сайты наркоторговцев и их клиентов, а также сайты экстремисткой и террористической направленности, иные сайты противоправного характера². Банковские платежные системы используются различными лицами для отмывания доходов, полученных преступным путем.

Анонимность и глобальность сети Интернет, несомненно, усложняет возможности по изобличению лиц совершающих преступления в сфере информационных технологий, а так же путем их использования в преступных целях.

Как отмечает эксперт в сфере информационной безопасности, технический директор компании «Информзащита», специализирующейся в области защиты информации, Е.В. Климов, в современном мире практически невозможно установить источник атаки при условии, что уровень знаний атакующего позволяет ему взламывать самые защищенные информационные системы в мире³.

Как считает А.Л. Осипенко, большой интерес к Интернету со стороны лиц, склонных к совершению противоправных деяний, вызывает наличие в глобальной сети Интернет возможности подключения к различным информационным и платежным системам, которые так или иначе связаны с осуществлением различных банковских операций, в том числе, транзакций и электронных платежей, предоставления платных услуг и продажи

¹ См.: *Краснова Л.Б.* Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005.

² См.: <https://reestr.rublacklist.net/> (06.07.2016)

³ См.: http://www.cnews.ru/news/top/2016-08-10_eksperty_po_informatsionnoj_bezopasnosti_russkie (11.08.2016).

товаров. Имеющаяся возможность с помощью сети Интернет анонимно переводить денежные средства в любую точку мира также способствует совершению преступлений, таких как: хищение денег с банковских счетов, осуществление незаконных финансовых операций, легализации (отмывание) доходов, полученных преступным путем и финансирование терроризма, мошенничества с платежными картами, и т. п.¹

Как подчеркивает в своих работах В.Я. Колдин, актуальной задачей современной криминалистики представляется учет и анализ усиливающегося влияния на состояние преступности и процесс борьбы с ней новых информационных технологий, в которых задействованы интегрированные информационно-вычислительные системы, специализированные банки и базы данных, средства телекоммуникаций, другие современные достижения научно-технического прогресса².

Подводя итог рассмотрения данной тематики, следует выделить ряд основных проблем в области раскрытия и расследования преступлений вышеуказанной категории: это наличие высокой латентности данного вида преступлений вследствие несвоевременного сообщения или несообщения потерпевшими о совершенном противоправном деянии; наличие технических и технологических трудностей в обнаружении, фиксации и изъятии следов преступления; по различным причинам несвоевременное возбуждение уголовного дела и несвоевременное проведение неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; недостаточная квалификация, либо малое число специализирующихся сотрудников органов, осуществляющих расследование преступлений данной категории.

В связи с этим представляется необходимым: дальнейшее совершенствование учебных программ, в том числе, на базе высших учебных заведений, направленных на повышение квалификаций сотрудников и будущих сотрудников правоохранительных органов, а так же иных субъектов правоприменительной сферы; уменьшение числа латентных противоправных деяний, в том числе путем проведения разъяснительной и различного рода профилактической работы среди населения.

¹ См.: <http://www.s-quo.com/content/articles/335/949/> (09.07.2016)

² См.: <http://www.law.msu.ru/node/9356> (24.06.2016)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ БОРЬБЫ С ФАЛЬСИФИЦИРОВАННОЙ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

П. С. Пастухов

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь*

По данным нового доклада, выпущенного ВОЗ, в 2012 году в мире произошло 3,3 миллиона случаев смерти в результате вредного употребления алкоголя¹. Употребление алкоголя может не только приводить к формированию зависимости, но и повышать риск развития у людей более чем 200 болезней, включая цирроз печени и некоторые виды рака. Кроме того, вредное употребление алкоголя может приводить к насилию и травмам².

Дополнительную остроту проблеме злоупотребления алкоголем в последнее время придает незаконное производство **фальсифицированного алкоголя**, а также **наполнение бюджета**³.

В 2007 г. одобрена новая редакция Концепции демографической политики Российской Федерации⁴. Концепция определяет цели, задачи и механизмы реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года.

Достижение этих показателей невозможно без осуществления эффективных мер **по противодействию злоупотреблению алкоголем**, так как в последние годы доказано, что снижение продолжительности жизни россиян и рост смертности населения России объясняется в первую очередь увеличением числа смертей, прямо связанных с потреблением алкоголя

© Пастухов П. С., 2017

¹ <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2014/alcohol-related-deaths-prevention/ru/>

² http://www.who.int/substance_abuse/publications/global_alcohol_report/msb_gsr_2014_1.pdf?ua=1

³ Немцов А. В., Терехин А.Т. Размеры и диагностический состав алкогольной смертности в России. Наркология. №12. 2007; Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. М.: ЛИБРОКОМ/URSS, 2009. С. 233–277.

⁴ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

(отравления, травматизм) или с заболеваниями, вызываемыми злоупотреблением алкоголем (сердечно-сосудистыми, инфекционными и т.д.)¹.

Еще одной проблемой причин смертности от фальсифицированного алкоголя являются ошибки государственного регулирования и несовершенство законодательства в сфере производства и продажи алкогольной продукции.

Мировым стандартом является придание полномочий основных регуляторов алкогольного рынка министерствам здравоохранения и парламентским комитетам по вопросам здоровья, которые способны объективно оценить ситуацию, предотвратить ущерб, эффективно использовать доходы от алкоголя для решения социальных проблем. В России регулированием алкоголя долгое время занимались экономические и аграрные ведомства и комитеты, которые традиционно во всех странах мира больше **поражены лоббизмом алкогольной отрасли**. Поэтому экономические потери от злоупотребления алкоголем в значительной степени были обусловлены бесконтрольными, агрессивными действиями алкогольного лобби, продиктованными стремлением к сверхприбыли, масштабной криминализацией производства этилового спирта и крепкой алкогольной продукции и приходом в страну транснационального алкогольного бизнеса.

Базовым законом по регулированию алкогольной сферы является федеральный закон по регулированию оборота алкогольной продукции². В целеполагание данного закона вообще не входит защита здоровья человека и социальное благополучие. Данный закон не защищал от алкогольных суррогатов и самогонварения. Таким образом, законодательство России не способно было защитить интересы человека, общества и государства от алкогольной угрозы, в значительной степени генерируемой алкогольной индустрией, и нуждается в современном принципиальном совершенствовании³.

¹ Халтурина Д. А., Кортаев А. В. Русский крест: факторы, механизмы и пути преодоления демографического кризиса в России. М.: КомКнига/URSS, 2006. С. 38–42.

² Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» от 19.07.1995 г. (в ред. от 29.06.2015 № 182-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия Доклад утвержден Советом Общественной палаты Российской Федерации 13 мая 2009 год// <https://www.hse.ru/data/2013/08/14/1291400719/alkogol.pdf>

Пути решения проблемы

Государственная алкогольная политика должна быть направлена в первую очередь на защиту национальных интересов, жизни и здоровья граждан, обеспечение социальной стабильности, а не на защиту и продвижение частных интересов бизнеса. Мировая практика повсеместно базируется на приоритетной роли органов государственной власти в сфере здравоохранения и социальной защиты населения в выработке государственной алкогольной политики.

Наиболее эффективными мерами против фальсифицированной алкогольной продукции зарекомендовали себя эффективными в мире: ценовое регулирование (т.е. повышение акцизов), административная и уголовная ответственность.

В 2011 году в Уголовном кодексе РФ установлена уголовная ответственность за неоднократную розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним (ст.151.1 УК). В 2014 году введена уголовная ответственность за производство, приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или продажу немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, совершенные в крупном размере (ст.171.1 УК). В этом же году установлена уголовная ответственность за контрабанду алкогольной продукции, т.е. незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции в крупном размере (ст. 200.2.УК)¹.

В 2008 году в России была создана Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка. Это служба является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, а также функции по контролю за производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, по надзору и оказанию услуг в этой сфере².

¹ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016)// Собр. законодательства РФ.1996, № 25, ст. 2954.

² Указ Президента РФ от 31 декабря 2008 г. №1883 "Об образовании Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка" // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. ст. 95; Постановление Правительства РФ от 24 февраля 2009 г. № 154 "О Федеральной службе по Регулированию алкогольного рынка" (в ред. от 13.04.2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 марта 2009 г. № 9 ст. 1119.

В связи с повсеместным развитием компьютеризации, информатизации, ростом «интернет-устройств» и расширением регистрации всех возможных событий этими устройствами, перед обществом встает настоятельная необходимость использования этих новейших технологий для обеспечения безопасности от различного рода угроз, в частности от некачественной и опасной алкогольной продукции¹.

В этих целях в Российской Федерации создаются единые системы идентификации и аутентификации – федеральные государственные информационные системы для учета, контроля и правомерного развития бизнеса и осуществления экономической политики государства². Государственные информационные системы создаются и эксплуатируются на основе статистической и иной документированной информации, предоставляемой гражданами (физическими лицами), организациями, государственными органами, органами местного самоуправления.

Информация, содержащаяся в государственных информационных системах, а также иные имеющиеся в распоряжении государственных органов сведения и документы являются государственными информационными ресурсами. Информация, содержащаяся в государственных информационных системах, является официальной. Государственные органы, определенные в соответствии с нормативным правовым актом, регламентирующим функционирование государственной информационной системы, обязаны обеспечить достоверность и актуальность информации, содержащейся в данной информационной системе, доступ к указанной информации в случаях и в порядке, предусмотренных законодательством, а также защиту указанной информации от неправомерных доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения и иных неправомерных действий.

Поэтому совершенно необходимым и одним из важнейших полномочий органов государственной власти Российской Федерации в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции относится введение единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ЕГАИС)

¹ *Losavio, M., Pastukov, P. and Polyakova, S. (2016) Cyber Black Box/Event Data Recorder: Legal and Ethical Perspectives and Challenges with Digital Forensics, Journal of Digital Forensics, Security and Law, Vol. 10, No. 4, pp 43-57.*

² *Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 13.07.2015) "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2016)//СЗ РФ. 2006, N 31 (1 ч.), ст. 3448*

для осуществления государственного контроля за объемом производства и оборота указанной продукции¹.

Единая информационная система взаимодействует с иными информационными системами посредством инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме.

Участниками единой информационной системы являются организации, осуществляющие производство и оборот продукции, индивидуальные предприниматели, осуществляющие закупку алкогольной продукции в целях последующей розничной продажи такой продукции, федеральные органы исполнительной власти.

Ведение единой информационной системы осуществляется в электронном виде с использованием программных средств единой информационной системы и включает в себя следующую информацию:

1) сведения о наименовании, местонахождении, идентификационный номер налогоплательщика, производящего спирт и алкогольную продукцию;

2) сведения о наименовании, видах производства и реализации алкогольной продукции;

3) сведения о технологическом оборудовании для производства этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, средств измерения;

4) сведения о транспортном средстве, используемом при перевозках этилового спирта;

5) сведения о продаже каждой единицы алкогольной продукции (дата и время продажи, номер контрольно-кассовой машины, номер смены, номер кассового чека);

6) сведения об алкогольной продукции, нанесенные на федеральную специальную марку или акцизную марку, которой маркирована реализованная алкогольная продукция;

¹ *Постановление* Правительства РФ от 29.12.2015 № 1459 "О функционировании единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции" (вместе с "Правилами функционирования единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции")//Собрание законодательства РФ. 2016, № 2 (часть I), ст. 335.

7) сведения о количестве (в штуках), серии (разряды), номера полученных, возвращенных, использованных и уничтоженных федеральных специальных марок и акцизных марок каждого образца.

Таким образом, система позволяет отслеживать все этапы, начиная с производства сырья и заканчивая продажей конечному потребителю. Счетчики ЕГАИС установлены на каждом спиртовом заводе, выпускающем сырье для алкогольной продукции. Весь произведенный спирт, с точностью до литра, учитывается в информационной системе.

Со спиртзавода этиловый спирт поступает на ликероводочный завод. Для этого используются специальные автомобильные цистерны – спиртовозы, которые тоже оснащаются специальными приборами учета. Когда автомобильный спиртовоз движется от спиртзавода на ликероводочный завод, то вся информация через ГЛОНАСС в режиме онлайн отображается на сервере Федеральной службы «Росалкогольрегулирования».

Привезенный на ликероводочный завод спирт отгружается в специальные цистерны, которые тоже оснащены счетчиками. При разливе алкогольной продукции, на бутылки наклеиваются специальные федеральные марки, которые по сути являются паспортом продукции. Штрихкод на марке содержит сведения о наименовании продукции, производителе, ее крепости и объеме. Информация о бутылке и марке поступает в систему ЕГАИС уже в процессе производства. Дальнейшее движение на склад, оптовым покупателям и в магазин также отслеживается идентификационной системой и подтверждается магазином при получении. Итак, система отследила весь путь бутылки вплоть до магазина.

При продаже бутылки продавец сканирует штрих код бутылки, федеральной марки. Если продукция подлинная, то кассовая программа пробьет чек и процесс продажи завершится. Если продукция окажется поддельной, то кассовая программа заблокирует продажу, а информация о поддельной продукции сразу поступит на сервер федеральной службы.

С 1 июля 2016 года каждый покупатель может проверить каждую купленную бутылку. Для этого надо будет просто отсканировать штрих код с помощью мобильного приложения. На экране смартфона появится вся информация о продукции. Легальная алкогольная продукция продается в тех магазинах, где установлена система ЕГАИС.

В 2013 году был принят Административный регламент¹ Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка, в котором устанавливаются состав, сроки и последовательность выполнения административных процедур, порядок взаимодействия с организациями, осуществляющими деятельность по производству и обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Таким образом государство устанавливает государственную услугу о государственном регулировании производства и оборота алкогольной продукции. Результатом предоставления государственной услуги является выдача программных средств ЕГАИС заявителю, подключение технических средств фиксации и передачи информации об объеме производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции в ЕГАИС.

Подключение технических средств заявителя к техническим средствам ЕГАИС производится на основании поступления от заявителя в территориальный орган Росалкогольрегулирования заявления о готовности к подключению технических средств заявителя к техническим средствам ЕГАИС. Специалист территориального органа Росалкогольрегулирования, ответственный за установку, проверку и опломбирование технических средств заявителя, проверяет техническое оборудование заявителя для фиксации и передачи информации в ЕГАИС, осуществляет пломбирование технических средств заявителя и вносит соответствующую запись о возможности использования технических средств заявителя для фиксации и передачи информации в ЕГАИС в Акт о готовности.

Ответом на тяжелые последствия производства фальсифицированной алкогольной продукции могла бы стать государственная монополия на производство и розничную продажу алкоголя. Хотя государственная монополия способствует наполнению государственного бюджета, но данная мера будет противоречить рыночной экономике и снизит конкуренцию. Создание единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции позволяет учесть весь оборот этой продукции, обеспечить законные интересы предпринимателей, исключить производство фальсифицированного алкоголя и, в конечном счете, обеспечить право на жизнь граждан при употреблении токсичного алкоголя.

¹ Административный регламент предоставления Федеральной службой по регулированию алкогольного рынка государственной услуги и ведению единой государственной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Утвержден приказом Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка от 1 августа 2013 г. № 193.

Таким образом, в условиях повсеместного развития информационных технологий введение единой государственной автоматизированной информационной системы учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ЕГАИС) для осуществления государственного контроля за объемом производства и оборота указанной продукции одновременно решает множество задач и достижения целей:

1. Создаются условия для развития инновационной экономики.
2. Реализуются полномочия государственного органа посредством оказания услуг в электронной форме.
3. Обеспечивается межведомственное информационное взаимодействие.
4. Формируется более точная официальная статистическая информация на основе первичных статистических данных (документированной информации, получаемой от респондентов с использованием специальных бланков форм, а также информации, документируемой непосредственно в ходе федерального статистического наблюдения) и административных данных (информации, получаемой государственными органами в ходе выполнения ими разрешительных, регистрационных, контрольно-надзорных и других административных функций).
5. Обеспечивается прозрачность всего оборота алкогольной продукции, что сокращает до максимума производство сфальсифицированной алкогольной опасной продукции.
6. И самое главное, обеспечивается самое главное право человека – право на жизнь и здоровье, т.к. будет меньше происходить отравлений и смертей от суррогатного алкоголя.

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНЦЕПЦИИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. И. Шмыков

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь*

Термин «безопасность» сложился в XX в. и обобщённо обозначал спокойное состояние человека, защищённость от любой опасности.

В современном обществе происходят постоянные изменения, которые могут являться источником опасности¹:

© Шмыков В. И., 2017

- Радикальные изменения в мире разрушают отношение человека к социальной реальности.

- Человек дезориентирован в гуще событий, начинает переживать постоянное давление со стороны окружающего мира, не чувствует уверенности в безопасности своей жизни.

- Человек сталкивается с несоответствием прежних и новых ценностей, мировоззрения и традиций.

В этой связи становится актуальным рассмотрение уровня защищённости в спектре «опасность-безопасность». Концепция безопасности в Российской Федерации² содержит следующее определение: «под общественной безопасностью понимается состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств...». Обеспечение безопасности осуществляется, в частности, на основе следующих принципов: соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина; системность и комплексность применения организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер.

В нормативно-правовых документах безопасность понимается как отсутствие недопустимого риска. Тогда как риск определяется через сочетание факторов: ущерб и вероятность его нанесения.³ Психология в определении и содержании ущерба учитывает важнейшие социальные, психологические и социально-психологические аспекты жизни человека, которые составляют содержание психологической безопасности личности.

Ряд авторов психологию безопасности, в качестве научной дисциплины, предлагает исследовать по следующим дефинициям и направлениям: безопасность личности как «многоаспектное» образование (Ижевская Т.И.)⁴:

1) состояние объекта безопасности и его жизнедеятельности (актуальная или ситуативная безопасность);

2) уровень защищённости интересов объекта безопасности;

¹ *Зотова О. Ю.* Социально-психологическая безопасность личности :автореф. дисс ... д. психол. н. Москва, 2011.38 с.

² *Концепция общественной безопасности в Российской Федерации* (Утв. Президент Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685); Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности».

³ ГОСТ Р 51898-2002. Государственный стандарт Российской Федерации. Аспекты безопасности. Правила включения в стандарты (принят и введен в действие Постановлением Госстандарта России от 05.06.2002 № 228-ст).

⁴ *Ижевская Т.И.* Безопасность личности: система понятий / Психопедагогика в правоохранительных органах, 2008. № 4. С.47-49.

- 3) систему мер предотвращения и преодоления опасностей;
- 4) устойчивое развитие объекта безопасности (включая устойчивые личностные структуры).

Безопасность личности подразумевает здесь взаимоотношения человека со средой своего окружения, взаимосвязи между переменными среды и различными психологическими характеристиками человека, изыскание ресурсов (повышающих готовность личности противостоять опасностям различного характера).

Психологическая безопасность как система (Шлыкова Н.Л.)¹ Целостная система психических процессов – соответствие потребностей и возможностей субъекта отраженным характеристикам реальной *действительности*.

Психология безопасности как субъективное благополучие (Кимберг А.Н.)². Модель безопасности здесь имеет психологический характер. Безопасность личности рассматривается как конструкт субъективного благополучия: переживание своего будущего, ресурсность личности (например: репутация, возможности развития личности). Ущерб не только материален (летальный исход, нетрудоспособность, телесные или иные повреждения). Ущерб здесь относится к психологической составляющей человека (психологический ущерб) – он имеет право на самостоятельное существование (наряду с остальными видами ущерба).

Итак, безопасность определена в психологии как адекватный способ реагирования на воздействующие факторы, обеспечивающий защищённость человека. Содержание безопасности человека проявляется в совокупности составляющих его жизнедеятельность.

Рассмотрим правовое регулирование обеспечения безопасности взаимодействия «человек – общество» с позиции концепции жизнедеятельности (ЖД)³ – **отображение безопасности в отношениях к мерам и компонентам правовой регуляции в обществе.**

В исследовании приняли участие 700 респондентов, представляющих различные группы населения: студенты, пенсионеры, рабочие предприятий, работники торговли (сфера услуг), служащие (специалисты) предприятий, работники культуры и образования, жители сельской местности

¹ Шлыкова Н. Л. Психологическая безопасность субъекта профессиональной деятельности: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004.

² Кимберг А.Н. Психология безопасности личности: предмет и проблемы в перспективе субъектного подхода // Человек. Сообщество. Управление. 2010. №1. С.72-82.

³ Шмыков В.И. Профессиональная деятельность и психология жизнедеятельности: монография. Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012.

(трудозанятая часть). Оценка выраженности изучаемого явления осуществлялась в баллах¹. Исследование проводилось по следующим направлениям:

- оценка населением институтов правовой регуляции в обществе (содержащей отношения к обеспечению безопасности) – табл.1;
- негативные явления в правовой деятельности и безопасности – табл. 2;
- проблемы в обществе (связанные с правовой регуляцией обеспечения безопасности) – табл. 3

На первом этапе выявлено отношение населения к социальным институтам правовой регуляции и определено их место (ранг) – (табл.1).

Таблица 1

*Оценки отношения к институтам
правовой регуляции обеспечения безопасности*

№ пп	Социальные институты	Регуляция систем: «человек» – «общество»	Ранг	Средний балл (вся выборка)	Сотрудники ОВД		Гражд.-правов. юристы	
					Ранг	Балл	Ранг	Балл
1	Радио, телевидение	Коммуникационная	1	3,14	3	3,20	7	3,09
2	Церковь	Религиозная	2	3,04	4	3,07	3	3,28
3	Суд, прокуратура	Правовая	3	2,98	2	3,58	5	3,23
4	Полиция – ОВД	Правовая	4	2,92	1	3,99	6	3,20
5	СМИ (пресса)	Информационная	5	2,86	7	2,82	8	2,77
6	Городские органы власти	Управленческая	6-7	2,82	6	2,89	1	3,57
7	Краевые органы власти	Управленческая	6-7	2,81	5	3,02	2	3,40
8	Законодательное собрание	Законотворческая	8	2,70	8	2,77	4	3,25

Отношения граждан сопоставлены с ответами сотрудников ОВД и гражданско-правовых юристов.

Даже при беглом анализе отмечены неоднозначные оценки правовой регуляции безопасности – выявлены полярные оценки в отношении структур общества (социальных институтов). Сосредоточимся на психологическом анализе результатов правовой регуляции систем «человек» – «общество»:

¹ Оценка в баллах: 1 – минимальная (крайне низкая), 2 – неудовлетворительная (низкая), 3 – неопределённая (средняя), 4 – удовлетворительная (достаточная, хорошая), 5 – максимальная выраженность. Методики исследования: опрос, интервью.

– в ответах всех групп респондентов отмечаются настораживающе низкие оценки социальных институтов государства – вероятно существуют проблемы правовой (нормативной) регуляции безопасности;

– группами сотрудников ОВД и гражданско-правовых юристов даны полярные оценки – они отличаются от оценок «групп населения» (вся выборка).

Выявленное различие оценок требует анализа проблемных «узлов» в обществе и в правовой (нормативной) регуляции безопасности.

Для поиска ответов проведён анализ негативных явлений в правовой регуляции безопасности систем «человек» – «общество» (табл.2; 3). Методики: интервью, свободные ассоциации. Инструкция: перечислить негативные явления правовой регуляции, с которыми сталкивались респонденты¹. При структурировании свободных высказываний и обобщении результатов возникла необходимость переосмыслить первоначальную предельно общую задачу – перечислить негативные явления правовой регуляции безопасности. Анализ ассоциаций прояснил, что респонденты не могут однозначно сформулировать ответ по проблеме правовой регуляции (регулирующего влияния норм права на безопасность, образ жизни и т.д.). В высказываниях респонденты «настойчиво» уходили от оценки *правовой регуляции безопасности* и склонялись к констатации *правовой деятельности* (действия, бездействия, оказание давления, ограничения прав и т.д.) на «фоне» сомнения действительности обозначенных государством социально-правовых гарантий безопасности (провозглашённых прав и свобод, равенства перед законом и т.д.). Негативные явления правовой регуляции безопасности проявляются не только в регулирующем влиянии институтов общества, но и в повседневном бытии (жизнедеятельности) человека и его *правовой деятельности (практике применения обеспечения безопасности)*.

Возникла необходимость разделить ответы на часть непосредственно характеризующих негативные явления собственно правовой деятельности обеспечения безопасности (табл.2) и на часть отражающих рост проблемных явлений в обществе, которые, по мнению респондентов, косвенно влияют на правовую деятельность по осуществлению безопасности (табл.3).

¹ Оценка: ответы структурированы по наиболее часто встречающимся наименованиям и переведены в проценты выраженности (встречаемости) измеряемого явления (от 100% по данному показателю).

*Оценки негативных явлений в правовой деятельности
и обеспечения безопасности*

№ п/п	Перечень негативных явлений	Ранг	Вся вы- борка (от 100% по показателю)	Сотрудники ОВД		Гражд.- прав. юристы	
				Ранг	%	Ранг	%
1	Низкая культура правового общения	1	41,2	1	39,1	1	55,6
2	Использование служебного положения	2	39,3	4	24,6	4	33,7
3	Равнодушие, безразличие к людям	3	35,5	5	22,1	3	39,1
4	Низкая правовая культура (депрофессионализм)	4	34,5	2	36,5	2	48,7
5	Коррупционированность (правовая порука)	5	31,9	6	21,1	5	32,3
6	Необоснованное, незаконное бездействие	6	31,6	7	16,7	6	28,2
7	Необоснованные пресекательные действия	7	28,4	9	14,1	7	25,4
8	Формализм, волокита в исполнении закона	8	28,2	3	32,5	9	20,1
9	Психологическое давление, неуважение прав личности и социальных гарантий	9	24,3	8	15,7	8	21,8
10	Нарушение закона, незаконные действия	10	16,1	10	2,1	10	13,6
	Средний процент – %		31,1		22,45		31,8

В свободных рассуждениях на заданную тему респонденты перешли на обобщение проблемных явлений:

– государство разрабатывает меры правовой регуляции безопасности, которые неоднозначно исполняются в деятельности обеспечения безопасности;

– противоречия в системе «общество» порождают негативные проявления в сопряженных с ней системах (в частности, в системе «индивидуальность»);

– внутрисистемные противоречия инициируют разнообразие правосознания, ценностей, поведения, стилей и др.

Анализ негативных явлений правовой деятельности обеспечения безопасности (табл. 2) на основе сопоставления ответов граждан, сотрудников ОВД и гражданско-правовых юристов не претендует на полноту ис-

следования проблем предлагаемым перечнем, а представлен наиболее острыми. Негативные явления, независимо от их порядкового расположения, имеют существенную процентную выраженность – нет перво-степенных и второстепенных. Поэтому все негативные явления оценены как *чрезвычайно опасные* для общества. К ним относятся:

- низкая культура правового общения (пренебрежение достоинства граждан);
- равнодушие и безразличие к людям, обратившимся за помощью;
- депрофессионализм (неуважение прав человека, низкая правовая культура – «имитация» защиты гарантий безопасности;
- использование служебного положения (например, злоупотребление правовыми полномочиями, личная выгода, отсутствие «мотива служения» людям);
- формализм, волокита в применении норм права (проблема правовой деятельности обеспечения безопасности).

Ранги негативных явлений почти полностью совпадают во всех выборах, несмотря на то, что они имеют разную выраженность (разные проценты). Это совпадение свидетельствует об одинаковой оценке проблем правовой деятельности по обеспечению безопасности не только юристами, но и гражданами.

Социально-психологический анализ правовой деятельности обеспечения безопасности граждан (табл. 2) показал, что перечень явлений включает пункты, относящиеся к предметной деятельности и выходящие за её рамки, и пункты, констатирующие изменения личности:

- относящиеся к деятельности по безопасности (взаимодействия): пресекательные действия (задержание, насилие), незаконные действия и бездействия, волокита в исполнении норм права;
- выходящие за рамки деятельности по безопасности (взаимоотношения): культура правового общения (пренебрежение достоинства граждан), правовая порука (коррупционированность, сговор), правовая культура (депрофессионализм);
- констатирующие изменения личности: равнодушие, безразличие, использование служебного положения.

Исходя из результатов анализа правовой деятельности обеспечения безопасности, полагаем, что они подтверждают необходимость изучения жизнедеятельности посредством не только компонентов деятельности по

осуществлению безопасности человека (субъект-объектных взаимодействий), но и субъект-субъектных отношений (культура правового общества, правовая порука, правовая культура). А изменения личности являются результатом не только вида предметной деятельности (учения, труда), но и в более широком контексте – *жизнедеятельности (и её составляющей – обеспечения безопасности)*.

Далее обратимся к анализу ответов, характеризующих проблемные изменения в обществе и связанных, по мнению респондентов, с негативными явлениями в правовой регуляции обеспечения безопасности – табл. 3. Раздел «**Нарастающие социальные проблемы**» (табл.3) характеризует состояние системы «общество». Но в силу того, что эксперты-респонденты занимают различное социальное положение в самом обществе, становятся понятными разительные различия в оценках – в группах «**Вся выборка**» и «**Юристы**».

Таблица 3

*Оценка проблем в обществе
(связанных с регуляцией обеспечения безопасности)*

№ п/п	Перечень проблемных явлений	Вся выборка (от 100 % по показателю)		Юристы (ОВД, гражд.- правовые)	
		Ранг	% ответов	Ранг	%
Нарастающие социальные проблемы					
1	Социальное неравенство (в правовой регуляции общества)	1	81,3	1	83,8
2	Низкий уровень жизни	2	57,9	4	64,8
3	Снижение правовой культуры и морали	3	44,9	2-3	67,6
4	Опасение за личную безопасность, при росте преступности	4	43,2	5	59,5
5	Безнаказанность	5	33,6	2-3	67,7
6	Культ силы в отношениях людей	6	28,7	6	48,5
7	Нестабильность общественного развития	7	27,1	8	29,6
8	Неуважение закона	8	24,3	9	29,7
9	Ограничения в дополнительных доходах	9	20,3	7	32,3
Потенциальность правовой (нормативной) жизнедеятельности (возможность успеха в жизни при соблюдении закона):					
10	Да, возможен успех (есть возможность)	2	34,7	1	39,8
11	Не всегда	1	35,5	2	37,4
12	Нет, не возможен	3	17,2	3	13,9
13	Отказались отвечать (по пп.18-20)		12,6		8,9

В связи с репрезентативностью респондентов «**Вся выборка**», их мнение принимается за адекватную оценку проблем внутри общества –

«внутрисистемные» противоречия. Тогда как эксперты-юристы выражают другие представления о проблемах общества – изменено сознание юристов специфическими особенностями самой юридической деятельностью.

Можно объяснить различия в оценках респондентов тем, что граждане выражают мнение «заказчика» (требования и объективные условия правовой деятельности), а эксперты-юристы выражают мнение «исполнителя» правовой деятельности. В связи с чем юристы, погруженные по долгу службы в решение проблем правоотношений, обладают иным отражением социальных явлений – у них другие рефлексивные механизмы.

Поясним сказанное. В табл.3 («Нарастающие социальные проблемы») по всем ассоциациям респондентов, объединенных в перечень показателей обеспокоенности (тревоги) граждан, отмечаем более высокую по сравнению с другими таблицами выраженность проблемных явлений у юристов.

В перечень включены следующие (п.п.1-9): опасение за личную безопасность при росте преступности; неуважение закона и безнаказанность; культ силы в отношениях людей; нестабильность общественного развития; социальное неравенство; снижение культуры и морали.

У граждан проблемные явления в обществе (связанных с регуляцией обеспечения безопасности) большую обеспокоенность вызывают социальное неравенство (81,3%), низкий уровень жизни (57,9%), снижение уровня культуры и морали (44,9%), опасение за личную безопасность (при росте преступности отметили 43,2%). Оставшиеся показатели вызывают беспокойство (тревогу) у меньшего количества граждан: безнаказанность (33,6%), культ силы в отношениях людей (28,7%), нестабильность общественного развития (27,1%), неуважение закона (24,3%).

С нашей точки зрения, мнение меньшего количества граждан характеризует индифферентное отношение населения к проблемам правовой регуляции безопасности в обществе, или как принято в наше время говорить - «правовой нигилизм» (не у всех, но у многих). В группе юристов процент выраженности обеспокоенности «нарастающими социальными проблемами» (табл. 3) по сравнению с оценками респондентов-граждан значительно больший. Однако есть и существенные различия: безнаказанность отмечают 67,7 % юристов. Удивительно, что тревогу по поводу этой проблемы высказывают в большей степени юристы. Большое различие во мнениях респондентов не может не сказаться на взаимоотношениях граждан и юристов как взаимоотношений: неуважение, насторо-

женность, безразличие и др. (табл.2 Оценка проблем в обществе, связанных с регуляцией обеспечения безопасности).

Знаменательной является оценка респондентами нестабильности общественного развития (п.7, табл.3). Общей тенденцией является ранговое место этого проблемного явления в обществе – менее значимый 7-й и 8-й ранг в общем перечне (отмечается всего лишь 27,1% граждан и 29,6% юристов). Не только в настоящее время, в период изменений привычных устоев жизни и социально-экономических преобразований в России, но и всегда в периоды социальных и экономических изменений в обществе наблюдается нервно-психическое перенапряжение человека и сопутствующие им последствия ухудшающие жизнь. Но сложившиеся представления о повсеместности распространения стрессового напряжения у населения в целом и у профессионалов в частности, вступает в некоторое противоречие с представленными данными (в части нестабильности общественного развития как проблемного явления и поэтому «ожидаемого» высокого процента «страдающих» от этого фактора). Но только треть опрошенных отметила обеспокоенность этим неблагоприятным фактором. В этой связи возникает вопрос, каким образом оставшаяся часть населения поддерживает нервно-психическую устойчивость при одинаковом влиянии на всех неблагоприятных факторов окружающего мира? *Наше мнение по этому поводу связано с анализом тенденции, которая подтверждает необходимость включения в структуру жизнедеятельности параметра психической устойчивости (стойкости) к стресс-факторам, как параметра безопасности.*

Кроме того, обратим внимание, что в целом указанные особенности и различия в оценках граждан и юристов влияют не только на правовую регуляцию безопасности, но и на готовность совершать действия, регулируемые правом (просоциальные, асоциальные или антисоциальные). В данном случае речь идёт о потенциальной готовности к нормативному поведению: только треть граждан готовы к законопослушному поведению (34,7 % опрошенных), в тоже время юристы отмечают бóльшую готовность к правопослушной жизни (39,8%). Отмеченное ранее индифферентное отношение к закону (п.10 табл.2) не безразлично для обеспечения безопасности общества, т.к. две трети опрошенных считают вероятной жизнь в условиях нарушения закона:

– п.11 табл.3 – «не всегда» 35,5%, т.е. эта часть граждан считают возможной жизнь с нарушением закона;

– п.12 табл.3 – 17,2% считают, что успех в жизни возможен только при нарушении закона.

У юристов несколько иные тенденции по сравнению с оценками граждан. Успех в жизни возможен только при соблюдении закона, отмечает большее количество опрошенных юристов (39,8%). Сомнения в возможности правопослушного поведения высказали 37,4 % юристов (п.11 табл. 3), больше чем в выборке граждан – очевидно «правовой нигилизм» имеет место и в среде юристов. Но гораздо меньший процент юристов (п.12 табл. 3 – 13,9%) считает невозможной жизнь в обществе без нарушения закона.

Тот факт, что 12,6% граждан и 8,9% юристов (п.13 табл. 3 – вопрос «возможность успеха в жизни при соблюдении закона») отказались от ответа, вероятно, свидетельствует о неточности полученных результатов. Но, по нашему мнению, трактовать данные по п.10-13 (табл.3) следует иначе – в сравнении соотношения тенденций. Так, 12,6% выборки не определившихся с ответом, косвенно отрицают правопослушное поведение и пополняют группу потенциально неправопослушных граждан. То, что в группе юристов отказались отвечать значительно меньше респондентов (8,9% – п.13 табл. 3), свидетельствует об их более зрелых оценках действия права в обществе. Кроме того, у юристов выше оценки законопослушного поведения (п.10 табл.3 – 39,8%), но выше и сомнения в возможности соблюдения закона (п.11 табл.3 – 37,4%).

Выводы

1. Представленные статистические данные оценки населением негативных явлений в правовой деятельности и безопасности, проблем в обществе (связанных с проблемами обеспечения безопасности) являются *односложно-линейным уровнем знания*. Сами по себе они не могут служить достаточной базой для последующих возможных критичных (спекулятивных) выводов о недостаточности и «низком» уровне обеспечения безопасности в обществе – выводы на основании односложной линейной зависимости могут быть ошибочными.

2. Закономерности социально-психологического отображения правовой деятельности и безопасности позволили выявить «проблемные узлы» социальной реальности по обеспечению безопасности (организации правовой регуляции и правовой деятельности по обеспечению безопасности).

3. В формировании безопасности необходимо изучение полисистемных процессов взаимовлияния (не только в социогенезе, но и в персо-

ногенезе) путем интегрального исследования индивидуальности и изучения опосредующего звена – стиля жизнедеятельности в предлагаемой нами концепции¹. Установление закономерностей полидетерминированного (объемного) отображения требуют установления полисистемного механизма формирования психологии жизнедеятельности в правовой регуляции безопасности систем «человек» – «общество».

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИНОЛОГИЧЕСКИХ ГОРОДКАХ

Л. А. Пастухова

*Пермский военный институт войск
национальной гвардии Российской Федерации,
Пермь*

С недавнего времени в ряду многочисленных мировых проблем экологические признаются приоритетными. Отрицательное воздействие на природную среду (реальное и потенциальное) в результате функционирования военных объектов на всех этапах их жизненного цикла, по экспертным оценкам, сопоставимо с другими дифференцированными видами деятельности человека². Специалисты кинологической службы по роду своей деятельности находятся в тесной взаимосвязи с природной средой, что может негативно отразиться на состоянии последней.

Кинологический городок – это участок местности, выгороженный сплошным забором высотой не менее двух метров и оборудованный электроосвещением, с размещенными на нем павильонами для собак, специальной кухней, классом специальной подготовки, учебно-материальной базой для дрессировки (тренировки) служебных собак и другими подсобными помещениями³.

© Пастухова Л. А., 2017

¹ Шмыков В.И. Профессиональная деятельность и психология жизнедеятельности: монография. Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2012.

² Организация экологической безопасности военной деятельности: Учебное пособие для руководящего состава Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации /под общ. ред. начальника тыла Вооруженных Сил РФ генерала армии В.И. Исакова. – М., 2007. – 636 с.

³ Приказ ГК ВВ МВД Российской Федерации от 14.08.2009 № 292 «Об утверждении наставления по кинологической службе внутренних войск МВД России». – М., 2009. – 152 с.

С экологической точки зрения кинологические городки воинских частей представляют собой сложные системы (рис.1), которые с одной стороны используют природные ресурсы для обеспечения своей деятельности, а с другой – являются источниками различных вредных воздействий, главным образом загрязнений, на окружающую природную среду.

Экологическая безопасность (ЭБ) войск (сил) – это состояние защищенности жизненно важных интересов личного состава войск, населения, окружающей среды на территориях (акваториях) военных объектов от возможного негативного воздействия военной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и их последствий в мирное и военное время. Под обеспечением экологической безопасности войск (сил) понимается комплекс мер правового, нормативного, организационно-технического, социально-экономического, воспитательного и иного характера, проводимых в войсках в мирное и военное время¹.

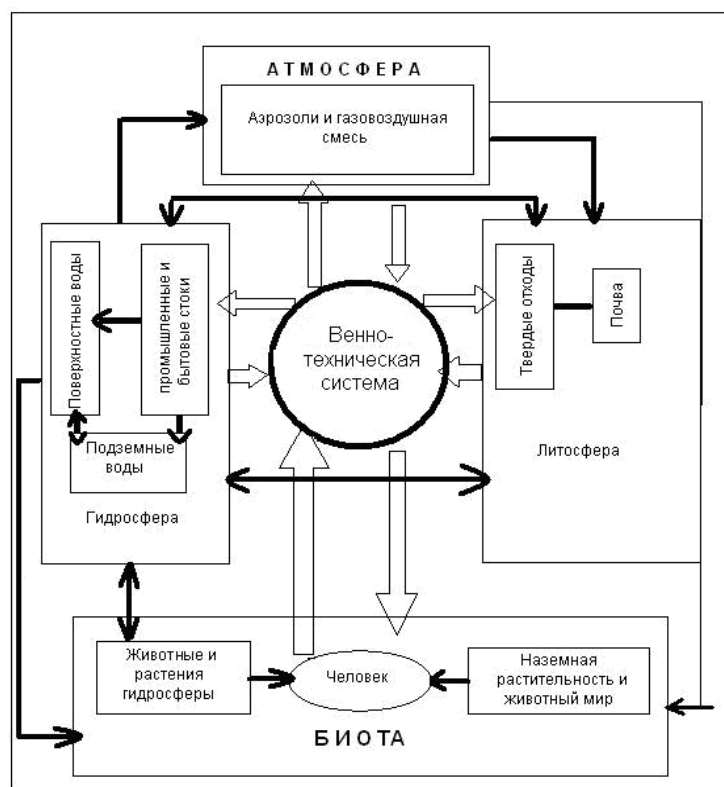

Рис.1. Принципиальная структура военной экологической системы

¹ Организация экологической безопасности военной деятельности: Учебное пособие для руководящего состава Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации / под общ. ред. начальника тыла Вооруженных Сил РФ генерала армии В.И. Исакова. – М., 2007. – 636 с.

В ходе нашего исследования было выявлено, что методики комплексного определения состояния ЭБ на КГ не существует, в связи с чем основные параметры¹ системы обеспечения ЭБ на территории кинологического городка были установлены нами с помощью ряда литературных источников. Это следующие параметры:

экологическая обстановка в месте расположения КГ (этот внешний многофакторный компонент не являлся предметом нашего дальнейшего исследования);

имеющиеся на территории КГ объекты (оборудование), включая численный показатель содержащихся здесь собак (поголовье²);

наличие ветеринарного специалиста;

действующие экологические требования к кинологической деятельности, включая службу каждого военнослужащего;

деятельность начальника кинологической службы по обеспечению ЭБ на территории КГ;

знание экологических требований нормативных правовых документов, личная заинтересованность и ответственность всего личного состава.

Экологические требования (требования экологической безопасности, природоохранные требования) – это комплекс ограничений и условий по природопользованию и сохранению окружающей среды в процессе хозяйственной и иной деятельности, установленные нормами экологического права (законами и иными нормативными правовыми актами – природоохранными нормативами, государственными стандартами и др. – в области охраны окружающей среды). В широком смысле они включают санитарно-эпидемиологические правила и нормативы (санитарные правила), том числе ветеринарные правила и нормы (ветеринарные правила).

«Государственные санитарно-эпидемиологические правила и нормативы (санитарные правила) – нормативные правовые акты, устанавливающие санитарно-эпидемиологические требования (в том числе критерии безопасности и (или) безвредности факторов среды обитания для человека, гигиенические и иные нормативы), несоблюдение которых создает

¹ Параметры – относительно постоянные показатели, характеризующие моделируемую систему (элемент системы) или процесс; указывают, чем данная система (процесс) отлична от других; могут быть количественными и качественными (по <http://slovar-lopaticov.ru/>).

² *Поголовье* – общее количество голов скота, животных (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка online / <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov-term-23518.htm>).

угрозу жизни или здоровью человека, а также угрозу возникновения и распространения заболеваний»¹.

«Ветеринарные правила и нормы (ветеринарные правила) – нормативные документы, устанавливающие единые ветеринарные (ветеринарно-санитарные) требования, а также зоогигиенические нормативы, несоблюдение которых создает угрозу возникновения и распространения болезней животных, в том числе общих для человека и животных...»²; комплекс санитарных норм и требований, обязательных для животноводческих хозяйств и других предприятий, направленный на создание благоприятных санитарных условий внешней среды с целью охраны животных от инфекционных и инвазионных болезней³.

К основным нормативным правовым документам, регулирующим деятельность должностных лиц воинской части по обеспечению экологической безопасности на территории кинологического городка, в первую очередь относятся: Конституция РФ (1993), ФЗ «О безопасности» (2010), ФЗ «Об охране окружающей среды» (2002), Уголовный кодекс Российской Федерации (1996, ред. 2015), СанПиН 2.2.1/2.1.1.1200-03. Санитарно-защитные зоны и санитарная классификация предприятий, сооружений и иных объектов: Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы (2003, с измен. 2008),

СанПиН (СП) 2.3.6.1079-01. Санитарно-эпидемиологические требования к организациям общественного питания, изготовлению и оборотоспособности в них пищевых продуктов и продовольственного сырья: Санитарно-эпидемиологические правила (2002, с измен. 2007), Ветеринарно-санитарные правила сбора, утилизации и уничтожения биологических отходов (1995), Устав внутренней службы (2007), Приказ МВД РФ от 19 июня 2006 г. № 465 «Об утверждении Положения о войсковом хозяйстве внутренних войск МВД России», Приказ ГК ВВ МВД России от 14 августа 2009 г. № 292 «Об утверждении Наставления по кинологической службе внутренних войск МВД России».

Данные нормативные правовые акты содержат экологические требования к деятельности специалистов кинологической службы внутренних

¹ Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» / <http://www.consultant.ru>.

² Решение Комиссии Таможенного союза от 18.06.2010 N 317 (ред. от 12.10.2012) «О применении ветеринарно-санитарных мер в таможенном союзе» / <http://www.consultant.ru>.

³ Ветеринарный энциклопедический словарь / <http://veterinary.academic.ru>.

войск МВД России и конкретные обязанности должностных лиц воинской части по обеспечению экологической безопасности на территории КГ.

В кинологической службе ВВ МВД России особая роль отводится правовому обоснованию служебно-боевой деятельности начальника кинологической службы воинской части, ответственного за организацию системы обеспечения ЭБ кинологической деятельности в конкретном кинологическом подразделении и состоянии экологической обстановки в его расположении. В процессе принятия любых управленческих решений в настоящее время все большее внимание уделяется ограничениям экологического характера, так как «ужесточаются требования со стороны контролирующих органов к воинским подразделениям»¹. При подготовке и принятии управленческих решений особенно важное значение приобретают нравственные и нормативно-правовые аспекты экологического императива².

В заключении считаем нужным отметить, что необходимо продолжить изучение параметров системы обеспечения экологической безопасности кинологической деятельности.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОРНОГРАФИИ

Д. В. Шмыков

*Центр профессиональной подготовки
Главного управления МВД России по Пермскому краю,
Пермь*

Дети – одна из самых незащищенных групп населения. Охрана детей и подростков от преступлений и иных противоправных посягательств – приоритетная и первостепенная задача любого цивилизованного общества. Российская Федерация в этом вопросе не является исключением.

Согласно Федеральному закону от 24 июля 1998г. №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» государственная политика в интересах детей является приоритетной.

© Шмыков Д. В., 2017

¹ Юнак А.И., Сидорова Е.В. Экология в Вооруженных Силах // Экология и жизнь. 2001. №1. С. 20-23.

² Денисов В.В., Денисова И.А., Гутенев В.В., Грачев В.А. Безопасность жизнедеятельности. Защита населения и территории при чрезвычайных ситуациях. М., 2007. 720 с.

Исходя из основных принципов обеспечения безопасности указанных в статье 2 Федерального закона от 28.12.2010 года № 390-ФЗ «О безопасности», обязателен к исполнению, не только принцип законности как основной, но и системность и комплексность применения правовых и иных мер обеспечения безопасности.

Органы государственной власти РФ принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от распространения печатной продукции, аудио и видеопродукции, пропагандирующих насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение.

Российской Федерации необходимо в полной мере, неукоснительное обеспечение информационной безопасности детей. А также обеспечение личной безопасности детей.

На современном этапе развития нашего общества проблема сексуальной эксплуатации детей, их физического и нравственного растления достигла высокой степени напряженности. В связи с этим выработаны уголовно-правовые средства противодействия распространению детской порнографии, соответствующих характеру и степени опасности данного явления.

В соответствии с нормами международного права, детская порнография означает любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка, главным образом в сексуальных целях.

Данное определение наиболее полно и конкретно определяет содержание рассматриваемого явления и официально закреплено в факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся торговли людьми, детской проституции и детской порнографии, принятом 25 мая 2000г. Резолюцией 54/263 на 97 пленарном заседании 54 сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Что касается мирового сообщества, то в Соединенных Штатах Америки в 2007-2008 годах за преступления связанные с изготовлением и оборотом порнографической продукции с изображениями несовершеннолетних, было осуждено 3884 лица, в Японии в 2008 году было произведено 676 арестов, в 2005 году в Австралии полиция провела 191 арест, в Италии было осуждено 182 лица. Эта проблема не обошла стороной и

Российскую Федерацию¹. Общая численность подростков и молодежи России составляет примерно 32,2 млн. Человек (22,8% от всего населения)². По данным ГИАЦ МВД России, в 2008 г. В России жертвами насилия стали 126,5 тысячи несовершеннолетних, из которых 62,2 тысячи от преступлений, сопряженных с насильственными действиями. При этом остро стоит проблема роста числа подростков, пострадавших от действий сексуального характера – 9,1 тысячи. В результате такого рода преступлений 1914 детей погибли. В течение 2008 г. В розыске находились 53 тысячи подростков³. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста в 2012 году зарегистрировано 1852, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления – 2265, изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних 554, вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий 272. Борьба с преступлениями против несовершеннолетних требует не просто дополнительных, а системных мер: это и изменение законодательства, и усиление профилактики, и полноценная реабилитация пострадавших. Нужны скоординированные действия всех государственных структур и общественных объединений. В соответствии с Конвенцией о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. государства должны уделять особое внимание защите прав и законных интересов детей от всех форм физического и психического насилия, а их правовое положение должно стать основанием для защиты от посягательства на их права и свободы как одного из приоритетных направлений деятельности государства. Именно поэтому современное цивилизованное государство в лице своих органов должно активно влиять на защищенность информационных ресурсов от преступных посягательств подобного рода.

¹ Валентонис А.С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия обороту предметов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: дисс. канд. юр. наук. С.11. URL: <http://lawtheses.com/kriminologicheskie-i-ugolovno-pravovye-aspekty-protivodeystviya-oborotu-predmetov-ili-materialov-s-pornograficheskimi-izo#ixzz2wrmfa2m8> (дата обращения: 22.03.2014 г.)

² Шмыков Д.В. Противодействие обращению порнографических материалов или предметов: уголовно-правовой и криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук.— Нижний Новгород, 2011. С.21-22.

³ Польшиков А.В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети «Интернет» дисс. канд. юр. наук. С.3. URL: <http://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-mery-borby-s-izgotovleniem-i-oborotom-materialov-s-po#ixzz2wrjln525>(дата обращения: 22.03.2014 г.)

Столкнувшись с проблемой эскалации педофилии еще в начале 80-х гг. XX столетия, развитые страны выработали довольно эффективные средства борьбы с изготовлением и оборотом детской порнографии с помощью информационных технологий сети «Интернет». Однако в Российской Федерации такая форма сексуальной эксплуатации детей ведется сегодня в огромных масштабах. Способная легко тиражировать и беспрепятственно передавать через любые границы фото и видеоматериалы, сеть «Интернет» превратилась в своеобразный инструмент, используемый в криминальном бизнесе. Глобальная компьютерная сеть предоставила не только саму возможность программистам заниматься созданием порнографических сайтов с изображениями несовершеннолетних, но и практически неограниченную свободу действия во всей «мировой паутине» сети «Интернет». Более того, глобальная сеть выступает не только в роли современного средства связи, но и рынка сбыта запрещенной продукции.

Как полагают эксперты, около 70% всей порнографической продукции распространяется именно с помощью сети «Интернет»¹. Хотя эта цифра, на наш взгляд, с учетом сегодняшней реалий составляет примерно 80-90%. Поэтому в современных условиях борьба с преступлениями, связанными с изготовлением и оборотом в глобальной компьютерной сети «Интернет» материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (детской порнографии), должна рассматриваться МВД России в качестве одного из приоритетных направлений борьбы с преступностью. Такие неутешительные выводы необходимо сопоставить с тем, что по различным оценкам, российский сегмент глобальной компьютерной сети «Интернет» является одним из самых динамично развивающихся в мире, число его пользователей в 2006 г. Составляло 20 млн. человек, а по состоянию на 1 января 2009 г. – превысило 50 млн. (более 2 млн. из них – несовершеннолетние). Мониторинг информационных ресурсов сети «Интернет» показал главное – в настоящее время спрос на детскую порнографию в три раза превышает предложение².

Основная причина сложившейся крайне негативной ситуации заключается в отсутствии эффективных уголовно-правовых и криминологических мер борьбы с преступностью в сфере высоких технологий и, как следствие, должной правоприменительной практики в области борьбы с

¹ МВД России: вчера, сегодня, завтра // Российская газета. 2009. 15 июля.

² Материалы круглого стола «Рунет против детской порнографии». Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvdinform.ru> (дата обращения: 22.03.2014 г.)

оборотом и изготовлением материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Наблюдаемая бессистемность правовых норм требует более развернутого регулирования оборота порнографических материалов или предметов, а также обеспечения охраны прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних правовыми, организационными и техническими средствами с целью недопущения вовлечения подростков в создание информационных материалов порнографического содержания с их непосредственным изображением.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2008 г. зарегистрировано в 7 раз больше, чем в 2004 г., преступлений, предусмотренных ст. 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹. Тем более, что в научных кругах и средствах массовой информации неоднократно поднимался вопрос о крайне негативной роли порнографической продукции в формировании морально-нравственных убеждений у населения, прежде всего, самих несовершеннолетних. Бесспорно, доминирующей по-прежнему остается точка зрения, согласно которой порнография, независимо от форм предоставления, является одной из главных причин деморализации общества и упадка культуры в целом².

Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года зафиксировала право ребенка на защиту от сексуального совращения и всех форм сексуальной эксплуатации. Конвенция вступила в силу для СССР 15.09.1990³. Статья 34 этой Конвенции устанавливает, что «Государства – участники обязуются защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения. В этих целях государства – участники, в частности, принимают на национальном двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения:

- 1) склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности;
- 2) использования в целях эксплуатации детей в проституции или в другой незаконной сексуальной практике;
- 3) использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах».

¹ Россия в цифрах-2008: краткий статистический сборник. М., 2008.

² *Польшиков А. В.* Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети «интернет»: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.

³ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №45. ст. 955.

С 25 июня 2004 г. В России действует еще 2 важных международно-правовых акта. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года и Протокол № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года. Эти документы обязывают государства-участники, в том числе и Россию, криминализовать действия, связанные с сексуальной эксплуатацией детей, таким образом, чтобы наказание за них было не менее 4 лет лишения свободы.

Важное значение в продвижении международного сотрудничества в сфере борьбы с торговлей детьми и распространением детской порнографии имеет Факультативный протокол № 2 к Конвенции ООН о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 года, в котором впервые официально был признан факт растущей доступности детской порнографии в Интернете. В этом международно-правовом акте также впервые в одном понятийном ряду используются понятия «торговля детьми, детская проституция и детская порнография».

В ст. 2 Факультативного протокола № 2 даны определения понятий «торговля детьми», «детская проституция», «детская порнография». Ст. 3 протокола обязывает государства-участники криминализовать ряд деяний. Все деяния, упомянутые в ст. 3, на сегодняшний день содержатся в Уголовном кодексе Российской Федерации.

К основным причинам невысокой эффективности российского законодательства о противодействии распространению детской порнографии можно отнести следующие:

1. отсутствие длительное время в России специальных правовых норм, посвященных защите несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации;
2. отсутствие специализированных подразделений правоохранительных органов, занимающихся данной проблемой;
3. неэффективное взаимодействие правоохранительных органов с иными органами государственной власти, некоммерческими организациями;
4. отсутствие единой государственной политики в области противодействия распространения детской порнографии, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях;

5. отсутствие механизма эффективного взаимодействия правоохранительных органов и провайдеров;

6. низкая активность населения по вопросам борьбы с детской порнографией (только 2% пользователей сети при обнаружении информации о распространении детской порнографии сообщают в правоохранительные органы; 8 % готовы это сделать, но не знают куда обращаться, остальные либо просто негодуют, возмущаются, либо уже безразлично относятся);

7. низкая антипорнографическая пропаганда, недостаточное освещение проблемы в средствах массовой информации, школах, вузах и других образовательных учреждениях.

Среди мер противодействия распространению детской порнографии можно выделить следующие:

1. совершенствования законодательства;

2. сотрудничество, в том числе и международное;

3. взаимодействия ряда субъектов с правоохранительными органами и формирование принципов взаимодействия государственных органов и некоммерческих российских и международных организаций;

4. воспитание и образование.

Особое внимание, как государства, так и общества должно быть уделено проблеме распространения порнографии в сети Интернет. Свободный доступ к Интернету, простота поиска «нужной» информации привлекает сегодня к Интернет-ресурсам практически всю молодежь в возрасте от 12-13 до 18 лет. При этом по данным американских исследователей 60 % родителей не знают, какие сайты в Интернете посещают их дети этого возраста. В России этот процент значительно выше ввиду большего процента «телекоммуникационно неграмотных» родителей. В этой связи законодательный процесс в области регулирования отношений в сети Интернет одной из основных составляющих должен иметь раздел об информационной безопасности детей, использующих Интернет-ресурсы. В настоящее время на федеральном уровне регулирование охраны прав детей в информационной сфере осуществляется несогласованными между собой правовыми актами и не охватывает всех видов информационной продукции. Этим вызвана необходимость принятия специального, комплексного федерального закона о защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, отсутствие которого не позволяет защитить детей от негативного влияния информации, в том числе от пропаганды суицидального, аморального, криминального поведения, аборт, демонстрации жестокости и насилия, от разру-

шительной для детской психики информации, распространяемой посредством электронных игр и телекоммуникационных сетей (прежде всего сети Интернет). Сегодня по такому пути пошли многие страны мира.

Важно также осуществлять совершенствование законодательства в области уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации. В связи с этим сегодня важно полностью поставить под запрет любые действия с использованием несовершеннолетних в порноиндустрии.

Принимая во внимание вышеизложенное, норму, предусматривающую ответственность за распространение порнографических материалов или предметов, предлагается изложить в следующей редакции¹:

Статья 242. Изготовление или распространение порнографических материалов или предметов

1. Хранение либо изготовление в целях распространения или распространение порнографических материалов или предметов в любой форме и виде, – наказываются ... (тяжкое преступление).

2. То же деяние, совершенное:

а) с изображением заведомо несовершеннолетних и / или малолетних, или с участием несовершеннолетних и / или малолетних;

б) родителем, родственником или лицом, осуществляющим надзор за несовершеннолетним (малолетним), а также опекуном или попечителем;

в) с использованием служебного положения;

г) с использованием телекоммуникационной сети Интернет;

д) группой лиц или группой лиц по предварительному сговору;

е) с извлечением дохода в крупном размере, – наказываются ... (тяжкое преступление).

3. То же деяние совершенное:

а) с вовлечением заведомо несовершеннолетних и / или малолетних;

б) организованной группой;

в) с извлечением дохода особо крупном размере, – наказываются ... (тяжкое преступление).

Примечания

1. Под порнографией в статье настоящего Кодекса понимается противоречащее принципам общественной нравственности вульгарно-

¹ *Польшиков А. В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети «интернет»: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.*

натуралистическое, циничное изображение половых органов, специальное детализированное изображение гениталий, сцен полового акта, сексуальных извращений, оскорбляющих честь и достоинство человека.

2. Под порнографией с изображением несовершеннолетних и / или малолетних, а равно с участием несовершеннолетних и / или малолетних признается любое изображение несовершеннолетнего и / или малолетнего в сексуальных сценах или детализированное изображение полового органа несовершеннолетнего и / или малолетнего.

3. Крупным размером в настоящей статье признается доход в сумме, превышающий один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным – шесть миллионов рублей.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В СТРАНАХ АФРИКИ

О. А. Самарина

*(Университет имени Эдуарду Мондлане) УЕМ,
Мапуту, Мозамбик*

Обеспечение личной безопасности детей имеет чрезвычайно важное значение во всем мире. В силу демографической, социально-экономической ситуации и иных факторов представляется необходимым акцентировать внимание на актуальности обеспечения личной безопасности детей в большинстве стран Африки. Африканский континент является самым «молодым» по возрастному составу населения. В последнее десятилетие численность населения Африки растет наиболее быстро, а во второй половине XXI века, по прогнозам экспертов ООН, Африка будет единственным крупным регионом, в котором сохранится тенденция существенного роста населения. По прогнозу до 2050 г., половина прироста численности населения мира будет сосредоточена в Африке (1,3 из 2,4 млрд. чел.)¹.

В то же время именно детей следует признать наиболее уязвимой частью населения во многих африканских странах, прежде всего, расположенных к югу от Сахары. Помимо общих факторов (физическая и умственная незрелость), причинами особой уязвимости детей, проживающих в данном регионе, являются: абсолютная бедность большинства населе-

© Самарина О. А., 2017

¹ Щербакова Е.М. Население мира по оценкам ООН пересмотра 2015 года/ДемоскопWeekly. 2015. № 663-664.

ния; значительная численность домохозяйств, главами которых являются дети; значительная численность незарегистрированных детей; распространенность насилия в отношении детей, в т.ч. в семьях и в образовательных организациях; сложившаяся практика передачи в трудовую и сексуальную эксплуатацию детей из семей, попавших в долговую кабалу; вовлечение детей в вооруженные конфликты; опасные традиционные практики¹; торговля детьми, а также их органами; широкая распространенность заболеваний, опасных для жизни; нехватка питьевой воды, и др. Некоторые категории детей наиболее подвержены конкретным видам угроз. Так, максимальному риску стать жертвами торговцев органами в силу некоторых местных традиций подвергаются дети-альбиносы. Нарушения экологического баланса влекут за собой возникновение дополнительных угроз для жизни и здоровья детей из числа коренных народов, проживающих в удаленных районах.

Обеспечение личной безопасности детей немыслимо без надлежащей правовой защиты. Правовую основу на международном и региональном уровне составляют Конвенция о правах ребенка и Африканская Хартия прав и благополучия ребенка, к которым присоединилось большинство африканских стран, а также иные международно-правовые акты, касающиеся положения детей: относительно вооруженных конфликтов, пыток, торговли детьми и др. Принимаются программные документы («Африка, пригодная для жизни детей», 2007, и др.) Многие страны приняли новые конституции, включающие положения о правах детей, и соответствующие законы².

В целом отмечается прогресс в обеспечении личной безопасности детей: в ряде стран Африки идет процесс формирования соответствующей правовой базы; осуществляется политика, направленная на преодоление бедности, обеспечение продовольственной безопасности, повышение правовой грамотности, предотвращение насилия в отношении детей, укрепление потенциала семей и общин в уходе за детьми; расширяется доступ к средствам правовой защиты; увеличивается охват медицинской помощью; принимаются меры к защите прав детей в системе уголовного правосудия; создаются механизмы контроля на различных уровнях. Принимаемые меры привели к снижению показателя детской смертности; увеличению количества зарегистрированных рождений; увеличению численности детей, имеющих доступ к питьевой воде и иным благам. Растет число детей, охваченных программами социальной помощи, помещения под опеку,

¹ UNICEF: Uma rede de segurança para órfãos.

² Малави: Trafficking in Persons Act, 2015; Employment (Prohibition of Hazardous Work for Children) Order 2012; ChildCare, Protection and Justice Act, 2010; Мозамбик: Leisobre prevenção e combate ao tráfico de pessoas, em particular mulheres e crianças 6/2008; Leide Promoção e Protecção dos Direitos da Criança 7/2008; Намибия: Children's Status Act, 2006, и др.

профилактики и борьбы с заболеваниями. Учащаются случаи привлечения к ответственности лиц, причастных к насилию над детьми; выделяются места для безопасного пребывания детей-альбиносов.

Однако принимаемые меры по обеспечению личной безопасности детей в целом пока что явно недостаточны. Затянут процесс внесения норм об обеспечении личной безопасности детей в национальное право многих африканских государств. Низок уровень развития систем сбора данных и контроля по вопросам, касающимся безопасности детей, что существенно затрудняет оценку деятельности государств и международных организаций в этом направлении. Реализация положений законодательства сопряжена со многими трудностями, в т. ч. связанными с нехваткой ресурсов. Нельзя не принимать во внимание, что, помимо создания правовой базы, для решения имеющихся проблем необходимо привлечение значительных финансовых, технических, гуманитарных ресурсов, потребность в которых постоянно увеличивается под воздействием различных факторов. Проблемы в этой сфере представляют опасность не только для будущего отдельных стран, но для будущего всего мира, и требуют безотлагательного решения.

**BUSINESS LAW AND SECURITY OF INDIVIDUAL
AND ENTITIES**
**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО И БЕЗОПАСНОСТЬ
ЛИЧНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИЙ**
**PREVENTION OF INFORMATION SECURITY THREATS
IN ECONOMIC SPHERE IN RUSSIA**

Zh. Mingaleva, I. Mirskikh¹
Perm State University

The paper analyzes the information security as one of the important elements of economic security. Threats of unfair use of information are defined. Different kinds of threats such as internal or external, active and passive, intentional and unintentional are examined. Special attention is paid to economic and industrial espionage which are aimed to collect and transmit commercial information for providing competitive advantage.

It is revealed that economic security is closely connected with intellectual property protection and innovation activity within employment relations and contract relations.

Economic subjects create systems of limited access to commercial information and intellectual property in order to provide effective protection of innovations and prevent unfair use of confidential information. Protection of innovations and commercial information can be defined as a system of legal, economic, organizational and technical measures providing information security of innovations. Information policy provides rational use of confidential information and economic security.

The paper presents complex interdisciplinary analysis of legal, economic, political aspects of economic security development. The paper contains comparative analysis of legislation norms and different cases on information protection and creating innovation security systems. The authors of this paper have raised essential issues through the panel survey, questionnaires which were spread among the participants of innovation activities.

Key-words: information security, unfair use of information, innovation security, economic and industrial espionage, intellectual property

© Mingaleva Zh., Mirskikh I., 2017

¹ This paper is based on the results of the research made by Irina Mirskikh (as a team leader) of research project of Ministry of Education and Science of Russian Federation (Research №2014/153).

THE ROLE OF INFORMATION SECURITY SYSTEMS IN PROTECTION OF INDUSTRIAL INNOVATIONS

Zh. Mingaleva, I. Mirskikh
Perm State University

The paper analyzes the problems of realization and protection of industrial innovation by means of information security system.

Successful realization of innovation projects and implementation of innovations requires creating an effective mechanism of intellectual property protection and protection of information. The main obstacle for innovation activity development is inadequate system of information security. Information system plays an important role as it provides current information about realization of innovation projects. At the same time information system is a weak element of innovation security system.

Unfair access to commercial confidential information can cause damage and loss of important data and lead to innovation program failure. It is important to reveal the weak points of the key stages of innovation process.

The primary method of research is the panel survey of entrepreneurs and innovators. By means of panel survey different forms of information security system were revealed.

Security of any information object depends on providing confidentiality, authenticity and accessibility of information. It is important to work out a special complex of measures preventing unfair access to confidential information. The research is based on the principles of interdisciplinary analysis, that can be explained by the complex character of examining problems.

PECULIAR PROPERTIES OF CYBERCRIME IN LENDING IN RUSSIA

Zh. Mingaleva*

Perm State University

Credit sector is one of the wide application areas of cybercrime. In Russia, the number of cyber crimes in the sphere of lending is growing rapidly. The process is accompanied with the violation of the both creditors' and debtors' interests. In the process of research it was established that in Russia there are currently a number of opportunities for cyber crime in lending, which bring significant material and moral damage to society, harm the legal system of the country. We define a new category of cyber crime in lending.

The analysis of the cybercrime scale in the credit sphere is presented in the paper. The development trends of cybercrime in the field of lending, their direction and the degree of severity are indentified. The analysis of the legal liability for cyber crimes in the sphere of lending is carried out. Collisions in the Russian legislation on the protection of the interests of creditors and debtors in the case of providing and obtaining loans via mobile devices and Internet are identified. The practice of verification the information and personal data and protection of major Russian banks' interests as creditors by granting loans to different categories of borrowers is analyzed.

The possibilities of obtaining credits via mobile devices and the Internet are analyzed. The degree of protection of creditor interests when using the Internet lending is described. Channels of confidential information and personal data leakage, as well as the possibilities of illegal (criminal) of getting the loan with their use are identified.

Measures for the elimination of opportunities to commit cybercrimes in lending, improving their disclosure, increasing of responsibility for committing them are developed on the results of the study. The proposed activities will reduce the number of cybercrimes in Russia in the field of lending.

© Mingaleva Zn., 2017

* 1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-03-00741 «Система правовых механизмов стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве»

PROVIDING SECURITY OF CASES IN ARBITRATION COURTS

E. Frolovich

Perm State University

The security concept is broad and multifaceted. In our study, we touch on the aspect of trials in arbitration courts of the Russian Federation. In accordance with article 11 of the Arbitration Procedural Code of the RF, the cases in arbitration courts can be open or closed court hearings.

This norm suggests the possibility of providing protection for a state, official, commercial or other secrets protected by law in court trials. In a closed court trial either a whole case or some part of it can be considered.

The question of holding a meeting behind closed doors is decided by the court's determination. It is not possible to appeal such determination because it does not distrust the litigation process and does not derogate the rights of the parties. In the Arbitration Court of the Perm Krai there is a special meeting room for such cases. Video conferencing is not applied during the trial in a closed court session.

Special equipment in the room does not allow to access to mobile devices and computers. Audioproduction (Part 1 of article 155 of the APC of the RF) is also not carried out. If necessary, in addition to the parties and their representatives such cases can involve experts, specialists, witnesses and interpreters. They all undergo a certain procedure of access to a state, commercial or other secret protected by law. Representatives of the media are not allowed in the arbitration process in the proceedings in a closed court session. Student groups who attend court hearings in the framework of the discipline "Arbitration process" are also denied access to such sessions. The materials of such cases are not published on the website of the arbitration court and they are not included in the arbitration proceedings data.

ПРАВА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Р. В. Чикулаев

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

По нашему мнению, права предпринимателей можно рассматривать в качестве категории закона (легальный аспект), системы права (теоретический аспект) и научной юриспруденции (доктринальный аспект). В этом качестве, как категория, права предпринимателей пока не нашли достаточного закрепления ни в законе, ни в праве, ни в науке, и это видится одной из актуальных задач развития юриспруденции.

Рассматривая проблему прав субъектов предпринимательской деятельности на опыте Российской Федерации, можно выявить общие закономерности, характерные для развития экономической и правовой систем государств, находящихся в стадии активного развития после относительно небольших (в рамках мировой истории) промежутков времени с момента их перехода к экономической модели регулируемого рынка. Помимо Российской Федерации к числу таких стран относятся некоторые государства СНГ, Восточной Европы, а также страны БРИКС (BRICS). Теория факторного влияния прав субъектов предпринимательства на общий уровень экономической безопасности представляется перспективным направлением как юридической, так и экономической науки, а также одним из смысловых ориентиров при формировании программ экономического развития и концепций модернизации законодательства, включая модельные законы и конкретные проекты правовых актов.

В российских условиях начала 90-х гг. права предпринимателей впервые как дефиниция стали использоваться в теоретическом и практическом значениях, вошли в тексты некоторых законов. В тот период времени права предпринимателей обоснованно считались одним из главных факторов развития экономики, что требовало их закрепления в законе и развития в праве. Флагманами развития в период первоначального накопления капитала стали сферы не столько реальных, сколько финансовых

инвестиций, что обусловило наиболее активное развитие финансово-экономических институций (участников рынка ценных бумаг, кредитных организаций, других финансовых посредников) с некоторым ущербом для субъектов производства товаров и услуг. Это, тем не менее, имело свои положительные стороны, в том числе появление целого комплекса нормативно-правовых актов и формирование принципиально новой системы нормативного и административного регулирования экономических отношений, апробацию которых было значительно проще осуществить именно в сфере оборота нематериальных, иными словами, «виртуальных» или «интеллектуальных» финансовых продуктов, нежели чем пожинать плоды проб и ошибок регулирования базовых отраслей промышленности, транспорта, связи и т.п.

Однако позднее, со второй половины 90-х гг., наблюдается постепенная отмена законов «первого этапа» развития рыночной экономики, к примеру, Закона РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности». Им на смену пришли кодексы – гражданский, налоговый, а также другие законы, которые системно регулировали комплекс экономических и финансовых отношений в России, но не были направлены на регулирование частного предпринимательства как такового. Со временем эта тенденция проявилась в увеличении количества норм, направленных на защиту интересов государства, отдельных слоев общества, потребителей, возможно, с некоторым ущербом для защиты интересов субъектов предпринимательства.

С позиций действующего законодательства Российской Федерации, безусловно, гарантиями предпринимательской деятельности выступают отдельные нормы Гражданского кодекса РФ, Налогового кодекса РФ. В частности, Гражданский кодекс РФ устанавливает принцип свободы не только предпринимательской, но и любой другой не запрещенной законом деятельности. Налоговый кодекс РФ установил ставки основных налогов, которые значительно ниже, чем в основных странах мира. Важнейшим актом явился принятый в 2008 г. правовой акт специального регулирования: Федеральный Закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», впоследствии измененный и дополненный.

Но в это же время, под определенным углом зрения можно констатировать, что права предпринимателей стали утрачивать свое значение как ориентир в законодательной и правоприменительной деятельности. Если в

части налогов основные ставки сохраняются на довольно низком уровне, то некоторые отдельные налоги, к примеру, государственная пошлина, были увеличены. Стали появляться «квазиналоги», то есть обязательные сборы и платежи, прямо не указанные в налоговом законодательстве, которых невозможно избежать (к примеру, сборы за проезд по дорогам, парковки).

В начале 21 века все более отчетливо стала проявляться проблема рейдерства, то есть незаконного завладения чужим эффективным бизнесом с использованием внешне легальных (но иногда и нелегальных) инструментов. Сама по себе проблема недружественных поглощений является общемировой, широко известна в том числе в европейских и американском правовом порядке, для борьбы с ней законодатели многих стран вырабатывают защитные методы и этот процесс продолжается. В российских условиях эта проблема приобрела особые черты, в том числе по причинам несовершенства еще формирующегося правового механизма рыночной экономики, опережающих темпов развития финансовых рынков, раздела основных секторов рынка на сферы влияния отдельных бизнес-групп.

По вопросам рейдерских захватов было опубликовано огромное число материалов в СМИ и сети Интернет. Интересно, что в Москве и некоторых городах России были даже созданы специальные государственные органы по защите бизнесменов, пострадавших от рейдеров. Появлялись и научные исследования этой проблемы, однако их число относительно невелико. В частности, было защищено несколько кандидатских диссертаций по социологии, экономике и юриспруденции (в основном по уголовному праву), но крупных системных исследований экономико-правового феномена рейдерства пока не появилось.

В сравнении с периодом десяти и более лет назад значительно возросли штрафы за административные нарушения в сфере экономики. При этом постоянно растет и количество видов, составов таких нарушений. При обычном ведении предпринимательской деятельности субъект несет повышенные риски нарушить закон и уплатить весьма значительный штраф даже без умысла совершить правонарушение, так как анализировать и соблюдать дословно огромное число постоянно меняющихся правовых актов для мелкого предпринимателя крайне сложно.

В юридико-правовом аспекте, прежде всего с позиций судебной практики и правоприменительной деятельности административных органов,

стали наблюдаться такие тенденции как приоритетность защиты интересов государственных, муниципальных, налоговых, контрольных органов, а также крупнейших федеральных нефтяных, энергетических и финансовых компаний, банков по отношению к законным правам и интересам малого и среднего бизнеса.

В таких условиях юридические права предпринимателей, под которыми мы понимаем не противоречащие закону экономические интересы юридических лиц – субъектов малого и среднего бизнеса, а также граждан, имеющих статус индивидуального предпринимателя, отходят на второй план, постепенно уступая место юридическим обязанностям (строго в срок платить налоги и иные платежи, уплачивать коммунальные расходы, возмещать убытки, штрафы и пени и др.). Следует отметить, что юридические обязанности сами по себе обеспечены силой государственного принуждения и не требуют специальных защитных мер по отношению к конкретному частному субъекту или группе субъектов (предпринимателей). Что же касается категории прав, то она как раз требует наличия таких особых мер, в ином случае категория перестает действовать, а права приобретают декларативный характер.

С учетом сказанного, есть основания утверждать, что экономическое развитие, а следовательно, и экономическая безопасность государства, находятся в прямой зависимости от объема юридических прав субъектов предпринимательства, их легального закрепления, а также степени их практической правовой защиты. Если идея корреспондирующего соотношения прав предпринимателей и уровня экономической безопасности найдет свое развитие в доктринально-теоретическом аспекте, то за этим должны неизбежно последовать позитивно-правовые последствия в виде принятия концептуальных законопроектов и их последующей реализации в конкретных нормативных актах, прежде всего гражданского, предпринимательского, налогового и административного права и законодательства.

ДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ БАНКОВСКОЙ ТАЙНЫ¹

В. Г. Голубцов, Н. В. Сыропятова, А. В. Сятчихин

*Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

Существующие в России меры гражданско-правовой ответственности за разглашение банковской тайны лишь в малой степени способствуют предотвращению неисполнения обязательств и восстановлению положения кредитных организаций. Так, Гражданский кодекс РФ предоставляет кредитору право на возмещение убытков. Однако доказать размер реального ущерба и упущенной выгоды, как и причинно-следственную связь между разглашением тайны и убытками на деле оказывается практически невозможным. Авторы выносят на обсуждение вопрос о возможности внедрения в отечественное гражданское право юридической конструкции заранее оцененных убытков (*liquidated damages*), с помощью которой, по их мнению, можно минимизировать риск разглашения сведений, составляющих банковскую тайну. Подтверждается это и успешным опытом применения конструкции за рубежом. Статья содержит оценку возможности применения заранее оцененных убытков для обеспечения безопасности деятельности банковских организаций в современных российских условиях.

Ключевые слова: договорная ответственность, заранее оцененные убытки, стимулирование к надлежащему исполнению обязательств, банковская тайна

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Конституции РФ каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени². Конкретизируя эти положения, ст. 26 ФЗ «О банках и банковской деятельности» устанавливает обязанность банка хранить тайну об операциях, счетах и вкладах их клиентов, если это не

© Голубцов В. Г., Сыропятова Н. В., Сятчихин А. В., 2017

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ – грант № 16-03-00741 «Система правовых механизмов стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве».

² Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (ред. от 30.12.2008 г.) // Рос. газета, 1993. № 237.

противоречит федеральному закону¹. Кроме этого, в п. 7 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» законодатель устанавливает режим конфиденциальности информации в отношении сведений, составляющих банковскую тайну². При этом под конфиденциальностью понимается обязанность лица, получившего доступ к информации, не передавать такие сведения третьим лицам без согласия их обладателя. Соблюдение последней обеспечивается различными публично-правовыми и частноправовыми механизмами – как правило, посредством применения мер юридической ответственности за нарушение банковской тайны.

Так, запретительные меры публично-правового характера установлены целым рядом законодательных актов. Среди них Гражданский кодекс РФ³, ФЗ «О банках и банковской деятельности»⁴, ФЗ «О таможенном регулировании в РФ»⁵, Таможенный кодекс Таможенного союза⁶, ФЗ «О кредитных историях»⁷ и ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»⁸. Однако перечисленные нормативно-правовые акты не предоставляют сторонам гибкого правового механизма обеспечения сохранности банковской тайны, а содержат, как правило, отсылочные нормы о применении гражданско-правовой, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности за нарушение режима конфиденциальности информации.

¹ Федер. закон «О банках и банковской деятельности» № 395-1 от 02.12.1990 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Федер. закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Ст. 857 Гражданского кодекса РФ (Гражданский кодекс РФ (часть вторая) № 14-ФЗ от 26.01.1996 г. (ред. от 23.05.2016) // СПС «КонсультантПлюс»).

⁴ Ст. 26 Федер. закона «О банках и банковской деятельности» (ФЗ «О банках и банковской деятельности» № 395-1 от 02.12.1990 г. // СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ Ст. 33, 102, 167 Федер. закона «О таможенном регулировании в РФ» (Федер. закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» № 311-ФЗ от 27.11.2010 г. (ред. от 23.06.2016) // СПС «КонсультантПлюс»).

⁶ Ст. 8, 16, 21, 47, 134 и др. Таможенного кодекса Таможенного союза (Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 г. № 17) (ред. от 08.05.2015) // СПС «КонсультантПлюс»).

⁷ Ст. 17 Федер. закона «О кредитных историях» (Федер. закон «О кредитных историях» № 218-ФЗ от 30.12.2004 г. (ред. от 23.06.2016) // СПС «КонсультантПлюс»).

⁸ Ст. 23 Федер. закона «О валютном регулировании и валютном контроле» (Федер. закон «О валютном регулировании и валютном контроле» № 173-ФЗ от 10.12.2003 г. (ред. от 03.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс»).

При этом эффективность публично-правовых мер гражданско-правовой ответственности (прежде всего возмещения убытков), как нам представляется, крайне низка, что связано с общим подходом к применению указанной санкции. Так, для привлечения лица к ответственности необходимо, во-первых, доказать факт разглашения банковской тайны; во-вторых, наличие убытков и их размер; в-третьих, причинно-следственную связь между действиями лица и убытками; и, в-четвертых, вину причинителя вреда.

Если доказывание первого и последнего элемента состава гражданского правонарушения, как правило, не составляет принципиальной сложности, то подтверждение убытков и причинно-следственной связи зачастую вызывает затруднения, нередко фактически лишаящие потерпевшую сторону защиты¹.

В связи с этим в литературе отмечается возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности по данной категории дел при доказывании усеченного состава гражданского правонарушения – посредством взыскания неустойки, как меры ответственности, не требующей доказывания наличия убытков и причинно-следственной связи². В то же время указанная санкция не поименована в вышеназванных законодательных актах, в связи с чем видится необходимым каждый раз на стадии переговоров добиваться включения в договор соответствующих условий частного правового (инициативного) характера. Неустойка при этом будет иметь форму штрафа, поскольку ее размер будет лишен какой-либо связи с убытками.

Стоит отметить, что расширение возможностей применения мер договорной ответственности (частноправового начала) является показателем развития гражданского законодательства, основывающимся, в частности, на признании равенства сторон регулируемых отношений, автономности их воли, примата свободы договора, свободы в установлении своих прав и обязанностей в договоре, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, а также обеспечения восстановления нарушенных прав.

¹ См., напр.: *Селивановский И.* Банковская тайна: состояние и проблемы // *Бухгалтерия и банки*, 2006. № 9. С. 28-29; *Сапожников Н.* Правовой режим банковской тайны // *Законность*, 2001. № 7. С. 12.

² См.: *Гражданское право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп.* / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.П., 2000. Т. 2. С. 457; *Сапожников Н.* Указ.соч.

Так, договорная ответственность, в отсутствии злоупотребления своим положением одной из сторон, позволяет настроить гибкий правовой механизм восстановления положения кредитора, расширяя тем самым гарантии надлежащего исполнения обязательств.

Однако в то же время, эффективное применение мер договорной ответственности невозможно без соблюдения ряда условий. Во-первых, выработанные сторонами меры договорной ответственности не должны противоречить императивным нормам гражданского законодательства. Во-вторых, подобного рода ответственность направлена на обеспечение интересов профессиональных участников гражданского оборота, как правило, обладающих достаточными переговорными возможностями. В-третьих, важным условием договорной ответственности является равенство контрагентов (не столько признание юридического равенства сторон, сколько их экономическая независимость), препятствующее злоупотреблению положением при согласовании мер договорной ответственности. В-четвертых, эффективность договорных механизмов ответственности находится в зависимости от уровня договорной дисциплины и активности сторон при ведении переговоров. В-пятых, в отсутствие подробного законодательного регламентирования эффективность той или иной меры договорной ответственности становится в прямую зависимость и от «качества» юридической техники составления договора, детального регулирования процедуры применения договорных санкций. Таким образом, можно заключить, что развитие договорных форм ответственности является показателем развитого гражданского оборота, высокого уровня профессионализма его участников.

Возвращаясь к конкретным правовым механизмам договорной ответственности, стоит отметить, что в отечественной практике наибольшей «популярностью» пользуется неустойка. Однако, указанная штрафная мера не в полной мере согласуется с общим принципом гражданского права – компенсаторным характером мер гражданско-правовой ответственности, имеющих своей целью не наказание, а восстановление имущественного положения потерпевшей стороны.

В связи с этим видится целесообразным применения широко известных, прежде всего, англосаксонскому праву, норм о т.н. «заранее оцененных убытках». Заранее оцененные убытки представляют собой меру договорной ответственности, применение которой преследует цель восстановления положения кредитора до такого состояния, в котором бы он находился, если обязательство было исполнено надлежащим образом (т.н.

концепция «позитивного договорного интереса», с недавнего времени нашедшая отражение в Гражданском кодексе РФ¹). Рассматриваемый вид убытков, наряду с т.н. «альтернативными убытками» является одним из способов (методик) исчисления подлежащих взысканию убытков, имеющих частнопроводную природу – их размер устанавливается непосредственно сторонами соглашения путем проведения разумной оценки предвидимых убытков от нарушения конкретных условий договора.

Рассматриваемая договорная конструкция применима, как правило, к тем случаям, когда затруднительно или же вовсе невозможно определить размер ущерба даже после нарушения договора. Так, в контексте разглашения коммерческой тайны К. Горбатов справедливо отмечает, что «проблема заключается в необходимости доказывания не только факта разглашения коммерческой тайны, но и того, что такое разглашение повлекло за собой вполне конкретную сумму убытков. На практике посчитать размер ущерба до рубля в такой ситуации является практически невозможным»². Применительно к банковской тайне определение убытков представляет еще большую трудность – лицо, добросовестно исполнявшее свои обязанности, в итоге ставится в положение, сравнительно худшее, чем у правонарушителя. Во-первых, на кредитора возлагается бремя доказывания наличия и размера убытков, во-вторых, от доказанности этих фактов зависит восстановление его положения. В результате экономическая «эффективность нарушения» (а не соблюдения) банковской тайны способствует росту правонарушений в указанной сфере.

Отсутствие действенных способов защиты кредитора приводит к состоянию правовой незащищенности отдельных категорий участников гражданского оборота. Применение же договорного инструментария, как нам представляется, является одним из путей решения указанной проблемы. Возвращаясь к договорной конструкции заранее оцененных убытков, следует заметить, что для взыскания последних необходимо доказать максимально усеченный состав правонарушения: факт разглашения сведений, составляющих банковскую тайну, и, если возникает спор относительно согласованной суммы возмещения – разумность проведенной при заключении соглашения оценки предвидимых убытков.

¹ См.: Федер. закон «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ» от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Горбатов К. Как дорого обойдется разглашение банковской тайны // Тасс, 2015. URL: <http://tass.ru/opinions/1666851> (Дата обращения: 12.09.2016).

Следует отдельно обратить внимание на то, что основанием взыскания заранее оцененных убытков является нарушение конкретного условия договора путем разглашения сведений, составляющих банковскую тайну. Поскольку закон не конкретизирует способы разглашения такого рода сведений, постольку в договоре в целях пресечения возможных споров следует подробно регламентировать основания взыскания заранее оцененных убытков. Так, под разглашением сведений принято считать не санкционированную владельцем информации передачу сведений любым способом постороннему лицу (распоряжение сведениями вопреки воли их владельца). Среди способов разглашения, помимо устного и письменного, для упрощения сбора доказательств разглашения указанных сведений следует дополнительно указывать использование средств массовой информации, а также социальных сетей работниками банковских организаций. Кроме того, следует оговаривать случаи разглашения посредством бездействия уполномоченных лиц (нарушение режима конфиденциальности сведений). При этом бездействие в указанных случаях не должно сводиться к простой пассивности обязанного лица, а выражаться в неисполнении предписанных законом или договором действий, направленных на сохранение банковской тайны.

Дополнительно целесообразно указывать информацию о том, какие случаи не являются разглашением банковской тайны в силу закона, и, как следствие, не являются основанием для взыскания заранее оцененных убытков. Это касается, например, случая уступки требований, вытекающих из кредитного договора (переход на цессионария обязанности хранить ставшую известной информацию, составляющую банковскую тайну), передача банком информации об операциях, о счетах и вкладах юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Росфинмониторинг в целях противодействия легализации или отмыванию преступных доходов, финансированию терроризма, координации с другими органами исполнительной власти и др.

Подчеркнем, что согласованная сумма возмещения должна составлять разумную оценку предвидимых убытков, преследовать цель восстановления имущественного положения сторон. В таком случае заранее оцененные убытки предстанут в качестве одного из видов убытков (способов их исчисления), не противоречащих гражданскому законодательству в частности и публичному правопорядку РФ в целом. Разработка же договорных механизмов, как нам представляется, позволит выстроить механизм эффективного правового регулирования хозяйственных отношений, повы-

силь договорную дисциплину, что в итоге благоприятным образом скажется на развитии гражданского оборота и экономики России.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ВКЛАДЧИКОВ, ЗАКЛЮЧИВШИХ ДОГОВОР БАНКОВСКОГО ВКЛАДА НА НЕТИПОВЫХ УСЛОВИЯХ

А. Б. Афанасьев

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

В ряду банковских операций привлечение банковских вкладов физических лиц занимает одно из центральных мест, поскольку денежные средства граждан являются одним из основных источников формирования кредитных ресурсов банков.

По своей природе договор банковского вклада, заключенный с физическим лицом, является публичным договором, относится к договорам присоединения. Таким образом, вкладчик может только присоединиться к объявленным банком условиям приема вкладов, его воля выражается лишь в согласии с предложенными банком условиями. Такие договоры банковского вклада следует признать типовыми, поскольку все вкладчики, разместившие вклады, находятся в одинаковых условиях.

На практике банки нередко предлагают вкладчикам индивидуальные условия договора банковского вклада, которые предусматривают повышенные процентные ставки, условия о возможности пополнять сумму вклада в течение срока действия договора, капитализировать проценты по вкладу и так далее. Данные условия могут существенно отличаться от условий типовых банковских вкладов. Как правило, такие вкладчики вносят вклады в гораздо большем размере, чем вкладчики по типовым вкладам.

Вкладчики по нетиповым договорам находятся в более уязвимом положении, поскольку, как показывает практика, в случае отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций Агентство по

страхованию вкладов автоматически признает таких вкладчиков недобросовестными и отказывает во включении в реестр требований вкладчиков и кредиторов (в случае признания банка банкротом). Во многом положение таких вкладчиков усложняется и тем обстоятельством, что нетиповые договоры банковского вклада также могут содержать условие о том, что данный договор является документом, удостоверяющим прием вклада. Вкладчик, не обладающий достаточными правовыми знаниями, может полагать, что этой записи достаточно для подтверждения внесения вклада. Имеющаяся судебная практика такой подход не поддерживает, поскольку суды считают необходимым наличие приходных документов, подтверждающих факт внесения денежных средств в банк (приходный кассовый ордер, банковская выписка).

В соответствии с пунктом 1 статьи 836 ГК РФ договор банковского вклада должен быть заключен в письменной форме, а подтверждением соблюдения письменной формы являются названные в данной норме документы, перечень которых не является исчерпывающим. Поскольку договор банковского вклада является реальным, для возникновения правоотношения необходимо не только соблюсти письменную форму договора, но и совершить фактические действия по передаче денежных средств банку. Полагаем, что включение в текст договора банковского вклада указания на то, что документом, подтверждающим внесение вклада, является сам договор, будет являться доказательством внесения вкладчиком в банк суммы вклада. Дополнительными доказательствами внесения вклада и наличия правоотношения могут являться свидетельские показания, установление факта начисления и выплаты вкладчику процентов, принятия банком дополнительных сумм во вклад и другие доказательства. Отсутствие в банке бухгалтерских проводок, отражающих внесение вклада, равно как и отсутствие в реестре требований вкладчиков указания о нетиповом вкладе не могут рассматриваться как основание для отказа в удовлетворении требований вкладчика, пока не доказано, что вкладчик сам действовал недобросовестно и неразумно при заключении договора банковского вклада.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF DEPOSITORS CONCLUDED BANK DEPOSIT AGREEMENT ON THE NON-STANDARD CONDITIONS

A. Afanasiev
Perm State University,
Perm

The number of banking operations to attract bank deposits of individuals is one of the central places because the money people are one of the main sources of credit resources of banks.

By nature, bank deposit agreement entered into with an individual is a public contract and refers to the accession treaties. Thus, the investor can only accede to the announcement of the bank deposit receipt conditions. It will be expressed only in an agreement with the proposed bank conditions. Such contracts of bank deposit should be recognized as typical, since all investors who have placed deposits are in the same conditions.

In practice, banks often offer investors the individual conditions of the contract of bank deposit, which provide higher interest rates, the conditions of the possibility to replenish the deposit amount during the term of the contract, capitalized interest on the deposit, and so on. These conditions may differ significantly from the standard conditions of bank deposits. Typically, these investors make their contributions in a much larger size than the depositors on standard deposits.

Investors on atypical contracts are more vulnerable because, as practice shows, in the case of revocation of the license to conduct banking operations Deposit Insurance Agency will automatically recognize such depositors unfair and fail to include the claims of depositors and creditors in the register. (in the case of bank acceptance bankrupt). In many respects, the position of depositors and complicated by the fact that atypical bank deposit contract may also include the condition that the contract is a document certifying the reception of the deposit. The investor, who does not have enough legal knowledge, can believe that this record is sufficient to validate the contribution. The existing jurisprudence does not support this approach, because the courts consider it necessary

to the existence of receipts of documents confirming the fact of gaining profit in the bank (cash order, bank statement).

In accordance with paragraph 1 of Article 836 of the Civil Code of bank deposit contract shall be in writing, and evidence of compliance with the written form are named in the documents the norm, which is not an exhaustive list. Since the contract of bank deposit is real, for the emergence of relationship is necessary not only to comply with the written form of the contract, but also to make the actual action on the transfer of funds to the bank. We believe that the inclusion of bank deposit agreement specifying the text of that document confirming their contributions is a treaty itself. It will be a proof of the investor making the bank deposit amount. Further evidence of contributing and the availability of legal relations may be evidence, the finding of accrual and payment of interest to the depositor, the bank taking additional amounts of contributions and other evidence. The lack of accounting transactions the bank, reflecting contribute, as well as the absence of the register of requirements of depositors indication of non-standard contributions can not be considered as grounds for denial of the depositor claims until proven that the depositor in good faith acted himself and unreasonable at the conclusion of contract of bank deposit.

MODELING OF EFFICIENT DELIBERATE BANKRUPTCY DIAGNOSTICS SYSTEM AS AN ELEMENT OF NATIONAL SECURITY

M. Rudenko, M. Rudnev
Perm State University

The relevance of this research is in annually increasing number of illegal bankruptcies and ever-growing amounts of damage in case of it. Creating a unified system of effective diagnosis of deliberate bankruptcy will help minimize the damage from such offenses, reduce risks for companies whose counterparties are engaged in similar activities, and increase the level of economic security of the country.

In constructing this model we developed the following assumptions. Current methodologies enshrined at the legislative level, are characterized by a lack

of in-depth financial analysis, which cannot be used for full diagnostics of the financial condition of the enterprise and identifying signs of deliberate bankruptcy. Based on some present methods the new model will consist of 3 stages.

Stage 1: Conducting financial analysis of the company that allows us to reveal the dynamics of economic status and is able to show the time of implementation of deliberate bankruptcy of an enterprise. The analysis includes the calculation of indicators of liquidity, solvency, profitability and financial stability.

Stage 2: Application of the methods of identifying transactions of an enterprise, which could be the reason for deliberate bankruptcy. It is based on the analysis of the balance sheet data, those components of the financial ratios, which showed the worst performance values and the method of isolated influences of factors.

Stage 3: Selection of the whole array of deals that negatively affected the economic condition of the enterprise, those transactions which really brought the enterprise to deliberate bankruptcy. The transaction must fall under the statutory definition of transactions aimed at premeditated bankruptcy of the enterprise. As well as using the proposed methodology, it is necessary to prove the actual impact of the transaction on the overall economic state of a company's solvency and, considering the dynamics of the calculated financial ratios to prove that this transaction or set of transactions weretargeted and were the emergence of insolvency at the enterprise.

MODEL OF THE REGION ECONOMIC SECURITY MANAGEMENT

M. Rudenko, Y. Dolganova
Perm State University

The current economy represents a fundamental activity of the society, state, personality, therefore, economic security is the most important component of national security of Russia. Taking into account the fact that socio – economic security and sustainable development of the Russian Federation are the basis of national security, it is important to note that the peculiarities of regional de-

velopment of the Russian Federation subjects determine the overall state of economic security of the government.

Today, more and more attention is paid to the search of new competencies that can offer methodological tools for ensuring and determining the economic security of the state. Today the concept of "economic security" can be defined from different perspectives, because the content of it is comprehensive, and it includes information security, financial, environmental, and food and other types of securities. Therefore, we can identify the following levels of economic security of the Russian Federation: the economic security of the state, economic security of subjects of the Russian Federation and the economic security of business entities.

The study and evaluation of economic and social processes in the country largely determine the overall level of economic security. In turn, the assessment of socio-economic indicators reviews to determine the level of sustainable development of regions as a whole, and to identify the net influence of economic safety of regions on the General state of economic security of the country as a whole.

However, it is worth noting that many of the issues related to the impact of socio – economic development for the state economic security in the region currently remain insufficiently explored, so far not developed a uniform system of assessment of socio – economic indicators. In addition to the problem of economic security, it was not considered in earlier studies from the social – economic development. For the most part, special attention was paid to individual industries (e.g., agriculture sector) or on to analysis of sectors or industries in which the economic crimes were committed.

To determine the regional economic security from the position of socio-economic development it is necessary to conduct a quantitative and qualitative assessment of the selected indicators. However, it should be noted that not all indicators of economic security are measurable, so we need to use different methods to determine the level of economic security of regions. Among these methods a special place is the carrying out of rating, which is based on both the quantitative and qualitative component. In the article using the information and analytical resource PrognozDataPortal the study of the dynamics of indicators up to 2019 by the projections according to three scenarios: optimistic, realistic, pessimistic.

The article attempts to establish the relationship between officially registered economic crimes and individual indicators of socio – economic development of regions, carried out via the correlation analysis, which resulted in the

construction of multivariate factor models, reflecting the impact of the achieved level of socio-economic development of regions and the number of committed economic crimes

Based on the results of the study using three methods (rating, correlation analysis and forecasting, as generalizing) we developed on a model of management of the regional economic security.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Воронина, М. Н. Руденко

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

В настоящее время идеи устойчивого развития все чаще находят отражение в национальных и региональных политиках наиболее развитых стран, а экологическая безопасность становится неотъемлемой частью национальной безопасности, определяя качество и потенциал природных ресурсов, человеческого капитала, эффективность экономической деятельности.

Тем не менее, Россия занимает одно из последних мест по степени эффективности экологической политики. Особенно остро проблема обеспечения экологической безопасности стоит в старопромышленных индустриально развитых регионах страны. К таким районам можно отнести и Пермский край.

В статье рассмотрены различные подходы к оценке экологической безопасности, предложена и апробирована на примере проблемы загрязнения атмосферного воздуха в Пермском крае комплексная система показателей оценки уровня экологической безопасности, определены приоритетные проблемы и основные факторы экологической безопасности в сфере загрязнения атмосферного воздуха в Пермском крае:

- деятельность трубопроводного транспорта;
- рост добычи топливно-энергетических полезных ископаемых.

- высокая концентрация на территории населенных пунктов промышленных предприятий;
- рост выбросов загрязняющих веществ в атмосферу от передвижных источников.

Кроме того, с помощью методов эконометрического моделирования рассчитаны прогнозные значения индикаторов экологической безопасности, на основании проведенного исследования определены приоритетные направления федеральной и региональной политики повышения экологической безопасности Пермского края.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Н. Л. Бондаренко, О. А. Кузнецова

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

Цифровые технологии сегодня охватывают все сферы жизни личности и жизнедеятельности общества. При этом ни для кого не секрет, что они используются как во благо, так и во вред человеку. В цифровой век частная жизнь становится наиболее уязвимой для произвольного вмешательства. Появление новых, в том числе достаточно дешевых цифровых технологий, создало благоприятную почву для увеличения числа киберправонарушений, которые создают реальную угрозу безопасности частной жизни, посягая на её неприкосновенность.

Государства, призванные охранять и защищать частную жизнь своих граждан, всё чаще выступают с инициативами, направленными на ослабление неприкосновенности частной жизни, например, о создании банков данных (национальные базы данных ДНК, отпечатков пальцев, финансового положения граждан); о необходимости сканирования радужной оболочки глаза; тотальное видеонаблюдение в общественных местах.

Понятие частной жизни давно используется в международных, европейских и национальных нормативных и правоприменительных актах.

Статья 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. устанавливает запрет на произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь человека, на произвольное посягательство на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию.

Согласно ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

В российском праве термин «частная жизнь» впервые появился на законодательном уровне в ст. 9 Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. Впоследствии в ст. 23 Конституции РФ 1993 г. было провозглашено право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, а также право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Европейский суд по правам человека неоднократно отмечал, что личная жизнь охватывает физическую и моральную стороны жизни человека, включает право вступать и развивать отношения с другими людьми и с внешним миром.

Конституционный суд РФ в определении от 09.06.2005 № 248-О сформулировал позицию, согласно которой «право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера».

Элементы частной жизни. Очевидно, что частная жизнь понятие оценочное, не позволяющее формулировать строгую логическую дефиницию. Однако с целью познания угроз безопасности и мер профилактики и борьбы с ними, можно выделить отдельные элементы частной жизни.

- 1) неприкосновенность личностного самоопределения (идентификации), уединения и анонимности;
- 2) физическая и психическая неприкосновенность;
- 3) коммуникативная неприкосновенность;
- 4) жилищная неприкосновенность;
- 5) неприкосновенность конфиденциальной информации, в том числе персональных идентификационных данных человека;
- 6) неприкосновенность семейной жизни.

Все эти элементы частной жизни являются потенциальными объектами различных кибер-угроз. Например, в условиях, когда перемещение че-

ловека сегодня легко можно отследить через его кредитную карту либо сотовый телефон, трудно говорить о каком-либо праве на уединение.

Внешние и внутренние источники угрозы безопасности частной жизни. Чаще всего источники угроз безопасности частной жизни имеют внешнюю природу. Правонарушителями, создающими такую угрозу, могут быть как государственные органы, так и иные субъекты. Так, при помощи видеокamer слежения необоснованно могут вмешиваться в частную жизнь журналисты, работодатели, супруги, родственники.

Однако развитие цифровых технологий значительно усилило роль внутренних угроз безопасности частной жизни, исходящих от самой личности. Понятие виктимности как склонности стать жертвой правонарушения давно перешагнуло границы уголовного права. В сфере гражданско-правовой защиты частной жизни можно говорить о появлении такого явления как самоделиктолизация – человек, неосмотрительно и легкомысленно используя цифровые технологии, сам открывает возможности для нарушения безопасности своей частной жизни. Размещая на различных интернет-ресурсах свои фотографии, персональные данные, телефоны, адреса, истории и видеоролики о своей жизни, человек значительно снижает защищенность частного пространства, фактически сам способствует приобретению правового статуса «потерпевший от деликта».

Меры защиты безопасности частной жизни. Защита безопасности частной жизни обеспечивается правотворческими и правоохранительными мерами.

Государство как субъект законотворчества устанавливает: 1) управомочивающие нормы, определяющие границы возможного поведения человека в частной жизни по диспозитивному принципу «всё, что не запрещено, то разрешено»; 2) обязывающие нормы, предписывающие должное поведение третьих лиц по не нарушению частной жизни индивидуума (например, получение согласие на обработку персональных данных); 3) запрещающие нормы, предусматривающие уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни.

Правоохранительные меры реализуют уполномоченные государственные органы, общественные организации. При этом важнейшая роль в предупреждении нарушений неприкосновенности частной жизни должна отводиться и самому индивиду.

Заключение. Современные технологии заставляют часто и в оперативном порядке пересматривать общественный договор между государ-

ством и личностью на предмет границ вмешательства в частную жизнь. Современные угрозы, прежде всего террористические, не могут не отражаться на возможностях ограничения и вмешательства в приватное пространство индивидуума. Однако в этом процессе не должно исчезнуть и само явление неприкосновенности, тайность частной жизни. Наиболее важной задачей в этой сфере сегодня представляется поиск гармоничного баланса между интересами безопасности государства и общества и частного жизни человека.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Д. Н. Латыпов

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

На сегодняшний день перечень способов защиты гражданских прав приведен в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Вместе с тем, нормативное определение способа защиты, равно как и легально закрепленные общие положений о способах защиты гражданских прав в законе отсутствуют.

Процессуальный закон также не содержит какого-либо упоминания об общих положениях о применяемых способах защиты гражданских прав. Тем не менее, с появлением пункта 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», посвященного вопросам избрания заинтересованным лицом способа защиты гражданских прав, в правовой доктрине возникло активное обсуждение понятий «надлежащего» и «ненадлежащего» способа защиты.

Материальный закон не содержит каких-либо общих, применимых ко всем способам защиты гражданских прав условий. Системный анализ сложившейся судебной практики отсылает нас к положениям ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК

РФ), ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ).

К примеру, по смыслу ч. 1 ст. 4 АПК РФ способы защиты гражданских прав должны соответствовать характеру допущенного нарушения этих прав, а восстановление нарушенных прав должно быть непосредственным следствием реализация этих способов¹.

Из п. 1 ст. 1 ГК РФ также следует, что необходимым условием применения того или иного способа защиты гражданских прав является обеспечение восстановления нарушенного права истца².

В тех случаях, когда закон предусматривает для конкретного правоотношения определенный способ защиты, лицо, обращающееся в суд, вправе воспользоваться именно этим способом защиты³.

Наконец, по смыслу ст. 12 ГК РФ сторона, заинтересованная в защите своего нарушенного права, вправе выбрать способ его защиты, эффективность которого обусловлена разницей в фактических обстоятельствах спора (основаниях иска), характере нарушенного права и в природе каждого способа защиты⁴.

Следовательно, установленная законом свобода выбора конкретного способа защиты все же ограничена наличием определенных критериев такого выбора, нарушение которых будет являться основанием для отказа в удовлетворения иска по причине избрания заинтересованным лицом ненадлежащего способа защиты гражданских прав.

Вместе с тем, в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» сформулирована правовая позиция, согласно которой если при принятии искового заявления суд придет к выводу о том, что избранный истцом способ защиты права не может обеспечить его восстановление, данное обстоятельство не является основанием для отказа в принятии искового заявления, его возвращения либо оставления без движения. В соответствии со

¹ *Постановление* ФАС УО от 09.10.2014 № Ф09-6674/2014, *Постановление* ФАС Московского округа от 15.07.2014 N Ф05-12881/2013 по делу № А41-44323/12 // СПС «КонсультантПлюс».

² *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 21.07.2014 по делу № А61-3820/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

³ *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 11.07.2014 по делу № А32-34232/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ *Определение* ВС РФ от 16.09.2014 г. по делу № 310-ЭС14-79 // СПС «КонсультантПлюс».

статьей 148 ГПК РФ или статьей 133 АПК РФ на стадии подготовки дела к судебному разбирательству суд выносит на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения для определения того, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

По смыслу части 1 статьи 196 ГПК РФ или части 1 статьи 168 АПК РФ суд определяет, какие нормы права следует применить к установленным обстоятельствам. Суд также указывает мотивы, по которым не применил нормы права, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В связи с этим ссылка истца в исковом заявлении на не подлежащие применению в данном деле нормы права сама по себе не является основанием для отказа в удовлетворении заявленного требования.

Указанные разъяснения не содержат прямого указания на невозможность отказа в иске заинтересованному лицу по причине избрания им ненадлежащего способа защиты, не влекущего непосредственное восстановление прав. Вместе с тем, согласно названной позиции суд вправе за истца переформулировать правовую квалификацию его заявленных требований. Означает ли подобная позиция наличие права суда самостоятельно изменить избранный истцом способ защиты?

Думается, такой подход несколько нарушает закрепленный статьей 9 АПК РФ принцип состязательности и равноправия сторон в арбитражном процессе. Полагаем, что суд не должен за истца устранять его «недоработки», тем самым, по сути, исполнять обязанность, возложенную на истца законом. Наличие такого правомочия у суда нарушит баланс интересов сторон, ограничит право противоположной стороны аргументировано и эффективно защищать свои интересы.

Представляется, что исключение названного права суда самостоятельно определять квалификацию заявленных истцом требований будет более способствовать достижению задач арбитражного процесса.

В рассматриваемой ситуации уместным было бы вспомнить правовую позицию ВАС РФ, отраженную в Постановлении Президиума ВАС РФ от 15.10.2013 N 8127/13, в соответствии с которой суд не вправе за ответчика исполнять соответствующую обязанность по опровержению представленных истцом доказательств, поскольку иначе будут нарушены такие фундаментальные принципы арбитражного процесса, как состязательность и равноправие сторон, что может привести к принятию неправильного решения (ст. 9 АПК РФ).

Следовательно, поскольку суд не вправе за стороны исполнять обязанность по опровержению представленных доказательств, значит суд не

должен и самостоятельно за истца формулировать применимые нормы права к его требованиям.

Подводя итоги, представляется возможным констатировать назревшую необходимость изменения статьи 12 ГК РФ и, как следствие, фиксирования общих положений о способах защиты гражданских прав в целях оптимизации эффективности правового регулирования защиты гражданских прав.

В частности, думается, необходимо законодательно закрепить в качестве общего условия применения надлежащего способа защиты гражданских прав обеспечение непосредственного восстановления нарушенного или оспоренного права или законного интереса, а также предусмотреть отказ в иске как правовое последствие избрания ненадлежащего способа защиты, в том числе в связи с неверной правовой квалификацией заинтересованным лицом избранного способа защиты.

НОВЕЛЛЫ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПРЕТЕНЗИОННОМ ПОРЯДКЕ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ С ПОЗИЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ДОБРОСОВЕСТНЫХ УЧАСТНИКОВ СПОРА

Д. А. Федяев

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

По мнению разработчиков, внесенные Федеральным законом от 02 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) новеллы относительно обязательности соблюдения сторонами спора, возникающего из гражданских правоотношений, досудебного порядка его урегулирования преследуют вполне очевидную цель – оптимизация судебной нагрузки, повышение качества работы судебной системы и эффективности правосудия в це-

© Федяев Д. А., 2017

¹ Рос. газета, 2016. 4 марта. № 47.

лом, в том числе посредством уменьшения количества споров, передаваемых на рассмотрение арбитражных судов¹.

Будучи инициированным Верховным Судом Российской Федерации², к тому времени уже интегрировавшим в себя Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, законопроект еще на стадии рассмотрения получил предсказуемо позитивные отзывы, особенно, со стороны представителей судейского сообщества³. В пояснительной записке к законопроекту в качестве одного из аргументов отмечалось, что обязательный досудебный порядок не является новшеством для российского арбитражного процесса⁴.

Безусловно, разгрузка судов является актуальной задачей на текущем этапе развития российской судебной системы, реализация которой обеспечит доступ к правосудию. Публичные претензии на этот счет далеко не редкость⁵. Тем не менее, является ли такой возврат к императивному регулированию положительным примером реализации третьего закона диалектики – отрицание отрицания? Попытаемся рассмотреть этот вопрос с позиции имущественных интересов и обеспечения экономической безопасности участников спора, в первую очередь, кредитора, претендующего на процессуальный статус истца после возбуждения арбитражным судом производства по делу.

Благая цель авторов законопроекта – максимально оградить арбитражные суды от инициирования по надуманным или даже сфабрикованным основаниям судебных споров отдельными недобросовестными истцами заслуживает понимания. Между тем, как отмечается в юридической литературе, оказался не проработан вопрос определения добросовестности сторон при исполнении порядка претензионного и досудебного урегулирования споров⁶.

¹ См.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 638178-6 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]// URL: <http://www.duma.gov.ru>.

² Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 октября 2014 г. №10 [Электронный ресурс]// URL: <http://ппвс.пф/2014/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N10-ot-21.10.2014.html> (дата обращения: 27.10.2016).

³ См., например: *Мачучина О.А.* Досудебный порядок и право на иск в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 6. С. 8–11.

⁴ Ранее был предусмотрен Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации 1992 г. со ссылкой на Положение о претензионном порядке урегулирования споров, утв. Пост-ем Верховного Совета Рос. Федерации от 24 июля 1992 г. № 3116-1.

⁵ Время начаться суду: что делать, если заседание не началось в срок [Электронный ресурс] // ПравоRU. URL: <http://pravo.ru/review/view/134888/> (дата обращения 27.10.2016).

⁶ *Федотов П.* Очередной виток судебной реформы // ЭЖ-Юрист. 2014. № 45. С. 4–5.

Авторы законопроекта исходили из того, что одна из причин высокой нагрузки арбитражных судов – злоупотребление лицами, участвующими в деле своими процессуальными правами. Однако может ли это служить оправданием создаваемым дополнительным препятствиям в реализации права на судебную защиту для добросовестных участников гражданского оборота, в то время как именно из презумпции добросовестного поведения требует исходить пункт 3 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации¹. Не случайно норма об обязательном досудебном порядке урегулирования спора системно включена в статью 4 АПК РФ, определяющую условия реализации права на обращение в арбитражный суд.

С другой стороны, вряд ли введённый обязательный претензионный порядок сможет защитить от необоснованных претензий недобросовестного кредитора, угрожающего обратиться в суд с иском. Остается только гадать, к каким превентивным мерам, по мнению законодателя, должен прибегнуть должник – «жертва», чтобы избежать передачи спора на рассмотрение суда. С мониторингом исков уже вполне справляются средства электронной картотеки арбитражных дел².

На практике предполагаемые негативные последствия для вынужденного ответчика по сфабрикованным спорам, помимо прочего, связывают с возможными мерами обеспечения иска, затрудняющими нормальную хозяйственную деятельность. Однако практика показывает вполне взвешенный подход арбитражных судов к применению обеспечительных мер. В спорных случаях, если не устраивает длительность процедуры апелляционного обжалования, имеется возможность отмены обеспечения иска судом по ходатайству лица, участвующего в деле (статья 97 АПК РФ).

Напротив, такая осторожность судов в вопросе применения обеспечительных мер не позволяет добросовестному истцу рассчитывать на то, что в течение необходимого срока ответа на претензию ответчиком не будут предприняты меры, на какие только хватит фантазии его юристов, для увода активов от обращения взыскания. Довольно продолжительный для

¹ См., например, об этом: *Голубцов В.Г.* Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестн. Пермского ун-та. Юрид. науки. 2016. Вып. 2(32). С. 175–184.

² *Картотека* арбитражных дел [Электронный ресурс] // URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 27.10.2016).

современных реалий электронного документооборота тридцатидневный срок¹ ожидания не способствует развенчанию этих опасения.

Особенно явно это будет проявляться, например, в спорах о виндикации, применении последствий недействительности сделок, неосновательном обогащении подобных, когда зачастую требуется максимально быстрая реакция на выбытие имущества из ведения титульного владельца вследствие заведомо противоправного поведения третьих лиц, предотвращение дальнейшего движения или распыления. В случае промедления восстановление нарушенных прав окажется затруднительным или даже невозможным. О предварительных обеспечительных мерах (статья 99 АПК РФ) вряд ли можно говорить, как о рекомендуемом средстве защиты экономических интересов, в силу крайне ограниченной практики их применения.

Признавая заявленную разработчиками законодательной новеллы эффективность правосудия в качестве необходимого условия функционирования системы арбитражного судопроизводства, нельзя забывать, что одним из важнейших критериев эффективности является исполнимость судебного акта. Однако, как видим, обязательный претензионный порядок этому совсем не способствует.

Скорее всего, участники гражданского оборота попытаются компенсировать законодательно установленную продолжительность срока ответа на претензию в договорах. Думается, диспозитивное положение о возможности предусмотреть иной порядок досудебного урегулирования спора не может быть истолковано, как допускающее полное исключение претензионного порядка по соглашению сторон.

Что касается обоснования переноса вопроса о досудебном порядке урегулирования споров из сферы свободного волеизъявления сторон в разряд императивных предписаний стремлением законодателя предотвратить перевод в статус судебных тех споров, которые теоретически могут быть разрешены переговорным путем, то вряд ли существуют достоверные статистические данные в пользу такого решения.

¹ Примечательно, что это единственный случай исчисления в АПК РФ срока в календарных днях. Остается надеяться, что правоприменительная практика будет склоняться в пользу буквального толкования нормы части 5 статьи 4 АПК РФ, а не к общим правилам исчисления сроков в части 3 статьи 113 АПК РФ, согласно которой в сроки, исчисляемые днями, не включаются нерабочие дни. В противном случае, принимая во внимание, что в некоторых месяцах количество выходных и праздничных дней превышает количество рабочих, срок ответа на претензию может увеличиться в полтора раза.

Рассматривая данный аспект проблемы, следует помнить, что судебное разбирательство является экстраординарным, нежелательным способом разрешения конфликта, сопряженным с риском несения дополнительных судебных издержек, разрушением сложившихся деловых связей и отношений доверия с контрагентами. Действующий разумно и не имеющий подтверждения намеренного уклонения должника от исполнения обязательства субъект предпринимательской деятельности предпримет меры для внесудебного урегулирования конфликта, даже если претензионный порядок не был согласован сторонами. В большинстве случаев это применимо и к спорам из внедоговорных отношений.

Отступление от этого правила возможно, когда кредитор предполагает намеренное неисполнение обязательства должником. Однако в таком случае обязательный претензионный порядок не предотвратит неизбежный перевод спора в судебную плоскость, как, впрочем, и в случае неплатежеспособности должника.

Нельзя не отметить сложившуюся ранее положительную практику расширения сферы применения установленного законодательством обязательного претензионного порядка для некоторых категорий споров (вытекающих из грузоперевозок, оказания услуг связи и др.) за счет включения договорных условий о досудебном порядке, что, в целом, подтверждает способность делового сообщества к внесудебному урегулированию споров без дополнительных императивных предписаний.

Резюмируя изложенное, выскажем мнение, что в отношении добросовестных платежеспособных должников претензионный порядок будет соблюдаться добросовестным кредитором исходя из собственных экономических соображений независимо от обязательности такого порядка. В иных случаях он заведомо бессилён и лишь будет способствовать дальнейшему дисбалансу экономических интересов участников назревающего конфликта. При спорных результатах оказался серьёзно снижен уровень экономической безопасности добросовестных участников гражданского оборота, которым несправедливо созданы дополнительные трудности в реализации права на судебную защиту.

В качестве компромиссного варианта можно предложить расширение категорий споров, по которым соблюдение досудебного порядка урегулирования не является обязательным, сокращение срока ответа на претензию.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ СИСТЕМЫ ООН

Н. А. Чернядьева

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Пермь*

Осознание глобального характера террористической угрозы обуславливает повышенный правовой интерес Организации Объединенных Наций (далее – ООН) к различным вопросам организации межгосударственного взаимодействия в этой сфере.

Лидирующая роль в универсальной системе противодействия терроризму принадлежит Совету Безопасности ООН (далее – СБ ООН, Совет), который осуществляет важные функции в сфере поддержания или восстановления международного мира и безопасности¹. Особенно активно СБ ООН включился в антитеррористическую борьбу после событий 11 сентября 2001 г. Так, Совет призвал государства работать вместе для предотвращения и пресечения всех террористических актов, стать участником всех международных антитеррористических конвенций, принять всеобъемлющую конвенцию о международном терроризме².

Наиболее важной мерой, принятой СБ ООН, стала Резолюция 1373 от 28 сентября 2001, которая требует от государств-членов создания институциональной и правовой базы для предотвращения и пресечения финансирования, подготовки и совершения террористических актов, а также сотрудничать с другими государствами по этим направлениям³. По мнению Д. Моэкли Резолюция 1373 представляет собой пример наиболее полного и «далеко идущего», новаторского Решения в истории СБ ООН⁴. Такой вывод исследователь делает в связи с целевым характером акта: Резолюция направлена не против конкретного конфликта, а в отношении общей

© Чернядьева Н. А., 2017

¹ Устав ООН от 26 июня 1945 г. Ст. 39. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР. 1956. № 12

² Резолюция 1566 (2004) от 8 октября 2004 г. Совета Безопасности ООН. П.п. 2,3,5 // [Электронный ресурс] URL: [http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=-S/RES/1566\(2004\)](http://www.un.org/Docs/journal/asp/ws.asp?m=-S/RES/1566(2004))

³ Резолюция 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г. Совета Безопасности ООН // [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/ru/>

⁴ Moeskli D. The Emergence of Terrorism as a Distinct Category of International Law // Texas International Law Journal. – Vol. 44. – P. 162.

системы международного терроризма; она является совокупностью правил общего применения, что характеризует ее как вариант законодательного акта. Таким образом, СБ ООН взял на себя всеобъемлющие правотворческие функции в отношении борьбы с терроризмом.

Для обеспечения функционирования универсального антитеррористического правового механизма ООН создала специализированные уполномоченные органы. Резолюцией Генеральной Ассамблеи был создан Специальный Комитет по борьбе с терроризмом, задачей которого стала разработка новых универсальных актов в данной сфере¹.

По инициативе СБ ООН был создан ряд вспомогательных органов для мониторинга соблюдения государствами взятых на себя обязательств по борьбе с терроризмом. Примерами таких структур являются Группа по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями², Комитет, созданный по поводу Аль-Каиды и Талибана, Комитет 1540 (группа экспертов)³.

Важнейшим элементом универсального антитеррористического механизма стал Контртеррористический Комитет, основанный СБ ООН вскоре после событий 11 сентября, и осуществляющий генеральный мониторинг и координацию межгосударственной деятельности в сфере международной безопасности и борьбы с терроризмом⁴.

Таким образом, на современном этапе в ООН создан развернутый системный механизм противодействия международному терроризму. По мнению Т. Отой он успешно работает в сфере поддержания международного мира и безопасности⁵.

Необходимо отметить, что всего в антитеррористическую систему ООН входит 23 организации, каждая из которых имеет собственную компетенцию в борьбе с этим злом⁶. Помимо вышеназванных структур, в ООН специальными полномочиями в данной сфере обладают: Департа-

¹ Резолюция 51/210 от 16 января 1997г. Генеральной Ассамблеи ООН «Меры по пресечению терроризма» // Doc. A/RES/51/210.

² Резолюция 1617 (2005) от 29 июля 2005 г. Совета Безопасности ООН. Doc. S/RES/1617 (2005). Преамбула // [Электронный ресурс] URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1617\(2005\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1617(2005))

³ Резолюция 1267 (1999) от 15 октября 1999 г. Совета Безопасности ООН. Doc. S/RES/1267 (1999). П. 6. // [Электронный ресурс] URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1267\(1999\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/1267(1999)).

⁴ Резолюция 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г. Совета Безопасности ООН. П. 6.

⁵ Awotoye T. O. State responsibility as a panacea to international terrorism // Humanities and Social Sciences. – Vol. 1. – N. 1. – 2013. – P. 36, 37.

⁶ Батюк В.И. Международное сообщество в борьбе с терроризмом: проблемы структуризации // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2008. – № 1. – С. 7.

мент операций по поддержанию мира, Департамент политических отношений, Департамент общественной информации, Департамент по вопросам разоружения, Департамент охраны и безопасности, Международное агентство по атомной энергии, Международная организация гражданской авиации, Международная морская организация, Международный валютный фонд, Интерпол, Управление Верховного комиссара по правам человека, ЮНЕСКО, Всемирная таможенная организация, Всемирный банк, Всемирная организация здравоохранения, Управление по наркотикам и преступности, Управление по правовым вопросам, Программа развития ООН и др.

В научной литературе высказана точка зрения, подчеркивающая неэффективность и неадекватность ООН в целом и его органов в деле борьбы с международными формами преступности и терроризмом. В частности, отмечается стратегическая ориентация на ликвидацию последствий, а не причин угрожающего мировой безопасности деяния; физическая неспособность к быстрому реагированию на ситуацию¹; анахронизм существующих процедур выработки решений и приспособленность для решения принципиально иных (межгосударственных) задач²; дублирование разрозненных антитеррористических программ³; фрагментарность в подходах и политика создания комитетов и программ в ответ на индивидуальные атаки, без разработки согласованной и скоординированной реакции⁴.

Представляется, что эта позиция заслуживает внимания. Действительно, по некоторым направлениям можно заметить нерезультативность деятельности системы ООН по противодействию терроризму. Так, например, до сих пор не согласован текст Всеобъемлющей Конвенции о борьбе с международным терроризмом, не смотря на то, что его первоначальный проект был предложен для обсуждения еще в 1996 г.⁵; отсутствует единое

¹ Шкундин М. З. Теория международных отношений в условиях глобализации. // Мировая политика в условиях кризиса. Учебное пособие. Под ред. КОРТУНОВА С.В. – М. – 2010. – С. 49-50, 81.

² КОРТУНОВ С. В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы // Мировая политика в условиях кризиса. Учебное пособие. – М. – 2010. – С. 43,

³ Батюк В.И. Антитеррористическая коалиция: рекомендации для России // Электронный научный журнал «Россия и Америка в XXI веке» №2, 2008 // URL: [Электронный ресурс] <http://www.rusus.ru>

⁴ Rosand E. The UN-Led Multilateral Institutional Response to Jihadist Terrorism: Is a Global Counterterrorism Body Needed? // Journal of Conflict & Security Law. – № 11:3 – 2006. – P.407

⁵ Проект «Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом», представленный в 1996 году Индией. // Doc A/C.6/51/6 of 11 Nov. 1996.

универсальное определение терроризма как самостоятельного феномена; не согласован объем признаков «международности» данного явления; не разработаны стандарты отчетности, по которым можно было бы оценивать контртеррористические усилия отдельных государств; существует правовая неопределенность в части оценки государственного терроризма.

Институциональная структура ООН, уполномоченная бороться с терроризмом, по мнению И. Росанд, в некоторых случаях может препятствовать прогрессу, показывает смешанные результаты. Как правило, считает исследователь, экспертам ООН обычно не хватает [возможностей] для полной оценки механизмов функционирования этих учреждений и сравнительных преимуществ, которые они могли бы иметь в борьбе с терроризмом.¹ Действительно, распределяя полномочия между большим количеством узких специализированных органов (или организаций), существующая система не способна создать всеохватывающую стратегию, доктрину борьбы с терроризмом. Это – компетенция институциональной единицы, сочетающей в себе многофункциональные полномочия в исследуемой сфере и обеспечивающей учет интересов государств-участников.

Все это свидетельствует, что система ООН на данном этапе не может самостоятельно и в полном объеме обеспечить требуемый уровень защитных мер от мировой террористической угрозы.

В такой ситуации логичен вопрос: должна ли ООН быть исключительно ответственной за деятельность подобного рода, имеется ли у нее объективный базис для ведения всей глобальной антитеррористической политики и стратегии? Представляется, что нет. Вся история существования данной организации, опыт ее работы свидетельствует, что главная ее функция – это быть площадкой согласования межгосударственных волеизъявлений, координатором совместных усилий мирового сообщества. В рамках такого взгляда на роль ООН в деле обеспечения безопасности снимается часть ее «вины» за несогласованную антитеррористическую политику и невыработанный правовой компонент. Таким образом, ООН способна эффективно действовать лишь в условиях активного взаимодействия с иными субъектами международного пространства: организациями и государствами.

В плане борьбы с терроризмом данное обстоятельство имеет особое значение. В основополагающем акте Совета Безопасности – резолюции 1373 (2001), в которой изложена всеобъемлющая программа по борь-

¹ *Rosand E.* The UN-Led Multilateral Institutional Response to Jihadist Terrorism: Is a Global Counterterrorism Body Needed? // *Journal of Conflict & Security Law.* – № 11:3 – 2006. – P.403.

бе с терроризмом, установлено, что именно государства являются основными акторами контртеррористических мероприятий. Так, государства обязаны осуществлять меры по привлечению к судебной ответственности террористов, а также тех, кто их укрывает, помогает им и поддерживает их. Резолюция также требует, чтобы все государства сотрудничали друг с другом по широкому кругу вопросов, касающихся борьбы с терроризмом¹. Особая роль государств – участников ООН в данной сфере неоднократно подчеркивалась в Докладах СБ ООН, Шестого комитета ГА ООН². В связи с этим, думается, что основная нагрузка по предотвращению, расследованию преступлений террористического характера, наказанию лиц, виновных в их совершении, должна ложиться на национальный уровень. Установление международной юрисдикции за террористические атаки должно рассматриваться как исключительный случай, каждый раз оцениваться индивидуально, с максимальным учетом целесообразности такого шага.

Эффективность государственного сотрудничества может быть обеспечена путем создания специального договорного органа, в компетенцию которого будет передано большинство вопросов противодействия терроризму.

Таким образом, в исследуемой сфере роль ООН и ее организаций видится, прежде всего, в создании универсальной правовой модели борьбы с терроризмом, в согласовании национальных взглядов по данному вопросу, мониторинге и контроле над субъектами мирового процесса по вопросам безопасности и противодействия глобальной преступности.

¹ Резолюция 1373 (2001) от 28 сентября 2001 г. Совета Безопасности ООН // [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/ru/>

² Доклад Шестого комитета. Doc.A/68/471 от 19.11.2013. Меры по ликвидации международного терроризма // [Электронный ресурс] URL: <http://www.un.org/ru/terrorism/sixthcom.shtml>; Доклад Совета Безопасности. 1 августа 2010—31 июля 2011 года. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Шестьдесят шестая сессия. Дополнение № 2. Doc.A/66/2. С. 209// [Электронный ресурс] URL: [un.org > ООН > Генеральная ассамблея.../sc/2011/a_66_2.pdf](http://un.org/ru/GeneralAssembly/66/2011/a_66_2.pdf).

ICT AND INFORMATION SECURITY

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

PUBLIC SECURITY & DIGITAL FORENSICS IN THE UNITED STATES

Deborah Keeling, Michael Losavio

*The University of Louisville,
USA*

Digital Forensics is the latest challenge for the use of forensics in the investigative process in the United States. Some of the challenges are created by conditions and circumstances that are present for law enforcement around the world, many are unique to the United States and created by the standards of evidence within our courts, nature of our law enforcement organizations, and structure of our judicial and prosecutorial systems.

It is essential for the preservation of public security and individual safety that competent systems of digital forensics be implemented for law enforcement at all levels. The failure to do so will let the guilty avoid responsibility for their criminal actions while possibly subjecting the innocent to unprecedented government intrusion into their private lives.

We examine the issues presented in this modern world of information and communication technologies and the myriad evidence they produce.

SECURITY FOR THE GLOBAL INFORMATION WORLD

Michael Losavio, Adel Elmaghraby

*University of Louisville,
USA*

We have rushed headlong into the wondrous world of information, and its instrumented, interconnected and intelligent modeling of our world. The benefits have been immense. And now the bill is coming due. Global information and communications technologies create criminal opportunities in which crim-

inal violation and physical proximity are decoupled. As in all our endeavors, the good becomes the prey of the bad. Murderous and venal exploitation of ICT has followed from the inception of the Internet, threatening all the good it brings and the trust we need so badly as a people.

IoT and GIS are key for a “Smart City,” a data-driven urban environment that leverages ICT to enable modelling and visualization within “an intelligent community framework.” The growth in analytic power and inference depends on data generated in Smart Cities. It presages unprecedented potential for the modelling, profiling and prediction of human behavior, including the deviant and criminal. The richness of this spatio-temporal data modelling and statistical inference challenges social and legal bounds of privacy and personal security. We examine current and future challenges in the context of technology and U.S. law.

We examine the structure of protection, regulation and compliance that secures this new space from the depredations of the bad. We don't change as fast as the technology, although we do change and here we must.

REFORMING THE PATENT SYSTEM FOR SECURITY-RELATED INVENTIONS

John T. Cross

*University of Louisville School of Law,
USA*

Introduction and Overview

The patent system involves a “trade” between inventors and society. Society’s contribution is perhaps the better-known part of this bargain—namely, a grant to the inventor of exclusive rights in the invention for a period of time (usually 20 years from the date of the patent application). In return, the inventor agrees both to teach society about the invention, as well as dedicate the invention to the public after the patent term expires. Teaching takes place in the patent document itself, which provides information about how to make and use the technology. Patents are a matter of public record. While the patent is in force, anyone in society can read the document and learn how the invention works. Once the patent expires, the invention is dedicated to the “public do-

main”, and all are free to make, use, and sell the invention, without paying or even acknowledging the inventor.

Recently, some have suggested the basic structure of this bargain creates problems for inventions that have security implications. More particularly, they suggest that the “teaching” function of the patent bargain has the potential to undermine, or at least limit the effectiveness of, developments in the security sector. To illustrate, consider two hypothetical security-related inventions: a new method of encrypting communications, and an “descrambling” device that can quickly and accurately unscramble communications by others. Both of these devices have security implications¹. But if the inventor must reveal the essence of the invention to the public as a condition to obtaining the exclusive rights of a patent, the security benefits may well be reduced. In the case of the encryption method, the problem is obvious—if others can read the patent and learn how the encryption works, they will be able to decode the communication. In the case of the descrambler, the need for secrecy is even more fundamental. Parties might want to use the device to deal with threats to security. In that case, it is important to keep the very existence of the device a secret, not merely the details of how it works.

Because of the heightened need for secrecy, some have proposed reforms to the patent system for security-related inventions. The common impetus for these proposals relates to the incentives provided by the patent system. The exclusive rights patent law gives to inventors are supposed to provide an economic incentive for people to engage in inventive activity². But if the inventor must disclose a security-related invention, much of that incentive will be lost. Therefore, the argument continues, the traditional “public patent” does not provide an adequate incentive for innovation in the industry. The proposed solution would essentially involve a “secret patent”: a grant of exclusive rights for a period of time, but without the requirement that the inventor disclose the details of the invention (or even the mere existence of the invention). These proposals vary. Some would allow secrecy to be maintained forever, while others would require disclosure of the invention only after the patent term expires.

This essay argues that these proposals are ill-considered. Admittedly, security-related inventions are a special case. Moreover, their special nature may indeed discourage inventors from using the patent system. But that does not mean the patent system should be modified to allow these inventions to be kept secret. Rather, the better solution is to deal with security-related inventions entirely outside the patent system. The law of trade secrets, as well as the ability

to engage in private ordering of affairs by contract, provides a more than adequate way to protect security-related inventions.

1. The Economics of Inventive Knowledge

Virtually all information has value. The encryption method and descrambling device hypothesized above have obvious value to a number of parties. Even mundane knowledge can have value. For example, knowing the number of paper clips in a firm's supply closet has value to the firm, for it lets the firm know when it needs to buy more clips. That information might also be valuable to an office supply store, which could contact the firm at just the right moment to sell additional supplies. In prior articles, I label this type of value "use" value: knowledge that helps the owner save costs or increase quality³.

For some information, use value remains the same regardless of how many firms in the industry possess the knowledge. Knowing the number of paper clips in a firm's supply closet has the same value to that firm regardless of how many of the firm's competitors know it. However, for much information, the use value increases if the information can be kept from competitors. While the value of knowing one's paper clip inventory remains the same, knowledge of a particular way to produce a superior product is worth more to the firm if the competitors do not know it. If the seller's product is superior, it can charge a higher price. If the secret knowledge reduces costs, the seller can earn more profit. Thus, much secret information has a separate, additional value as long as it is secret. I label this additional component of value "monopoly value⁴."

Security-related inventions certainly have both use and monopoly value. But in one way they are unique: the inverse relationship between the level of secrecy and use value is not one-way, but goes in both directions. To illustrate, compare a manufacturing process with the hypothetical encryption method. The former will always have some use value. Even if all firms in the industry know of the process, it will still benefit the firm by lowering costs or augmenting quality. By contrast, an encryption method has value only if it is secret. Once it is known to others, its value plummets to virtually nothing⁵.

2. Non-Patent Solutions

Most discussions of patent law do not delve into these value-based considerations. Nevertheless, these considerations are directly relevant to the issue at hand. Because of the unique effect secrecy has on the value of security-related inventions and information, inventors and users can adequately protect their interests without need to resort to the patent system. The two best alternatives to patent are the law of trade secrets/confidential information, and private ordering through contracts.

a. Trade secret/confidential information law

Nations often allow a party to protect certain varieties of confidential information. Such protection is common in the case of information or technology held by government. More rare, but increasingly common, is some sort of law that protects confidential information in the hands of a private party. This private protection is called “trade secret” protection in the United States and Canada, “breach of confidence” in the United Kingdom, some nations in Europe, South Africa and India, and “proprietary” or “private” information in other places. While the laws vary quite a bit in their particulars, they share certain fundamental features. As long as the information is secret, and the “owner” of the information takes steps to preserve that secrecy, all these laws protect the owner against “wrongful” appropriation of the information.

Of course, many nations have not implemented laws that protect secret information as such in private control⁶. However, that lack of a specific law does not necessarily mean inventors have no choice but to use the patent system to protect themselves. Regardless of the label, the key to trade secret/confidential information/proprietary information laws is that they require the owner to keep the information secret. But secrecy is a practical, not a legal, state of being. One does not need trade secret laws to benefit from secrecy. Even in nations that lack legal protection for secret information as such, parties keep vast amounts of information under wraps. And even absent a trade secret/confidential information statute, there are legal ways to deal with security breaches. Most appropriations of confidential information involve an act that is independently wrongful, such as breaking and entering, bribery, or unauthorized access to data files. Such acts already expose the actor to civil and possibly criminal liability even if they do not involve loss of secrecy. Therefore, a party who invents security-relevant technology can preserve practical exclusivity in her invention merely by keeping the invention secret, and may not need the legal “monopoly” afforded by patent protection.

b. Private Ordering through Contracts

Contract law reinforces the de facto exclusivity arising from secrecy. A party who invents new technology may license or sell that technology to others. While a patent may create a clearer “property” interest to license or sell, it is not necessary. As long as the invention might be useful to the other party, and the other party does not know of the invention, it may be willing to pay for its use.

Contract law augments the secrecy considerations discussed in the prior section. A party need not keep its invention completely secret to benefit from trade secret/confidential information protection. It is free to disclose that infor-

mation to select other parties in a license or sale agreement, as long as the agreement contains provisions designed to preserve overall secrecy. But in the case of a security-relevant invention such as an encryption method or descrambling device, both parties to the agreement have every incentive to preserve secrecy. The inventor wants to keep the invention secret to ensure she can receive the best price for a license or sale. The licensee wants to preserve secrecy because loss of secrecy renders the invention essentially of no value. In a situation like this, where both parties have the same ultimate goal, contractual arrangements can provide an effective solution. Both parties should accordingly insist on a provision requiring each of them to keep the invention a tightly controlled secret, and possibly specifying the steps the licensee must take to ensure secrecy is maintained.

* * *

In short, then there is no need to amend the patent laws to abandon the requirement of disclosure for security-relevant inventions. Neither inventors nor users of such inventions really gain much from a patent. Instead, they are able to protect their interests by resorting to existing laws, especially the laws of trade secret/confidential information, criminal laws such as bribery, and (especially) contract law. Upsetting the delicate bargain involved in patent law would provide little practical benefit to inventors and users, and would cause harm to society by removing the valuable teaching function of the patent system.

A NATIONAL SECURITY THREAT: CYBERCRIME

Monika Sharma

Maharishi Dayanand University,

India

University of Louisville,

USA

Computerization allows tasks to be broken down into small units and decentralizes processing. Computerized technologies are implemented to change and enhance the efficiency of creative and working processes in every aspect of life, and the world of crime is no exception. Cybercrime is crime that involves a computer and a network. The computer may have been used in the commission

of a crime, or it may be the target. The implications of cyberspace crime for national security derive from the way technology is used by hostile elements. This paper proposes a policy for cyberspace crime and its impact on national security. It includes a profile of cooperation among criminals, organized crime and hostile organizations and discusses the commercialization of cyber attack capabilities, made possible by ever-developing technologies and the growth of a black market in IT services. This paper identifies two separate conditions where cybercrime could become a substantial threat to national security.

LEGISLATIVE REQUIREMENTS FOR CYBER PEACEKEEPING

Nikolay Akatyev, Joshua James

Hallym University,

Republic of Korea

Cyber Peacekeeping (CPK) seeks to prevent and mitigate cyber and physical conflicts before the conflict escalates, as well as conflict cessation during periods of conflict. The creation of a Cyber Peacekeeping organization, however, has major legal and political implications. In this work we review current international legislation applicable for functions of Cyber Peacekeeping. Specifically, we analyze prominent works which contribute to definitions, law and ethics regulating cyber conflicts from the perspective of the creation of a CPK organization. Legislative and terminological foundations are analyzed and adopted from current practice. Further, this work analyzes guiding principles of global organizations such as ITU IMPACT, INTERPOL and regional organizations such as NATO and the Shanghai Cooperation Organisation to identify strengths and weaknesses of such international cooperation, and how CPK could fill current gaps relating to cyber conflict response.

POSSESSION OF CHILD PORNOGRAPHY IN CACHE

Sungmi Park, Joshua James

*Hallym Univesity,
Republic of Korea*

While the international trend in recent years has been to criminalize the "mere possession" of child pornography, it is not without critique.

Through a comparative analysis between the legal standards of possession of child pornography in the United States and Germany, this paper explores the possibility of a uniform solution when dealing with child pornography stored only in cache memory. The solution should serve as a clear guide to follow for countries such as South Korea to unite the various governmental policies and efficiently protect children from sexual exploitation. This paper gives cases of both countries as examples, categorized by their deciding factors.

Finally, we conclude that while the term "possession" should not be overly stretched, to minimize the consumption of child exploitation material and thus protect children from sexual exploitation "knowingly obtained access" should be criminalized, following the example of the United States and the requirement of Lanzarote Convention directly.

SINO-US CYBER SECURITY ISSUES AND CHINA'S CORRESPONDING LEGISLATIVE MEASURES

Yuting Wang

*Marxism School, Wuhan University
of Science and Technology,
China*

*Visiting Scholar of University of Louisville,
USA*

Since the internet was born in 1969 with liberalism, Word has been supporting borderless Network and Internet freedom by some people. However, along with an extensive discussion of the Sino-US cyber security issue, the idea of realism, "Internet Sovereignty," "International Public Domain," and "Improving the Legal system" began to influence Chinese government policies on cyber security.

Issues with Sino-US cyber security have a long history, which has four stages. First, from 1994 to 2001, the Sino-US cyber security crisis emerged. After the United States allowed China to access the Internet in 1994 and launched a series of strategies to deal with Chinese cyber security issues, the Sino-US cyber security focused on continuous mutual hacker attacks in Chinese and American civil society. Second, from 2007 to 2010, it was dormant. It was the time of the popularity of the Internet both in China and in America. The conflict of Sino-US cyber security seemed to have a temporary truce after a war rather than a permanent armistice. Third, from 2007 to 2010, it was an acute crisis. During this period, the disagreement about cyber security between China and American civil society expanded to the two countries' governments. Fourth, from 2010 to 2013, there was a diffusion. Google Crop claimed that it suffered state-sponsored hacker attacks from China in 2010 and then a series of correspondent policies were passed both in the Chinese and American governments. The Sino-US cyber security friction was serious and became a Cyber Cold War. Last, since 2013, it is the crisis management stage. Google's withdrawal from the Chinese mainland market and the U.S. Secretary of State's visit to China on cyber security represented that China and the United States government began to focus on cyber security crisis management and crisis intervention.

During these four stages, the Chinese government became aware of cyber security issues and tried to improve its own legal mechanism. In order to improve general laws, Chinese government has made laws on cyber security, including general laws on cyber security like the People's Republic of China (P. R. China) on Guarding State Secrets of 1989, the P. R. China National Security Law of 1993, and the Decision on strengthening the protection of network information of 2012. In June 2015, the fifteenth session of the Standing Committee of the Twelfth National People's Congress deliberated the network security law of the P. R. China (Draft) and Article of 255, 286, and 297 of Chinese Criminal Law. There are seven main writs of the State Council of the P. R. China on cyber security which including Regulations of P. R. China for Safety Protection of Computer Information Systems of 1994, Implementation Rules for Provisional Regulations of the Administration of International Networking of Computer Information in the P. R. China of 1997, Regulation on the Administration of Commercial Cipher Codes of 1999, Regulation on Internet Information Service of the P. R. China of 2000, and Regulation on the Protection of the Right to Communicate Works to the Public over Information Networks of 2006. Above 50 rules and regulations about cyber security were formulated since to conduct a micro-control on all industries in China.

However, there are still some problems on the internet legislation and network control management in China. First, nowadays the Chinese cyber security legal system is composed mainly of rules and regulations rather than laws. It's a trend to have phenomena of lawlessness, lax enforcement, not punishing law-breakers in a timely fashion, and developing into a highly bureaucratic institution. Second, there are still non- on cyber security, due to the absence of basic internet law and no definition or basic idea about internal legislation. Third, there is lack of legislation in preventing the use of criminal activities such as terrorism, pornography, drug trafficking, financial fraud, and cyber war.

ANALYSIS OF SECURITY IN BIG DATA RELATED TO HEALTHCARE

**Isabel de la Torre-Díez,
Begoña Garcia-Zapirain,
Miguel López-Coronado**

*Department of Signal Theory and Communications,
and Telematics Engineering.
University of
Valladolid Paseo de Belén,
Valladolid, Spain*

Big data facilitates the processing and management of huge amounts of data. In health, the main information source is the electronic health record with others being the Internet and social media. Health-related data refers to storage in big data based on and shared via electronic means. Why are criminal organisations interested in this data? These organisations can blackmail people with information related to their health condition or sell the information to marketing companies, etc. This article analyses healthcare-related big data security and proposes different solutions. There are different techniques available to help preserve privacy such as data modification techniques, cryptographic methods and protocols for data sharing, query auditing methods and others that are analysed in this research work. Although there remains much to do in the field of big data security, research in this area is moving forward, both from a scientific and commercial point of view.

HUMAN TRAFFICKING BEYOND BORDERS: CHALLENGES FOR PUBLIC SECURITY IN THE TRANSITIONAL DIGITAL WORLD

**Brent Skaggs, Shane Kimble, Michael Losavio,
Jennifer Middleton, Theresa Hayden**
*University of Louisville,
USA*

Digital information and communication technologies have increased sex traffickers' reach and anonymity, potential victims' vulnerability, and buyers' selection, driving an explosion in criminal human trafficking and exploitation. Addressing the need for public security in this domain requires the use of these technologies via data aggregation, analytics and computational forensics. Gathering and analyzing data in new ways will allow for a greater understanding of how sex trafficking is being performed in the digital world by providing insight into the modus operandi of sex traffickers, and providing valuable information about the victims themselves. This, in turn, will inform more effective public security responses and victim aid to these crimes.

Научное издание

**БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ГОСУДАРСТВА
И ОБЩЕСТВА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Материалы Первого международного симпозиума
(г. Пермь, 11–12 октября 2016 г.)

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка: *Ю. О. Ярушина*

Подписано в печать 10.02.2017. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 9,24. Тираж 50 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15